

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2009

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

В. С. Меметов (главный редактор),
В. П. Раков (заместитель главного редактора), **В. В. Комиссаров**,
С. С. Садина, **В. В. Селезнев**,
Н. Г. Юркин (ответственный секретарь)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00
E-mail:
vs_memetov@mail.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,
Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2009
© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2009

Подписные индексы

Почта России 60320

Пресса России 41533

Электронная копия журнала размещена на сайте www.elibrary.ru

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ПН № ФС 77-21093*)

2009

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief **Valery S. Memetov**

Editorial Board:

Valery Rakov (Deputy Editor-in-Chief), **Vladimir Komissarov**,
Svetlana Sadina, **Vladimir Seleznev**,
Nikolay Yurkin (Secretary of the Board)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
vs_memetov@mail.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiryova*
Computer Design *Nikolay Yurkin*,
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2009
© Ivanovo State University, 2009

Subscription indexes

The Post of RF 60320

Press of RF 41533

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **В. Т. Ермаков**, Институт российской истории РАН; **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **V. T. Ermakov**, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Будник Г. А.* Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии 7
«В науке был и остается только один счет — гамбургский» (Интервью *В. П. Ракова* с *В. И. Чердниченко*) 19

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Золотарев О. В.* Советское учительство в 1920-х годах 28
Гусев А. В. Формы производственной деятельности инженерно-технических кадров в системе промысловой кооперации губерний Верхнего Поволжья в 20—30-е годы XX века 41

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Шмельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* «Беседы о реальности» в восьми актах: интеллигенция Саратова в «Intellect Game session» 50

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Соловьёв А. А.* Интеллигенция и Церковь: методология исследования 75

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Усманов С. М.* Интеллигенция и будущее России в диалогах С. Н. Булгакова «На пиру богов» 85
Комиссаров В. В. Футуристические проекты И. А. Ефремова и братьев Стругацких в реалиях начала XXI столетия 100

ДЕБЮТ

- Жульков М. В.* Коллективный разум интеллигенции и ноосферное развитие. 114
Левицкая И. А. Интеллигенция современной России: трансформация социальной роли и функций 130

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Марфин Ю. С., Садина С. С.* Образ и менталитет современного молодого ученого 135
Аннотации 141
Информация для авторов 147
-

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN INTELLIGENTSIA STUDIES

- Budnik G. A.* Concept “intelligentsia”: new approaches and discussions 7
“In science there was and is only one reckoning — from Hamburg” (In-
terview of *V. P. Rakov* with *V. I. Cherednichenko*) 19

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Zolotarjov O. V.* Soviet teachers in the 1920s. 28
Gusev A. V. Forms of production activity of engineering-technical per-
sonnel in the system of trade cooperation of provinces of upper
towns of the Volga river in the 1920s-1930s 41

INTELLIGENTSIA IN THE MODERN SOCIETY

- Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Ya.* “Talks about reality” in
eight acts: intelligentsia of Saratov in “Intellect Game Session”. 50

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Soloviev A. A.* Intelligentsia and church: methodology of research 75

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Usmanov S. M.* Intelligentsia and the future of Russia in the dialogues
of S. N. Bulgakov “On the Gods’ Feast”. 85
Komissarov V. V. Futuristic projects of I. A. Efremov and Strugatsky
brothers in the reality of the beginning of the 21st century 100

DEBUT

- Zhulkov M. V.* Collective intellect of intelligentsia and noospheric de-
velopment. 114
Levitskaya I. A. Intelligentsia of modern Russia: transformation of so-
cial role and functions 130

EDUCATIONAL-METHODICAL PROBLEMS OF MODERN INTELLIGENTSIA STUDIES

- Marfin Yu. S., Sadina S. S.* Image and mentality of a modern young scientist 135
Summaries 141
Information for authors 147
-

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)64-283.2В

Г. А. Будник

ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ДИСКУССИИ

Глубоко убежден, что к понятию «интеллигенция» нельзя подходить как к чему-то статичному и устоявшемуся на века. Она была, есть и будет прямым отражением социально-экономических, политических, национальных, культурных и других отношений в любом человеческом обществе.

В. С. Меметов

Понятие «интеллигенция» глубоко анализировалось во многих серьезных современных исследованиях. В первую очередь считаю необходимым выделить вышедшую в 2008 г. под редакцией В. С. Меметова монографию «Проблемы теории и методологии интеллигенции». В собранных под одной обложкой новаторских статьях известных философов, историков, филологов, социологов, политологов, специалистов в области современных информацион-

---

© Будник Г. А., 2009

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и культуры Ивановского государственного энергетического университета. admin@history.ispu.ru; budn@inbox.ru

ных технологий представлены, с одной стороны, разные, а с другой — взаимодополняющие друг друга подходы к одному из наиболее трудноуловимых и сложных понятий — «интеллигенция».

Выход в свет этого фундаментального труда стал возможен благодаря многолетней плодотворной работе Проблемного Совета «Интеллигенция, культура, власть», НИИ интеллигентоведения и Межвузовского Центра гуманитарного образования, возглавляемых профессором В. С. Меметовым. При этом Валерий Сергеевич выступает в данном случае не только в роли организатора, но и автора многих новаторских идей и концепций¹.

Не претендуя на полноту освещения проблемы, считаю необходимым также высказать собственную точку зрения по важной, актуальной и дискуссионной в настоящее время проблеме определения понятия «интеллигенция».

Известный ученый, много лет занимающийся проблемами изучения истории российской интеллигенции В. Л. Соскин в начале XXI в. писал: «Понятие “интеллигенции” является главным предметом дискуссий среди интеллигентоведов. И это понятно: от того, как характеризуется эта группа (отряд и т. п.), зависит в значительной мере отношение к ней»².

Уже на этапе выработки понятийного аппарата перед исследователем встают сложные *теоретико-методологические проблемы*. Прежде чем перейти к их рассмотрению, определимся с предметом и основными понятиями в методологии истории. И. Я. Биск, много лет занимающийся вопросами методологии истории, так образно обозначил ключевые теоретические дефиниции: «методология = теория + метод». Методология, по его словам, это теория исторического знания и познания. Методика — техника, или способы, исторического исследования. Метод можно рассматривать на двух уровнях, и в зависимости от уровня приближаться то к методологии, то к методике³.

В соответствии с различными методологическими установками, исследователи предлагают свои определения интеллигенции. Не останавливаясь на содержательной стороне споров рубежа XIX—XX вв.⁴, ограничусь основными выводами ученых по этому вопросу.

К настоящему времени научные подходы к определению понятия «интеллигенция» могут быть объединены в две группы:

первая — *социально-функциональный подход*, выделяющий интеллигенцию по характеру труда — профессиональному, умственному, требующему выполнения определенных социальных функций; вторая — *нравственно-этический подход*, при котором упор делается на глубокое осмысление и внутреннее переживание представителями интеллигенции гуманитарных ценностей. Сторонники первого подхода, в соответствии с формулировкой В. И. Ленина, включают в интеллигенцию всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда в отличие от представителей физического труда⁵. Так, В. Л. Соскин считает, что «не обоснованно отделение рядовых специалистов от “настоящих” интеллигентов. Интеллигентами являются все, кто занимается в основном умственным трудом, благодаря наличию образования, специальности, способностей, навыков, опыта. Остальные признаки и качества являются вторичными, они различны для разных обществ и разных эпох»⁶. Ярko и образно позицию сторонников второго подхода выразил известный ученый-философ Л. Н. Коган в докладе на конференции в Екатеринбурге «Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества?». Он не был согласен с тем, что «все люди, получившие высшее и среднее специальное образование, а также “практики”, не имевшие специального образования, но занятые умственным трудом, механически зачислялись в разряд интеллигенции». По мнению Л. Н. Когана, не всех специалистов можно отнести к интеллигенции: «Специалисты — социальная группа общества; это люди, занятые профессиональным умственным трудом, то есть группа, сложившаяся на основе объективных, формальных признаков. Иное дело интеллигенция — это оценочная категория, характеризующаяся качественными особенностями личности, определенным типом мышления и поведения. Это люди, высокая интеллектуальная культура которых сочетается с высокой нравственной культурой, подлинной духовностью, бескорыстным служением народу, Родине». В качестве вывода он заключил: «Интеллигенция, это не социальная группа, а духовная элита общества»⁷.

М. Е. Главацкий обратил внимание на мысль И. А. Варнавских о соотношении на разных этапах истории социологического и нравственно-этического подходов. В период, когда общество на-

ходится в достаточно стабильном состоянии — в науке и публицистике преобладает социологический подход. Этот вывод нашел подтверждение в практике. В 1990-е гг. привлекательным был морально-нравственный подход, а в начале XX в., когда обстановка в стране стабилизировалась, на «исходные позиции» возвращается социально-экономический подход. Для многих исследователей более предпочтительными стали социально-профессиональные критерии⁸. М. Е. Главацкий, подводя итоги дискуссии о понятии «интеллигенция» 1990-х гг., обозначил новое явление рубежа веков как «попытку дополнить первый подход духовно-нравственными критериями, или даже синтезировать их»⁹.

В настоящее время многими учеными признается тот факт, что нельзя отождествлять «интеллигента» и «специалиста»¹⁰. Так, например, А. В. Соколов считает, что «специалист умственного труда — это человек, удовлетворяющий духовные потребности в обществе путем создания, хранения и распространения духовных продуктов, пользующихся общественным спросом. В общем случае специалист работает по найму, он выполняет в пределах своей компетенции любые заказы, за которые ему платят. Интеллигент же осуществляет не любую хорошо оплачиваемую работу, а только ту, которая не противоречит его совести и убеждениям. Интеллигент, будучи образованным и творчески активным человеком, как правило, является специалистом; специалист же, в зависимости от этического самоопределения, может быть интеллигентом, а может быть интеллектуалом. Таким образом, объем понятия “специалист” включает объем понятия “интеллигент”»¹¹. Выходом из методологического тупика для А. В. Соколова стало введение нового понятия — интеллектуальный слой как совокупность интеллигентов и интеллектуалов. В основе понятия — термин «интеллект», т. е., по мнению А. В. Соколова, способность создавать и понимать смыслы. «Интеллектуальный слой — это совокупность интеллектуалов, а интеллигентов нужно причислять к “интеллигентскому слою”», но и у тех, и у других присутствует интеллект, который их объединяет, но используется он по-разному, что их разъединяет¹². На основе предложенного методологического инструментария А. В. Соколов предлагает своеобразные формулы интеллигентности, интеллектуальности и интел-

лектности, а также структуру интеллектно-этического континуума, которая включает в себя «интеллигентов-гуманистов», «интеллектуалов-деспотов», «интеллигентов-скептиков», «интеллектуалов-квазигуманистов», «интеллигентов-конформистов» и т. д.¹³ Предложенные автором новации позволяют уточнить собственное видение объекта исследования, однако вынесенные на суд читателей умозаключения слишком схематичны и умозрительны; они трудно применимы к анализу такого сложного социокультурного явления, каким является интеллигенция. Кроме того, принципиально то, что такие характеристики личности, как деспотизм, квазигуманизм, не приемлемы к представителям подлинной интеллигенции.

В последние годы все больше сторонников появляется у *комплексного междисциплинарного подхода*, впервые использованного в трудах школы «Анналы». В России этот подход с начала 1990-х гг. успешно стал развивать В. С. Меметов. Позднее вокруг него сложилась научная школа. Нельзя не согласиться с мнением одного из его учеников — О. Ю. Олейника — о том, что «интеллигенция должна определяться как по социально-профессиональным чертам и свойствам (т. е. по внешним, формальным признакам), так и по духовно-интеллектуальным (т. е. по сущностным *качествам*)... Это особая социокультурная общность, профессионально выполняющая функции субъекта духовной жизни и духовного производства, что и составляет ее сущностный критерий»¹⁴. В этом определении логично и емко отмечены важнейшие черты интеллигенции. Остается только выяснить, как же *взаимосвязаны* между собой профессионализм и культурно-нравственные черты интеллигента? Насколько они дополняют друг друга? Может ли одно существовать без другого? Ответ на этот вопрос может дать изучение *конкретной практической деятельности* интеллигенции. К работе именно в этом направлении исследователей призывают М. Е. Главацкий, Е. И. Самарцева, В. Л. Соскин¹⁵.

В то же время необходимо отметить и настороженное отношение к междисциплинарному методу известного ученого, посвятившего многие годы изучению истории отечественной интеллигенции, В. Р. Веселова. Он, в частности, полагает, что «междисциплинарный, интегрированный характер новейших ис-

следований природы интеллигенции наряду с *положительными сторонами* (широта охвата, многогранность видения предмета и др.) имеет и *негативные аспекты*: неопределенность исследовательских рамок, расплывчатость самого объекта исследования, нередкое игнорирование специфики конкретной специальности». В результате, размышляет он далее, «при всей внешней привлекательности подобного совмещения исследовательских подходов его трудно практически осуществить в конкретно-историческом исследовании»¹⁶. Сомнения в возможности синтеза социологического и культурно-личностного (термин М. Е. Главацкого) подходов высказал и М. Е. Главацкий¹⁷. Опасения известных ученых можно понять, так как в 1990-е гг. привлекавшиеся методы, в первую очередь социологические, психологические, педагогические, использовались не системно, эклектично. ***Нужна была выработка инструментария исследования***, методологического каркаса, соединявшего подходы различных гуманитарных наук. ***Решающую роль в этом сыграл выдвинутый В. С. Меметовым в лоне междисциплинарного подхода ретроспективный взгляд на интеллигенцию***. Исследования В. С. Меметова и его школы приблизили историческую науку к тому, что анализируемые политические, социальные, культурологические реалии истории интеллигенции стали фокусироваться в *ретроспективной плоскости с конкретным историческим аспектом*. Ретроспективный анализ изучения истории интеллигенции, о котором В. С. Меметов писал еще в 1990-е гг.¹⁸, позволил ему выделить *сущностные черты*, присущие интеллигенции разных времен и народов. *Сущностные черты* — это основа модели (идеального образа) интеллигенции, которая вбирает характерные черты интеллигенции как социальной группы. Сущностные черты стабильны и обязательны, их утрата означает изменение сущности их обладателя, в нашем случае — интеллигенции. Можно «построить» модель поведения интеллигентов, которая позволит объяснить их связи и свойства, реконструировать интеллигенцию тех периодов, о которых сохранилось мало эмпирического материала, выявить черты интеллигенции в современную эпоху. В итоге мы получаем интеллигенцию как устойчивую систему, ее формальные и неформальные структуры, взаимодействие с властью, общественное

мнение об этой группе населения, роль ее лидеров и т. д. Вместе с тем, сущностные черты служат основой для формирования временных, исторически обусловленных специфических черт интеллигенции в ту или иную историческую эпоху. В соответствии с ними выделяют интеллигенцию разночинную, советскую, постсоветскую и др. Иными словами, *сущностные черты первичны, конкретно-исторические — вторичны*. В таком случае исследовательская стратегия, несмотря на разный эмпирический материал при общем методологическом фокусе, может быть следующей: сначала — социологические характеристики, потом — нравственно-этические. В результате можно заключить, что интеллигенция является сложным социокультурным феноменом. *Критериями принадлежности* к ней являются профессиональная подготовка, что позволяет ей занимать определенное место в социальной структуре общества, и особые нравственные качества, проявляющиеся в отношении к народу и государству. Общественно-значимые цели, ориентация на интересы, нужды народа наполняют ее профессиональную деятельность особой значимостью, неповторимостью, позволяя принимать нестандартные, зачастую выходящие за рамки обыденного понимания поступки.

В настоящее время ряды сторонников комплексного междисциплинарного подхода растут. Своеобразной отправной точкой в определении позиции в водовороте методологических исканий для многих начинающих исследователей явились межвузовские сборники работ, выпущенные в Ивановском государственном университете под редакцией В. С. Меметова в начале — середине 1990-х гг. Опубликованные в них статьи таких известных ученых, как В. Р. Веселов, М. Е. Главацкий, В. Т. Ермаков, А. В. Квакин, М. И. Кондрашева, Г. Г. Халиулин, охватывали широкий спектр новейших теоретико-методологических исканий. Эти сборники, также как и научные форумы, явились своеобразной лабораторией по выработке нового видения интеллигенции. Определенным итогом в работе интеллигентоведов явилась XI международная научная конференция «Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход». В ее работе приняли участие историки, социологи, философы, филологи, политологи, специалисты технических наук. Выступая на

ней, В. С. Меметов отметил, «что если еще год — два назад междисциплинарный подход лишь выдвигался в число актуальнейших и важнейших, то сегодня можно уже смело утверждать, что за ним будущее»¹⁹. С этими выводами были солидарны многие участники конференции.

В русле междисциплинарных изысканий работают философ Е. С. Элбакян, педагог Л. Г. Викторова, развивается и новая социальная история, идеи которой активно разрабатываются Л. П. Репиной и ее последователями²⁰.

Итак, *интеллигенция — это социокультурная общность, представители которой отличаются высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной и общественной деятельности, направленной на производство и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей, и обладают особыми психологическими чертами и позитивными нравственно-этическими качествами.*

С позиции организмического подхода интеллигенцию можно представить в виде сложной конструкции, в центре которой находится «ядро», т. е. люди, сущностными чертами которых является способность анализировать концептуальные идеи, развивать их или отвергать, а также выдвигать собственные. «Ядро» окружает «оболочка», состоящая из различных по степени социальной активности, творческому потенциалу, уровню культуры людей. Однако все они имеют схожее мироощущение, образ жизни и духовный облик, выполняют присущие интеллигенции функции создания, распространения и сохранения культурных ценностей²¹.

Системный подход позволяет представить интеллигенцию как сложную систему, выявить общие, повторяющиеся, типичные и закономерные черты в ее структуре и функциях, или, другими словами — ее сущностные черты.

В рамках междисциплинарного подхода важную роль имеет *культурно-семиотический подход*. «Он апеллирует к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимо то, что значимо с их точки зрения. Речь идет о реконструкции субъектных мотивов тех или иных действий. Наши действия обусловлены нашими представлениями о событиях и их связях. Поэтому надо реконструировать систему представлений. В се-

миотической перспективе исторический процесс представлен как процесс коммуникации, когда поступающая информация обуславливает реакцию социума»²².

Позитивную роль могут сыграть и методы *культурной антропологии*, т. к. антропология концентрирует внимание на смысле ритуалов и символов, определяющих поведение человека. С этой позиции могут быть проанализированы, например, студенческие ритуалы (посвящение в студенты, выпускные вечера и т. д.), такие массовые действия, как демонстрации, Дни памяти и т. д.

Социально-психологическая история интеллигенции предполагает анализ мифологического уровня сознания интеллигенции. Существует множество определений понятия «миф». Остановимся на предложенном А. В. Соколовым. Миф — это воплощенный в слове мистический символ, представляющий собой синтез (сплав) знания, веры и вымысла²³. Мифология интеллигенции — это одна из разновидностей социальной мифологии. По мнению А. В. Соколова, она связана с мистическим феноменом российской интеллигенции. На мой взгляд, мифология интеллигенции, в первую очередь гипертрофированная или, наоборот, приниженная оценка ее места и роли в жизни общества, связана с рядом объективных причин. *Во-первых*, сама интеллигенция в силу своей культурно-творческой деятельности создает эмоционально-побудительные мотивы, приводящие в движение общество. К примеру, утопическая теория А. И. Герцена об общинном социализме или популярный в 1950-е гг. миф о том, что при помощи науки и техники можно кардинально улучшить жизнь человечества. *Во-вторых*, само государство целенаправленно возвеличивает или развенчивает как интеллигенцию, так и плоды ее деятельности. Например, миф о советской интеллигенции, которая, якобы, всегда была «передана идеалам коммунизма», или утопическая теория о возможности построения к 1980-м гг. в СССР коммунизма.

Еще одним подходом в изучении интеллигенции является локальный или *краеведческий (родиноведческий) подход*. Наиболее активным его пропагандистом является В. Г. Рыженко²⁴. В рамках микроистории многие проблемы истории нашей Родины становятся ближе и понятнее. На примере жизни отдельных представителей интеллигенции, семейных династий можно ис-

следовать глубинные социокультурные процессы, не видимые в макроисторическом масштабе.

Новаторской является *ноосферная методология* исторического универсума, разрабатываемая Г. С. Смирновым. «Ноосферная история, — с точки зрения известного философа, — предполагает не только материально-орудийную и материально-техническую стороны исторического процесса, но и все интеллектуально-духовное и информационно-знаниевое пространство, которое, в конечном счете, и делает мир таким, какой он есть. Но, кроме того, ноосферная история это и история формирования человеческого содержания духовных процессов, которые проявляются, прежде всего, в эволюции интеллигенции. Ноосферная история — это история обустройства мира под формы духа, те конкретно-исторические парадигмы внутреннего и внешнего миропостроения, которые создаются в творческом труде»²⁵. Нельзя не согласиться с Г. С. Смирновым, что данный подход, на мой взгляд, во многом созвучный идеям В. С. Меметова, создает условия для полноформатного осмысления феномена интеллигенции. Методология, разработанная в философии науки, позволяет представителям других гуманитарных наук, в том числе и историкам, представить феномен интеллигенции объемно и глубоко, в виде сложной мировой и вневременной системы, с одной стороны, развивающейся по своим особым законам, а с другой — «укорененной» в историческом бытии.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время складывается новая парадигма изучения феномена интеллигенции, важную новаторскую и консолидирующую роль в выработке которой играет Валерий Сергеевич Меметов.

Примечания

¹ Из последних публикаций см., напр.: *Меметов В. С.* Генезис, формирование и деятельность интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции : монография. Иваново, 2008; *Он же.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2.

² *Соскин В. Л.* Ученые, революция, власть // Интеллигенция и мир. 2002. № 1/2. С. 3.

- ³ Биск И. Я. Методология истории : курс лекций. Иваново, 2007. С. 7, 8.
- ⁴ Подробнее об этом см.: Будник Г. А. Высшая школа и интеллигенция: советский воспитательный и образовательный эксперимент. 1945—1985 годы : (на материалах Центрального района России). Иваново, 2003; Соколова Ф. Х. Интеллигенция Европейского Севера России в 1917—1941 годах. Архангельск, 2003.
- ⁵ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 309.
- ⁶ Соскин В. Л. Конформизм интеллигенции: вина, беда или необходимость? // Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора : материалы круглого стола Всероссийской конференции «Интеллигенция в России XX века: неоконченные споры», посвященной 90-летию сборника «Вехи». Екатеринбург, 1999. С. 28. Аналогичный подход см., к примеру: Пигалева Н. П. Учительская интеллигенция и ее роль в социокультурной жизни российской провинции в послевоенные годы. 1945—1953 гг. : (на материалах Костромской и Ярославской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007. С. 3.
- ⁷ Коган Л. Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Российская интеллигенция: XX век : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 61, 64, 65.
- ⁸ Главацкий М. Е. Что же такое, наконец, интеллигенция? // Современная наука и проблема выбора жизненной стратегии человечества : материалы очно-заочной науч. конф., посв. памяти С. Н. Самарцева. Тула, 2003. С. 167.
- ⁹ Там же. С. 166.
- ¹⁰ См., напр.: Калинин А. К. Партийно-государственная политика по формированию инженерно-технической интеллигенции во втузах Верхней Волги в 1976—1985 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007. С. 8; Соколова Ф. Х. Указ. соч. С. 59—60.
- ¹¹ Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007. С. 17.
- ¹² Там же. С. 12.
- ¹³ Там же. С. 43—44, 47—48, 64.
- ¹⁴ Олейник О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы : (теоретико-методологический и историографический аспекты). Иваново, 1997. С. 53.
- ¹⁵ Главацкий М. Е. Указ. соч. С. 167; Самарцева Е. И. Российская интеллигенция до октября 1917 года : (историографический очерк). Тула, 1998. С. 93; Соскин В. Л. К новейшей концепции истории советской интеллигенции // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Иваново, 1995. С. 20.
- ¹⁶ Веселов В. Р. Интеллигенция и провинция в исторической судьбе России. Кострома, 2001. С. 11—12.

- ¹⁷ *Главацкий М. Е.* Указ. соч. С. 166.
- ¹⁸ *Возилов В. В., Меметов В. С.* Этапы развития российской интеллигенции и феномен нигилизма // Интеллигенция России: традиции и новации : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 1997. С. 13; *Меметов В. С., Фролов В. А.* Формирование военной интеллигенции: преемственность или возвращение к истокам // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. Иваново, 1995. С. 65; *Меметов В. С.* О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к «прединтеллигенции» : (постановка проблемы) // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 1996. С. 4 и др.
- ¹⁹ *Меметов В. С.* Проблемы становления новой парадигмы интеллигенции // Генезис, становление и деятельность интеллигенции : междисциплинарный подход : тез. докл. XI междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2000. С.10.
- ²⁰ *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; *Бурдюкин Д. А.* Перспективы междисциплинарного синтеза в изучении аристократии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики : материалы науч. конф. Москва, 5—7 октября 2006 г. М., 2006. С. 60—61; *Кефнер Н. В.* Научная повседневность послевоенного поколения советских историков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006; *Косякова Е. Л.* Городская повседневность Новониколаевска — Новосибирска в конце 1919—1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006; *Николаева Ю. И.* О возможности методологического синтеза в истории ментальностей // Историческое знание и интеллектуальная культура : материалы науч. конф. : в 2 ч. Ч. 2. М., 2001. С. 74 — 77; и др.
- ²¹ Идея о выделении в интеллигенции группы, которая составляет ее ядро, и периферии была высказана в 1996 г. Ю. А. Поляковым (*Поляков Ю. А.* Зачинщица или жертва // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 17).
- ²² *Парфенов И. Д.* Методология исторической науки : курс лекций. Саратов, 2001. С. 113.
- ²³ *Соколов А. В.* Указ. соч. С. 24.
- ²⁴ *Рыженко В. Г.* Методологическое и методическое наследие «золотого десятилетия» и современность // Интеллигенция и мир. 2002. № 1/2. С. 24—31.
- ²⁵ *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества как процесс коэволюции мировой интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008. С. 350.

«В НАУКЕ БЫЛ И ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО ОДИН СЧЕТ — ГАМБУРГСКИЙ»

(Интервью В. П. Ракова с В. И. Чередниченко)

Владимир Ильич Чередниченко — доктор филологических наук, профессор. Научные исследования В. И. Чередниченко посвящены проблемам гуманитарного знания, изучению методологии и теории литературы и — в последнее десятилетие — журналистики. Особо интересуют ученого интердисциплинарные области познания, при этом он стремится удержать и специфические качества каждой из наук, которые привлекаются для анализа проблем. Профессор В. И. Чередниченко — инициатор и организатор получивших широкий резонанс ежегодных международных научных интернет-конференций «Интердисциплинарный подход в журналистике и смежных областях знания».

Главный труд ученого — изданная в 1987 году в издательстве Академии наук Грузии монография «Типология временных отношений в лирике», которая предлагает по сути первую в науке развернутую концепцию художественного времени. Стереоскопический контекст изучения художественного творчества содействует более глубокому пониманию доминантных характеристик литературы и ее родовой сущности, о чем писали такие читатели

© Чередниченко В. И., Раков В. П., 2009

Чередниченко Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор. Заслуженный профессор Кубанского государственного университета. Действительный член Академии гуманитарных наук. Директор Научно-исследовательского института массовых коммуникаций КубГУ (2004—2006 гг.), заведующий отделом интердисциплинарных связей журналистики НИИ МК КубГУ (с 2006 г.). Действительный член Международного научного общества по изучению времени (ISST) и других научных обществ. Вице-президент Международного научного Центра интердисциплинарных исследований (ICIS). Обладатель сертификата ISST (1994 г.). В течение десяти лет (1999—2009 гг.) заведовал кафедрой теории журналистики Кубанского государственного университета.

Раков Валерий Петрович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, зам. главного редактора журнала «Интеллигенция и мир».

этой книги, как М. Л. Гаспаров и Н. К. Гей. Значительный интерес для филологов представляет и концепция сюжетности лирического рода, предложенная автором в 1995 году.

Исследователь много занимается проблемами теории перевода. В этом году в рамках одной из самых авторитетных издательских серий Российской академии наук ученым подготовлен научно выверенный корпус русских переводов стихотворения «Ворон» Эдгара Аллана По в обрамлении сопроводительных статей и обширного комментария. Этой работе предшествовал посвященный американскому писателю выпуск серии сборников, издававшихся при непосредственном участии Владимира Ильича в Кубанском госуниверситете.

В последние годы В. И. Чередниченко уделяет особое внимание разработке теоретических проблем журналистиковедения, что получило воплощение в монографии «Теория журналистики» (написанной совместно с И. В. Чередниченко) и ряде статей, в частности в работе «Роды и жанры публицистики на современном этапе», где ученым предложена своя типология жанров журналистских произведений. Совсем недавно под редакцией В. И. Чередниченко был издан сборник статей по актуальным проблемам журналистиковедения и смежных областей знания — «Альянс», в котором приняли участие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Любека, Краснодара, Воронежа, Иваново. Кстати, в книге мы видим большую статью редактора, посвященную малоизученному жанру — некрологу. С помощью текстов советского времени автор разгадывает коды эпохи: увлекательное семиотическое путешествие.

Ученый любезно согласился принять участие в беседе с профессором В. П. Раковым.

В. П. Раков. Я рад нашей встрече, дорогой коллега. Хотя мы ныне и разлучены географическими просторами нашей Родины, все же живем с ощущением атмосферы и традиций академической науки, о чем поговорим в дальнейшем. А сейчас мне бы хотелось, чтобы Вы рассказали об истоках вашей личности и начале научной карьеры. Где ваша «малая Родина» — духовный приют и душевная отрада? Где учились и проходили аспирантуру? Под чьим крылом готовили и защищали докторскую диссертацию? Что для Вас значит такое понятие, как научная школа?

В. И. Чередниченко. Да, Валерий Петрович, на просторах нашей Родины мерцают отдельные огоньки академической мысли, но они не согревают тех, кто рядом, разве только самых верных — век сейчас иной. Последние Ученые-титаны покидают наш мир (невосполнимая утрата для русской культуры — сравнительно недавний уход М. Л. Гаспарова и В. Н. Топорова), оставляя горы трудов для оскудевшей расы интеллектуалов. Новая прагматически ориентированная вузовская масса органически не приемлет высокую науку, перед ней стоят задачи, далекие от научного поиска. К управлению вузами, факультетами и кафедрами стали активно привлекаться менеджеры-антиинтеллектуалы, менеджеры-неинтеллигенты, которые оценивают те или иные идеи с точки зрения сиюминутных и немедленных экономических выгод. Формируется тип не стратегов, а тактиков. На первых порах вузы будут даже процветать, что создаст стойкую иллюзию правильности взятого курса. Собственно говоря, процесс уже набирает силу.

Духовный приют и душевная отрада моя — фантастический Тбилиси с его атмосферой непрерывного творческого поиска, богатейшими библиотеками и книгохранилищами. Двенадцать лет работы в Институте литературы имени Шота Руставели Академии наук Грузии — лучшие годы моей профессиональной жизни, непрерывающееся интеллектуальное пиршество, на котором тамадой неизменно избиралась сама Наука. Здесь закладывались основы моего научного мировидения, вынашивалась концепция художественного времени. Собственно говоря, защита докторской в 1987 году на тему «Типология временных отношений в лирике» — итог этой многолетней работы. Мне как студенту в свое время невероятно повезло: моими учителями в Тбилиском государственном университете были люди не просто высокоодаренные, но и расположенные к внеаудиторному общению (что сейчас, заметьте, не приветствуется), излучающие человеческое тепло. О некоторых не могу не упомянуть: Соломон Хуцишвили, Алик Алексидзе, Вано Шадури, Вахтанг Натадзе, Георгий Гиголов, Котик Герасимов, Лиина Хихадзе, Георгий Джибладзе, Тенгиз Буачидзе. Всего два штриха: Алик Алексидзе, например, владел мертвым древнегреческим как живым, вел переписку на этом языке с одним французом, читал нам «Илиаду» на языке оригинала. Котик Герасимов приносил на лекции по истории

книги — не просто раритеты, а инкунабулы (фантастика!). На проспекте Руставели во время променада можно было встретить Мераба Мамардашвили, Гиви Маргвелашвили (живет и работает ныне в Германии) и других ярчайших личностей, которые были всегда готовы включиться в разговор о самом насущном.

В. Р. А что было потом?

В. Ч. А потом был переезд на Кубань (родина моих предков) и работа в краснодарских вузах. В символическом плане — падение в бездну. Стремление приспособиться к миру, построенному на принципиально иных началах. Провинциальные нравы, зависть, злоба, одним словом, мелкотравчатость, все то, с чем ежедневно сталкивается практически каждый российский «интеллигент». Поражала абсолютная вера всех в то, что по-другому и не бывает, что так устроен мир. Безупречно серая личность была той идеальной моделью, к которой стремились. На факультете журналистики Кубанского государственного университета сложилось какое-то странное представление о науке. Вполне серьезно считали: чтобы стать ученым, достаточно взять тему, проработать источники и защититься. Очень многие считают так и поныне. Декан брал преподавателя, что называется, за горло и не отпускал до тех пор, пока жертва не выходила на защиту. Так формировались «местные кадры», к которым впоследствии перешло управление факультетом, ученым и диссертационным советами. Люди, не имевшие представления о целях и задачах научного знания, о методах «своей» науки, естественно, давали путевку в жизнь себе подобным — своим ученикам, соискателям и аспирантам. Разве описанная ситуация не типична для многих вузов России, Валерий Петрович? О каком качестве гуманитарного образования можно после этого говорить?

Научные идеи можно оспаривать, их можно обсуждать. Но невежество и некомпетентность «специалистов», получивших формальный доступ к «говорению», не могут быть предметом серьезного научного разговора. Особо ярко эти качества проявляются в формате государственных экзаменов и на защите дипломных проектов. Думаю, одной из превентивных мер могла бы стать процедура сдачи соискателями ученой степени тестов на IQ и степень владения родным языком. Если бы было осуществлено

подобное мероприятие, уверен: результаты поразили бы общественность; и мы бы все призадумались: чему могут научить эти люди подрастающее поколение?

В. Р. Неужели не было луча света в этом темном царстве?

В. Ч. Конечно, был. В русской провинции всегда были от природы одаренные личности, которые задыхались в «родной» среде. За примерами далеко ходить не надо — все знают, каково было, например, Бахтину в Саранске...

В. Р. Обычно в такого рода беседах, как наша, я обсуждаю с коллегами нынешнее состояние филологической науки, ее методологические стратегии и перспективы. Вы — энтузиаст междисциплинарных исследований, расширяющих у каждого специалиста горизонт восприятия его собственной области знания. Не могли бы Вы поделиться соображениями по поводу положения дел в этой сфере? Хотелось бы знать шкалу ваших методологических предпочтений.

В. Ч. Интердисциплинарный подход понимается одной группой исследователей как изучение одного и того же объекта разными дисциплинами. Другая группа ратует за применение единого синтетического метода, аккумулирующего возможности различных частных методов. Второй подход мне ближе. Игорь Чередниченко сформулировал задачи метода на современном этапе, написав Программу для Международного научного Центра интердисциплинарных исследований, вице-президентом которого я являюсь, и вместе с ним мы попытались его применить в монографии «Теория журналистики».

В. Р. Нынешний научный контекст — явление стереоскопичное, нередко противоречивое. Мы наблюдаем обостренный интерес исследователей к проблемам, до недавнего времени находившимся в латентном, скрытом состоянии, возможно, по причине нечувствия специалистами их актуальности. С другой стороны, несомненно влияние фактора торможения: запретительная система, существовавшая более семидесяти лет, нанесла колоссальный ущерб самому качеству научной мысли и даже внушила некоторым коллегам такую осмотрительность здравомыслящих

людей, трепещущих даже перед своей смелой идеей. Печальные следствия. Я рад, что мы с Вами не поддались, по выражению А. Ф. Лосева, слепой власти меона. Устоять было нелегко, но мы это сделали. Когда я читаю ваши труды, то вижу и чувствую упругий и энергичный импульс мысли, стремящейся к «новым берегам». Такое состояние духа автора не может не вдохновлять читателя. Но что Вы можете сказать о мере фундаментальности той продукции, с которой мыслящий филолог ныне имеет дело? Уже сейчас у нашего сообщества есть определенные исследовательские достижения, однако некоторые коллеги сетуют на снижение уровня работ, если брать науку в ее вузовском и массовидном проявлении. Так ли это на самом деле?

В. Ч. Вузовская наука всегда отставала от академической. Не отставали лишь отдельные ее представители. Сейчас разрыв, как мне кажется, стал еще более ощутимым. Отчасти это связано с не востребованностью глубокого знания «снизу»; пытливые студенты сегодня — большая редкость. В 1880 году студент Воронежского университета Владимир Плотников предьявил за первый семестр курсовую работу — новаторский труд, удивляющий нас даже сегодня (он был опубликован в воронежских «Филологических записках»). За все годы работы в вузе мне не попадалось ни одной студенческой дипломной или курсовой работы, сопоставимой с плотниковской по уровню. Среди филологических исследований преподавателей вузов изредка попадаются интересные идеи, тогда как журналистиковеды заняты в основном (встречаются, конечно, исключения) отыскиванием «блошиных истин» (термин Яна Лукасевича). Критерии научности здесь занижены как ни в одной другой области знаний. Высшей аттестационной комиссии не помешало бы более принципиально оценивать «новизну» работ в этой области.

В. Р. Владимир Ильич, наш журнал адресован широким слоям читающей публики. Проблематика ваших трудов такова, что вызывает любопытство людей, для которых филология не является профессией. Я думаю, что разгадка этого феномена не только в ясном и доходчивом стиле создаваемых Вами текстов. Суть дела, вероятно, в остроте и важности изучаемых вопросов, один из которых касается взаимодействия культур. Вы — глубо-

кий и тонкий знаток англоязычной, грузинской и русской литературы. Центральной темой ваших размышлений является проблема пространства и времени в ее экзистенциальном, философском и, прежде всего, эстетическом, а также семиотическом аспектах. В свете вашего опыта изучения этой широкой тематики, что можно сказать о процессе взаимопроникновения форм сознания, моделей поведения, идей и образов культуры разных народов? Активно развивающийся процесс глобализации усложняет и драматизирует картину. Что тут существенно и тревожно?

В. Ч. Вопрос интереснее ответа. Да, глобализация нивелирует национальные и индивидуальные различия, которыми так дорожат «интеллигенты» (но не «интеллектуалы»). Процесс гомогенизации культурного пространства не может не настораживать, хотя особенно драматизировать ситуацию не стоит. Когда насыщение «чужим» подойдет к критической черте, может произойти культурный взрыв и процесс пойдет в обратную сторону. Возврат к своему через пресыщение «чужим» может оказаться гораздо плодотворнее тех результатов, к которым приводит реализация моделей автономного развития национальной культуры. Сегодня уберечь национальную культуру от вторжения инородных «вирусов» едва ли возможно — следует, наоборот, создать «встречное течение» (по А. Н. Веселовскому), чтобы «вирус» ассимилировался и стал «родным». Переболев «чужим», свое обретет еще большую крепость и своеобразие.

В. Р. У меня в руках только что вышедший в свет том научных трудов Кубанского государственного университета «Альянс: Актуальные проблемы журналистиковедения и смежных областей знания» (Краснодар, 2009). Издание подготовлено под вашей редакцией. Здесь опубликованы работы исследователей, принадлежащих к школам, давно зарекомендовавшим себя в системе филологических традиций, а также теоретические и методические изыскания мэтров в области теории и методологии журналистики. Представлена когорта и молодых исследователей. Книга отличается своеобразным единством похвального постоянства традиции и свободой интеллектуальной игры, столь свойственной молодости. Счастливый синтез! Это уже стало типическим признаком филологических трудов, созданных в творческом климате Вами возглавляемой кафедры. Не идет ли тут речь о научной школе?

В. Ч. Благодарю за оценку сборника «Альянс», который вышел не благодаря, а вопреки линии, проводимой руководством факультета, не выделяющим средств на развитие серьезных научных исследований. Так, издательский проект факультета, получивший международную известность — «Эдгар Аллан По. Эссе. Материалы. Исследования», — заглох из-за нежелания финансировать этот чрезвычайно перспективный сектор. Средства на издания «Альянса» были собраны сотрудниками руководимой мною кафедры. Серьезную науку делают сейчас ученые-одиночки. Поэтому ставить вопрос о научной школе я бы не стал.

В. Р. В вышеупомянутом издании помещены статьи, посвященные обсуждению проблем высшего образования. Каково Ваше отношение к проводимым реформам или, точнее, к тому, что понимает под этим словом Министерство науки и образования РФ?

В. Ч. Переход к болонской образовательной модели должен предполагать и переход к европейскому уровню оплаты труда российского преподавателя и к приведению так называемой «нормативной» нагрузки, которая сегодня ложится на плечи нашего преподавателя, в соответствии с евростандартами. Иначе реальные результаты могут не совпасть с ожидаемыми.

В. Р. Наш журнал пишет не только об интеллигенции, но и о мире, в котором она живет, ему противостоит и его строит. Хотелось бы услышать ваши суждения по этой неохватной теме. Насколько содержателен и плодотворен сам термин «интеллигенция»? «Интеллигент» и «интеллектуал» — следует ли дифференцировать эти понятия? Разделяете ли Вы убеждение в том, что интеллигенция имеет, скажем так, метафизическую призванность и высокую миссию? Что выступает как главное в творческом портрете современного интеллигента?

В. Ч. Я не разделяю убеждение об особой миссии «интеллигенции». Сейчас это понятие наполнилось условным и аморфным содержанием. Куда более драматична судьба «интеллектуала» в современном мире — на Западе и в России. Интеллигент — далеко не всегда интеллектуал, но антиинтеллектуал — это всегда неинтеллигент. Раньше интеллигентами рождались, сейчас

ими становятся в силу самых разных обстоятельств. Однако сама по себе принадлежность человека к «интеллигентам» или «интеллектуалам» по существу ничего не решает. Судьбу человека во многом решает духовное самоопределение, независимо от того, есть ли у него рефлексия по этому поводу или нет.

В. Р. В одной из ваших работ сформулирована максима: «В науке был и остается только один счет — гамбургский». Серьезный и правдивый афоризм! Не могли бы Вы его прокомментировать?

В. Ч. Ученого делает ученым не диплом о присуждении ученой степени, не долгая и успешная околонаучная деятельность, не оценка его деятельности другими. Ученого делает ученым природная способность создавать нетривиальные идеи и умение их обосновывать. Подделать эту способность практически невозможно, поэтому ученый ученого узнает, воспользуясь образным выражением, по запаху. Когда на одной из защит магистратский физик сказал о молодом соискателе: «Это парень из нашего двора», споры стихли, и все стало на свои места.

В. Р. Спасибо за беседу, Владимир Ильич! Вы поддержали платоновскую традицию диалога, которая так любезна уму и сердцу каждого интеллигента. Желаю Вам дальнейших творческих успехов и надеюсь, что наша с Вами встреча найдет свое продолжение в будущем.

В. Ч. Спасибо, Валерий Петрович, за обмен мыслями. Думаю, что он будет продолжен в полилоге читателей уже без нашего с Вами участия.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)61-283.2

О. В. Золотарев

СОВЕТСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО В 1920-х ГОДАХ

Самой важной и неотъемлемой фигурой в системе народного образования является школьный работник-педагог. Именно поэтому ситуация в учительской среде определяет положение школы, отражает то, насколько точно проводится на местах политика центра в образовательной сфере, а значит, и свидетельствует об успехе или неудаче этой политики. Нельзя забывать и о том, что школьные педагоги являются наиболее видным и многочисленным представителем городской и сельской интеллигенции (особенно заметно это влияние в провинции) и играют в жизни страны немалую роль.

В дореволюционной России школьный работник занимал высокое место в социальной иерархии. Особенно ярко это проявлялось на селе. В деревне самыми уважаемыми и авторитетными людьми были староста, учитель и священник. Во многом это объяснялось незначительным количеством грамотных среди населения и, вследствие этого, трепетным отношением крестьян к образованному человеку.

Кроме того, необходимо отметить, что в начале XX века наблюдался подъем народного просвещения в России. Он выражался не только в росте количества школ и заметном улучшении их материального положения. Явно повышалось и качество обучения. Это было связано с ростом квалификации педагогов. Сре-

---

© Золотарев О. В., 2009

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. (812) 24-43-91.

ди учителей были теперь выпускники учительских институтов и семинарий, которые вводили новые методы преподавания.

Говоря о высоком социальном статусе дореволюционного учителя, нельзя сбрасывать со счетов и сравнительно благополучное материальное положение педагогов. Низшая учительская ставка в начальной школе (30 рублей в месяц) в полтора раза превосходила среднюю заработную плату рабочего (22,5 рубля в месяц). И все же заработная плата педагога начальной школы едва превышала прожиточный уровень крупных городов. А вот учитель средней школы был по своему социальному статусу недотягивал даже для средних слоев городского населения. Это подтверждается следующими данными. Учитель гимназии (в зависимости от стажа работы) получал от 75 до 210 рублей в месяц (в 3,3—9,5 раза больше рабочего). А учительская пенсия составляла сумму в 150 рублей в месяц¹.

Значительный авторитет учительства, а значит, и особую его роль в формировании настроений населения (особенно сельского) прекрасно осознавало руководство Коммунистической партии, пришедшей к власти в России в октябре 1917 года. Поэтому одной из важнейших задач партийных организаций в области просвещения оно считало активную работу среди учителей. Ее главной целью было, в первую очередь, изменение в благоприятную для себя сторону политических взглядов педагогического персонала.

Следует сказать, что общественная позиция учителей в тот период однозначной не была, хотя в целом демократические настроения значительной части педагогов определили настороженное, во многих случаях негативное отношение школьных работников к Октябрьской революции. Это признавали и высшие слои большевистской партии. В. И. Ленин говорил, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти»². Эти слова в полной мере относятся и к школьным учителям.

Первые шаги новой власти по отношению к педагогам были примирительного характера и содержали призыв к сотрудничеству. Однако очень скоро власти переменили тактику, ибо учительство оставалось враждебно к большевикам. Властные структуры перешли к административному давлению на школьных ра-

ботников, стремясь уничтожить организованное оппозиционное движение в учительской среде. В 1917—1919 годах это выразилось в роспуске Всероссийского учительского союза (ВУС), выборах народных учителей и создании подконтрольных большевикам союза учителей-интернационалистов и профсоюза работников просвещения и социалистической культуры.

Попытки привлечения учителей на сторону правящей партии усилились после окончания гражданской войны. Причем сделать это пытались не столько карательными методами, сколько путем подготовки новых учителей, стремлением заинтересовать их вопросами новой педагогики и т. п. Власти надеялись «эту высокополезную общественную группу втянуть в интересы и творческую работу советского государства»³.

Данные тенденции, возникнув в центре, распространялись и на окраинные районы. Причем надо учитывать, что во многих регионах ситуация осложнялась специфическими национальными проблемами.

А на селе (где проживало большинство населения) значительное количество школьных работников весьма сочувственно, в силу своего крестьянского происхождения, относилось к позиции эсеровской партии. Тем не менее, в целом учительство, как и подавляющее большинство населения страны, слабо разбиралось в происходящих событиях и вследствие этого довольно равнодушно смотрело на перемены.

Почти сразу после укрепления позиций большевистской партии были предприняты попытки, имеющие целью добиться лояльности педагогов к новой власти. По всей стране были проведены выборы народных учителей. В результате из школ было уволено значительное число педагогов, чьи взгляды и действия по каким-либо причинам не устраивали власти. Шло в регионах и создание поддерживаемых коммунистами групп учителей-интернационалистов. Организовывались и прокоммунистически настроенные ячейки учительских профсоюзов.

Однако эти действия не привели к быстрым и кардинальным переменам в учительской среде, несмотря на то что власти, как в центре, так и на местах, стремились преувеличить глубину произошедших изменений. В 1923 году они с триумфом сообщали: «Мы видим, как учительство, его масса, впервые... за время

революции поворачивают в сторону Советской власти и Коммунистической партии. Это факт»⁴. Однако желаемое выдавалось за действительное. Перелом в позиции учительства в пользу новой власти наметился только во второй половине 1920-х годов.

Немалую роль в настроениях школьных работников играло, конечно, их материальное положение. Представители большевистской партии отчетливо осознавали прямую зависимость между материальным положением педагогической интеллигенции и успешным осуществлением советской школьной политики. В. И. Ленин, говоря в начале 1923 года о путях изменения взглядов учителей в благоприятную для партии сторону, указывал: «...и главное, главное и главное — работать над поднятием материального положения учителя»⁵. Однако в условиях гражданской войны и послевоенной разрухи решение этого вопроса было очень затруднено.

Анализируя материальное положение школьных работников, следует учитывать, что деятельность властей по его улучшению велась в основном в двух направлениях: это, во-первых, повышение заработной платы учителей и, во-вторых, предоставление педагогам различных льгот — обеспечение жильем, продуктами, топливом и т. п. Причем заметим, в определенный период второе играло более важную роль. Так было, например, во время гражданской войны. Но уровень жизни людей тогда заметно снизился, ухудшилось и материальное обеспечение учителей. Власти оказались не в состоянии сделать что-либо реальное для улучшения жизни педагогической интеллигенции. Это самым негативным образом сказалось на ситуации в школах. Учителя были вынуждены искать дополнительные средства к существованию или же вовсе уходили на другую работу. А. В. Луначарский, говоря в конце гражданской войны о положении педагогов, отмечал, что просвещенцы «поставлены в невозможные материальные условия». Между тем улучшение материального положения учителей было частью борьбы за учительство. Руководители Наркомпроса прекрасно осознавали это, указывая: «Учитель голодает... (это) разрушительно сказывается на школьной жизни вообще, и часто отталкивает от нас учителя»⁶.

Однако попытки увеличения зарплаты педагогов в условиях обесценивания денег носили лишь пропагандистский характер. Сами власти признавали, что к 1921 году «учитель едва ли полу-

чал 20 % старого «земского жалованья»), причем получал аккуратно лишь в «совершенно исключительных случаях». В результате учителям в декабре перечисляли жалованье за январь, что обесценивало зарплату почти в десять раз. Поэтому стремиться к повышению окладов было просто бессмысленно, и основной постепенно становилась проблема обеспечения школьных работников продуктами питания, одеждой, топливом и т. п. Центр еще в 1918 году констатировал, что «вопрос о снабжении школьных работников продуктами продовольствия в переживаемый момент более чем когда-либо нуждается в разрешении». Однако забота об осуществлении этого легла на плечи местных властей, которые практически не имели необходимых средств⁷.

В некоторых регионах положение педагогов пытались несколько улучшить выдачей единовременных пособий. Но из-за ограниченности ресурсов действия в этом направлении не были вполне успешными, и к концу гражданской войны учителя многих регионов были почти «голы и босы»⁸.

В начале 20-х годов определенную роль в удовлетворении насущных нужд учителей сыграла деятельность учительского профсоюза — Всерабпроса. При местных отделениях Всерабпроса действовали кассы взаимопомощи, которыми весьма часто пользовались нуждающиеся учителя. Серьезную помощь оказал профсоюз в снабжении учителей одеждой и обувью, ведь к концу гражданской войны педагоги были не только не в состоянии обеспечить семьи продовольствием, но остались практически без одежды. Конечно, усилиями только профсоюза проблемы материального обеспечения школьных работников решить было невозможно.

Сложное материальное положение школьных работников в купе с ожесточенным административным и идеологическим давлением новых властей на учительство способствовало уходу многих учителей из школ и, как следствие, вело к серьезной нехватке педагогов. Это происходило несмотря на то, что Советская власть, придавая важнейшее значение роли учителя в образовательной системе, с первых лет своего существования уделяла большое внимание подготовке педагогических кадров. Построение системы подготовки школьных педагогов исходило из концепции советской образовательной системы, которая определяла роль учителя в новом обществе в качестве проводника коммуни-

стической идеологии. Ответственным было и содержание педагогического образования. Этими же мотивами определялись и изменения в учительской среде: власти настояли на замене старых учительских кадров. Новые педагоги и готовились, и должны были работать в русле господствующей идеологии. Именно это обстоятельство подчеркивал В. И. Ленин: «Задача новой педагогики, — говорил он, — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»⁹.

Решить проблему по-новому подготовленного учителя пытались двумя путями (это совпадало с политикой Советской власти по отношению к интеллигенции в целом): во-первых, политическим перевоспитанием учителей, усовершенствованием знаний педагогов, получивших подготовку еще до революции, и, во-вторых, созданием новых педагогических кадров.

Однако уже в начале 1920-х годов значительная часть старого учительства покинула школу, как из-за материальных трудностей, так и из-за несогласия с проводимой образовательной политикой. К этим причинам в школах национальных областей вскоре добавилась еще одна: непродуманный и поспешный перевод обучения на местный язык, что вызвало уход из системы образования квалифицированных русскоязычных учителей. Это обстоятельство еще более обострило проблему нехватки школьных работников. Катастрофическое положение с учительскими кадрами заставило властные структуры вплотную заняться вопросами подготовки новой учительской смены. Ведь попытки удержать педагогов в школах административными методами успеха не имели. Хотя нередко меры предлагались крайние и весьма непопулярные.

Острая нехватка школьных работников заставила идти по пути ускоренной подготовки педагогов. Практически по всей стране это осуществлялось через сеть краткосрочных (3—6 месяцев) курсов. Даже имевшиеся педагогические учебные заведения из-за недостаточности средств преобразовывались в курсы.

Однако эти действия ожидаемого эффекта не приносили. Власть признавала, что «поддержать в более или менее доброкачественном виде» учительскую массу не удавалось. В целом советское учительство начала 20-х годов имело невысокую квалификацию (особенно в удаленных от центра районах). Например, в Коми автономии в этот период только 13 % школьных работни-

ков имели специальную педагогическую подготовку. Эти показатели были значительно ниже общероссийского уровня (30—45 %), и, конечно, такое положение не могло не вызывать серьезную озабоченность местного руководства¹⁰.

Таким образом, в период гражданской войны властям не удалось решить ни одну проблему, связанную со школьными педагогами: учительство явно не было сторонником победившей партии, не воспринимало проводившейся в области просвещения политики, в массовом порядке покидало свои рабочие места в школе. Сложившаяся ситуация во многом объяснялась тяжелым материальным состоянием педагогов (впрочем, не лучшим оно было и у всего населения).

Конечно, такое положение никак не могло устраивать власти и они предпринимали определенные усилия по его изменению. Однако положительные сдвиги обозначились только во второй половине 1920-х годов. Они касались в первую очередь лояльности школьных работников к коммунистической идеологии. Во многом данные перемены были обусловлены радикальной позицией властей в отношении формирования учительского контингента. К этому времени уже произошла смена педагогического персонала вследствие ухода старых специалистов из школ из-за низкой заработной платы, увольнения неугодных учителей, а также стремления пополнять учительский контингент выходцами из рабочих и беднейших крестьян. Такая политика вела, прежде всего, к серьезному обновлению кадров школьных работников. И этот процесс имел явную тенденцию к расширению. Подобная линия неблагоприятным образом сказалась на профессиональных качествах нового учителя. Власти на местах признавали, что школы «пополнялись малограмотным персоналом, часто чуждым не только советской, но всякой педагогике»¹¹. Не способствовало сохранению учительских кадров и заметно ухудшившееся материальное положение образовательных структур во время гражданской войны и особенно НЭПа. Учителя, будучи в своем большинстве высококвалифицированными специалистами, искали лучше оплачиваемую, нежели в школах, работу. В результате новое учительство не отличалось высоким уровнем профессиональной подготовки, что в свою очередь приводило к резкому падению всегда большого, особенно на селе, авторитета учителя. Даже

новое название учительской должности, данное в духе того времени — шкраб (школьный работник), казалось, отражало унижение педагога. Усугублению подобной ситуации способствовала и политика местных сельсоветов, когда работники образования фактически использовались в качестве «сельисполнителей».

Однако полностью достичь своих целей власти не смогли. Новое учительство, которое уже не проявляло враждебности к власти, что было относительным успехом проводимой линии, не отличалось политической активностью. Оно было в этом плане довольно индифферентным. Такое отношение власти устраивать не могло, т. к. они видели одну из основных функций школьного работника как раз в агитационно-пропагандистской работе. Компартия прекрасно осознавала значимость учителя, который должен был стать проводником ее взглядов. Глава Наркомпроса А. В. Луначарский признавал, что «учитель является огромной важности элементом в смычке с крестьянином»¹². В силу этого нажим на учительство в преимущественно крестьянской стране, с окончанием гражданской войны и особенно после введения НЭПа и провозглашения курса на союз со средним и беднейшим крестьянством, усилился.

Данное обстоятельство вызвало активизацию с середины 20-х годов процесса подготовки нового советского учительства. Это делалось самыми различными способами: через педтехникумы, курсы и т. п. Заметное внимание при этом уделялось идеологическим дисциплинам. Изменялся и социальный состав учащихся: большую их часть (до 70 %) в педагогических учебных заведениях составляли выходцы из рабочих и крестьян.

К концу 20-х годов установки центральных властей, осознавших трудность и длительность процесса политического перевоспитания учителей и пришедших к мысли, что более легким путем формирования верного учительства является его полная замена, были в основном выполнены. На I Всесоюзном съезде учителей (1925 год) было заявлено, что «у нас есть советский учитель... и этот советский учитель играет руководящую роль в учительской среде — на этот счет никаких сомнений быть не может»¹³.

На эти перемены указывал и рост партийно-комсомольской прослойки в среде учителей, ее показатель в среднем по стране составлял около 10 %. В школе в основном работал педагог, по-

лучивший подготовку уже в советское время. Эти кадры имели навыки пропагандистской деятельности, но их недостатком были пробелы в профессиональной подготовке.

Однако самым серьезным образом формированию учительского контингента и при НЭПе мешало малоудовлетворительное материальное состояние учительства. И это происходило несмотря на то, что власти видели тяжелое положение педагогической интеллигенции и понимали, какими последствиями оно грозит. Неудивительно, что по окончании гражданской войны большевиками были предприняты определенные шаги для того, чтобы изменить ситуацию. На X Всероссийском съезде Советов (1922 год) была отмечена «героическая» работа учителей. Было замечено, что без решения вопросов материального положения учителей работа учреждений образования может остановиться. В силу этой проблемы улучшения жизни педагогических работников вновь обсуждались на II сессии ВЦИК XI созыва (1924 год). На ней была сделана попытка обратить внимание партийных и советских органов на необходимость повышения жизненного уровня школьных работников. Последовали и практические меры. В 1925 году вышло Постановление СНК РСФСР о пенсионном обеспечении учителей, затем — Постановление, направленное на улучшение положения сельских педагогов. Однако в условиях ортодоксальной финансовой политики, проводившейся в период НЭПа и сопровождавшейся резким снижением финансирования социальных нужд, средства, выделяемые властями на заработную плату учительству, были недостаточны.

В условиях жесткой экономии финансовых ресурсов положение к лучшему почти не менялось. Зарплата учителей — а именно посредством ее повышения власти намеревались решить все проблемы — оставалась чрезвычайно низкой. Руководство Наркомпроса признавало, что ситуация по сравнению с концом гражданской войны почти не изменилась и учителя ставят в положение «нищего»¹⁴. Местные власти пытались вникнуть в «повседневные нужды учительства» и не допустить ухудшения «жалкого» положения учителя (некоторые местные партийно-государственные органы в целях сохранения учительского контингента даже пытались выплачивать дополнительное содержание школьным работникам удаленных населенных пунктов). Од-

нако НЭП (с его ортодоксальной финансовой политикой) неизбежно вел к сокращению расходов социальной сферы и к еще большему обнищанию учительства.

Столь сложное материальное положение педагогической интеллигенции привело к дальнейшему оттоку квалифицированных работников из школ (во время НЭПа школы некоторых регионов по разным причинам покинуло до 60 % учителей). Во многих деревнях жаловались на плохую подготовку школьных работников. Нередко учителя, не получив достаточного обеспечения по месту основной работы, начинали искать дополнительный заработок в других местах, что, естественно, резко снижало эффективность их работы в школе. Это вызывало перегруженность преподавателей, приводило к невыполнению учебных программ. Бывший Председатель Верховного Совета Коми АССР З. В. Панев, работавший в 1930-е годы школьным педагогом, свидетельствует: «Учителей не хватало, все имели большие нагрузки — по 6 уроков в день, что было очень обременительно, особенно для молодых учителей... Каждый день на подготовку к урокам уходило по 4—5, а иногда и все 6 часов... все, в том числе и директор, имели чрезмерную нагрузку — по 36 часов в неделю при норме 18»¹⁵. Проблема нехватки учителей обострилась к концу 20-х — началу 30-х годов в связи с переходом к всеобучу и открытием целого ряда школ: во многих деревнях, несмотря на настойчивые требования населения, школы так и не были открыты из-за нехватки педагогического персонала. Даже в середине и конце 20-х годов в некоторых районах страны учебный год не начинали вовремя по этой же причине.

Такое положение было характерно для большинства регионов страны в конце 20-х годов, хотя в целом экономическая ситуация относительно стабилизировалась и можно было говорить об определенном улучшении положения школ, связанном с «общим возрождением страны».

Не внушало оптимизма и то обстоятельство, что сделанная в начале 20-х годов ставка на формирование нового учительства на основе выпускников краткосрочных курсов себя не оправдывала. В центре это отчетливо осознавали, однако изменили тактику в сфере подготовки школьных работников только в середине 20-х годов. Упор теперь был сделан на средние педагогические

учебные заведения — педтехникумы. Именно они стали ведущими по выпуску учителей для начальной школы. Это решение было продиктовано грядущим переходом к всеобучу и необходимостью обеспечить образовательные учреждения работниками, имевшими хотя бы минимальную педагогическую подготовку.

Однако во многих случаях недостаточное материальное и интеллектуальное обеспечение деятельности педтехникумов приводило к трудностям в их работе, невысокому качеству подготовки учителей (хотя оно все же заметно улучшилось). К тому же только эти учебные заведения были не в состоянии решить проблему нехватки педагогических кадров. Сложившиеся обстоятельства, наряду с непопулярностью педагогической профессии, приводили к проблемам с набором учащихся, вызвали текучесть преподавательских кадров. Люди буквально бежали из педтехникумов¹⁶.

Все эти трудности делали работу педтехникумов малоэффективной. Журнал «Народное просвещение» в середине 20-х годов отмечал, что выпускается слишком небольшое количество подготовленных школьных работников. К началу 30-х годов нехватка учителей по-прежнему существовала и ощущалась довольно остро¹⁷.

Продолжало беспокоить власти и положение, сложившееся с квалификацией педагогов. Инспектора Наркомпроса, посещавшие в первой половине 20-х годов сельские регионы, указывали, что знания школьных работников даже в общеобразовательном плане, не говоря уже о специальной педагогической подготовке, недостаточны. Значительная часть учителей была не в состоянии «выделиться от грамотного крестьянина» (часто это обуславливалось и тем, что многие педагоги были вынуждены поправлять свое материальное положение сельскохозяйственным трудом)¹⁸. Это заставило вновь обратиться к организации курсов. Причем требования об их открытии шли снизу, от учителей, которые осознавали недостаточность своих знаний. Однако курсы были делом дорогостоящим и не давали нужного эффекта. Тем не менее, работа педтехникумов и курсов все же способствовала некоторому повышению уровня подготовки школьных работников.

Но и к концу 20-х годов далеко не все проблемы подготовки учителей удалось решить, слабыми оставались методические и даже общеобразовательные знания школьных работников. Между

тем, взятый с конца 1920-х годов курс на форсированное строительство социалистического общества требовал быстрого проведения индустриализации и модернизации сельского хозяйства. При осуществлении этого курса власти столкнулись с острой нехваткой квалифицированных рабочих. Во многом такая ситуация объяснялась неэффективной школьной политикой 1920-х годов, поиском новой, социалистической школы. Этот процесс сопровождался непродуманными педагогическими экспериментами, падением авторитета учителя. И, в итоге, заметным снижением уровня знаний выпускников советских школ. В условиях модернизации и расширения экономики такое положение не могло устраивать власти. В 1930-е годы была проведена сравнительно эффективная сталинская школьная реформа, отличавшаяся завидным прагматизмом и приведшая к серьезному улучшению знаний советских школьников. По многим направлениям она фактически означала возвращение к традициям старой, дореволюционной русской школы и не могла не привести к значительным изменениям в положении учительства.

Итак, в 1920-е годы жизнь советского учительства прошла в своем развитии два этапа. *Первый* — гражданская война и начало 20-х годов, когда вследствие войны и снижения уровня жизни населения положение педагогической интеллигенции значительно ухудшилось. В этот промежуток времени власти пытались решить материальные проблемы учителей путем снабжения их продуктами питания, одеждой и т. п., что было оправданным в условиях обесценивания денег. Однако вследствие ограниченности возможностей властей, эти действия проблемы не снимали. Что касается подготовки школьных педагогов, то приоритетным направлением здесь было открытие краткосрочных курсов. Вызвано это было необходимостью как можно скорее привести в школу учителя, который поддерживал бы новую власть. Качество подготовки в этом случае приносилось в жертву скорости. *Второй* — середина и конец 20-х годов. Тогда, в силу проводимой жесткой финансовой политики, материальное положение педагогической интеллигенции оставалось весьма сложным. Власти пытались снять проблему посредством увеличения заработной платы учителей, но из-за финансовых затруднений это не дало заметных результатов. Кроме того, восстановление экономики требовало квалифицированных

кадров, поэтому большое внимание обращалось и на профессиональную подготовку учителя. Она была сосредоточена в средних педагогических учебных заведениях. В целом к концу 20-х годов заметно пошатнувшееся материальное положение педагогов вкупе с падением уровня их подготовки и серьезным административным и идеологическим давлением властей на учительство привели к серьезному падению авторитета школьного работника (особенно это ощущалось на селе).

Примечания

- ¹ Подробнее о материальном положении учителя в дореволюционной России см.: *Сучков И. В.* Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX—XX веков // *Отечественная история.* 1995. № 1.
- ² *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 132.
- ³ Известия ЦК РКП (б). 1921. № 34. С. 10.
- ⁴ Судьбы русской интеллигенции: материалы дискуссии. 1923—1924 гг. Новосибирск, 1991. С. 143.
- ⁵ *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 45. С. 366.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5462. Оп. 1. Д. 46. Л. 19.
- ⁷ Там же. Л. 7.
- ⁸ Национальный архив Республики Коми (далее — НА РК). Хр. № 1. Ф. 752. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ⁹ *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 36. С. 420.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 60. Л. 14; Народное образование в Северодвинской губернии. Великий Устюг, 1922. С. 119—120.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 60. Л. 14.
- ¹² А. В. Луначарский о народном образовании. М., 1958. С. 290.
- ¹³ *Покровский М. Н.* Избранные сочинения. М., 1967. Кн. 4. С. 503.
- ¹⁴ Народный комиссариат по просвещению. 1917 октябрь — 1920: краткий отчет. М., 1920. С. 8; А. В. Луначарский о народном образовании. С. 307.
- ¹⁵ *Панев З. В.* Вехи в пути. Сыктывкар, 2000. С. 259—260.
- ¹⁶ За Новый Север. 1930 г. 7 окт.; НА РК. Хр. № 1. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- ¹⁷ Народное просвещение. 1924. № 1. С. 36.
- ¹⁸ Коми просвещенец. 1926. № 1. С. 63.

А. В. Гусев

**ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ
В СИСТЕМЕ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ
ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В 20—30-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Инженерно-технические кадры системы промысловой кооперации относятся к такой социально-профессиональной группе, которая называется технической интеллигенцией. Ее основной профессиональной функцией в кустарной промышленности является технологическое и организационное обслуживание производства. Характер осуществления данной функции обусловлен типом кустарного промысла и производства, численностью обслуживающего персонала, составом и уровнем профессиональной квалификации специалистов, их общественным и моральным обликом.

С победой Октябрьской революции 1917 года изменились облик и функции технической интеллигенции, организационная работа инженеров и техников на производстве. Основными формами производственной активности инженерно-технических кадров промысловой кооперации стали участие их в работе производственных и технических совещаний, содействие в организации социалистического соревнования и ударничества, рационализаторская и изобретательская работа.

Производственные совещания, как форма производственной деятельности, возникли в 1924 году в Ленинграде и получили широ-

---

Редакционный совет продолжает публикацию материалов, посвященных жизнедеятельности инженерно-технических кадров в системе промысловой кооперации. Начало см.: Интеллигенция и мир. 2009. № 2.

© Гусев А. В., 2009

Гусев Александр Викторович — доцент кафедры промышленной экологии и безопасности Костромского государственного технологического университета. gusev.aleksandr@list.ru

кое распространение в союзах и артелях промкооперации с 18 июня 1924 года после письма председателя ВСНХ Ф. Э. Дзержинского «Правлениям синдикатов, трестов и красным директорам», в котором говорилось «о необходимости активного и сознательного участия широких рабочих масс в производстве»¹. В постановлении ЦК РКП (б) от 13 апреля 1925 года «О работе производственных совещаний и производственных конференций» обращалось внимание на вовлечение технического персонала предприятий в деятельность производственных совещаний, что способствовало бы установлению между инженерно-техническими кадрами и рабочими деловых товарищеских отношений². В деле улучшения работы производственных совещаний положительную роль сыграли решения третьего Пленума ВЦСПС (27 февраля — 3 марта 1927 г.). На нем была принята резолюция «Производственные совещания и контрольные комиссии», в которой были обозначены цели производственных совещаний: выявление и использование производственного опыта рабочего и обслуживающего персонала, служить для рабочих школой самодеятельности и управления, содействовать выдвижению рабочих и обсуждать ведущие вопросы жизни предприятия³.

В работе производственных совещаний в союзах и артелях промкооперации областей Верхневолжского региона в конце 20-х годов наибольшее внимание уделялось вопросам обновления оборудования общих мастерских, снабжения промысловых артелей сырьем и материалами, организации сбыта изготовленной продукции, проблемам производительности труда и трудовой дисциплины. Но уже в начале 30-х годов роль производственных совещаний с привлечением в их работе артельщиков и общественных организаций предприятий промкооперации в решении данных вопросов заметно снижается. В ряде промысловых союзов и артелей региона они созываются нерегулярно, артельщики мало привлекаются к работе в них, инженерно-технический персонал самоустраивается от участия в совещаниях. Заседания чаще всего проводятся формально, рассматриваемые вопросы носят общий характер и не затрагивают конкретные производственные и технические проблемы.

Со временем производственные совещания уступают место техническим совещаниям как основной форме обсуждения производственных проблем. Руководство техническими совещаниями осуществляли председатели правлений промысловых союзов

и артелей с привлечением незначительного числа артельщиков. На них в основном заслушивались доклады руководителей артелей и союзов, инженерно-технического состава, начальников производств о результатах производственной деятельности.

Таким образом, задуманные как форма сотрудничества между техническими специалистами и рабочими, производственные совещания превратились в орган обсуждения только технико-экономических вопросов при минимальном участии самих рабочих. Но все же, несмотря на имевшие место недостатки в работе производственных и технических совещаний (отсутствие достаточного внимания к ним со стороны технического персонала, слабый учет рабочих предложений и др.), их деятельность в целом положительно влияла на развитие промышленного производства⁴.

Наряду с производственными совещаниями одним из направлений производственной активности технической интеллигенции было такое общественно-политическое и производственное явление, как социалистическое соревнование в артелях и союзах промысловой кооперации. Перед инженерно-техническим персоналом ставилась задача возглавить его и обеспечить выполнение обязательств, взятых артельщиками.

Зародившиеся по инициативе рабочих Московской Казанской железной дороги в апреле 1919 года коммунистические субботники получили поддержку Совнаркома страны и его председателя В. И. Ленина⁵ и нашли широкое применение в организации трудящихся масс на безвозмездный труд. Появление комсомольско-молодежных ударных бригад, получивших распространение в промысловой кооперации, и стахановское движение было делом ленинского «Великого почина». В годы первых пятилеток ударничество стало одной из основных форм социалистического соревнования в кооперации, которым были охвачены артели, цеха и союзы.

Чтобы придать социалистическому соревнованию более масштабный характер, по его итогам в первом году пятилетки были проведены районные, городские, областные и республиканские слеты ударников. Первый всесоюзный съезд ударных бригад ВЦСПС провел в Москве с 5 по 10 декабря 1929 года. С докладом «О социалистическом соревновании ударных бригад и их роли в деле построения социализма» выступил В. В. Куйбышев. Съезд принял «Обращение» ко всем трудящимся страны, призывая народ шире развернуть ударничество, выполнить пятилетку в четыре года⁶.

Следуя решениям ЦК ВКП (б), обкома партии и Всекопромсовета, 22—23 декабря 1930 года Яркопромсоюз провел слет ударников. На слет прибыло 70 человек от промартелей куста и представители облпромсоюза и обкома ВКП (б) Ивановской промышленной области⁷. Была предложена следующая повестка дня:

1. Задачи промысловой кооперации в третьем году пятилетки и роль ударников — докладчик — член правления тов. Контев.

2. Итоги социалистического соревнования и ударничества в системе промысловой кооперации — докладчик — заведующий организационно-массовым отделом тов. Бронский.

Как в докладе, так и в выступлениях большинства участников слета подчеркивалось, что энтузиазм масс растет, люди готовы выполнять и перевыполнять планы, готовы трудиться лучше и т. д.⁸ Однако звучали и критические замечания. Так, один из выступавших, И. О. Алексеев, — представитель рыбинской артели «Плетеная сетка» высказал в адрес руководства Яркопромсоюза следующие пожелания: необходимо усилить заботу о кустаре — обеспечить артельщиков спецодеждой, решить вопросы со своевременным обеспечением сырьем — т. е. сортовым железом, и энергоснабжением. В то же время оратор отметил и хорошую работу рыбинского копромсоюза, который смог решить вопросы с оборудованием и инструментами, открыть в больших артелях столовые, а в малых артелях организовать места для обедов, помог решить проблемы с керосином и т. д.

Резолюция слета ударников требовала от всех артелей:

- 100 %-го выполнения плана или его перевыполнения,
- повышения дисциплины труда и ликвидации брака в производстве,
- улучшения культурно-массовой работы в артелях и союзах,
- экономии сырья и материалов и т. д.⁹

Серьезным толчком к активизации социалистического соревнования в системе промысловой кооперации стал октябрьский 1931 года Пленум ЦК ВКП (б). В решениях пленума указывалось на низкое качество выпускаемой продукции, как государственной промышленностью, так и кустарной кооперацией. В связи с этим, в первых, ставилась задача по принятию необходимых мер по коренному улучшению качества товаров, выпускаемых на рынок. Во вторых, пленум уделил большое внимание разворачиванию социали-

стического соревнования по реализации задач, поставленных партией и правительством. Важное значение придавалось не только увеличению выпуска товаров народного потребления, но и их качеству, а также расширению ассортимента выпускаемой продукции¹⁰.

В Яркустпромсоюзе была выпущена специальная памятка об организации социалистического соревнования и проведении смотра. В памятке рекомендовалось проводить смотры следующим образом: в артелях и союзах организовать самопроверочную работу. Кроме того, в них на основе выборности предписывалось организовать самопроверочные бригады с участием ударников производства и рабкоров, представителей местных партийных, комсомольских и советских организаций¹¹. В соответствующих указаниях подчеркивалось, что бригады проводят свою работу путем взаимной проверки: цех обследует цех, одна артель другую и т. д. План взаимной проверки составлялся областным союзом. Вся работа должна была завершиться слетом ударников¹². Получили свое развитие конкурсы на лучший цех, предприятие, лучшую бригаду (артель), лучшего рабочего цеха, завода, лучшего по профессии.

Следующее направление производственной деятельности технической интеллигенции связано с рационализацией производства. Основные ее направления были определены постановлением ЦК ВКП (б) от 24 марта 1927 года, которое предусматривало ряд мер по оздоровлению и улучшению условий труда, созданию более благоприятных условий для работы инженеров и техников, повышению квалификации и углублению технических знаний рабочими. XV съезд ВКП (б) (2—19 декабря 1927 г.) потребовал от хозяйственных и профсоюзных организаций со всей энергией «взяться за разрешение социалистической рационализации», подчеркнув, что только на ее основе возможно осуществление индустриализации страны. С этого времени при губернских советах народного хозяйства и на отдельных предприятиях начали создаваться Бюро рационализации. Вопросы рационализации производства все чаще выносились на повестку дня производственных совещаний¹³.

Инженерно-технические работники промысловой кооперации Верхневолжского региона приложили немало усилий по распространению научно-технических знаний. Ширилось движение рационализаторов и изобретателей, позволившее государству еже-

годно экономить сотни миллионов рублей народных денег. Так, И. Н. Новоженовым был сконструирован полуавтоматический ткацкий станок, значительно повышавший производительность труда, облегчавший работу ткача, позволивший одной рукой выполнять все необходимые операции на данном станке. А изобретение кустаря А. Фокина не только облегчило работу ткача, но и освободило его от ряда операций, выполняемых ранее вручную¹⁴.

Здесь следует отметить деталь, способствующую развитию в промысловой кооперации изобретательства и рационализаторства. Дело в том, что Декретом СНК СССР от 26 апреля 1928 года изобретателям представлялись определенные льготы — для поступления в высшие и средние учебные заведения, перевода в научно-исследовательские учреждения (в основном, инженерно-технического состава), для стипендиального обучения. Изобретатели и рационализаторы в первую очередь принимались на работу, независимо от принадлежности к профсоюзам и т. д.¹⁵

Серьезным толчком к развитию массового изобретательства и рационализаторства послужило постановление ЦК ВКП (б) от 26 октября 1930 года «О положении массового изобретательства под углом его влияния на рационализацию производства»¹⁶, потребовавшее от различных структур производства, от цехов до наркоматов, своевременного рассмотрения, экспертизы и учета всех рационализаторских предложений и усовершенствований, поданных рабочими, создания для их реализации на предприятиях необходимой производственной базы и включения их в планы работ НИИ и лабораторий. В этом же постановлении говорилось о необходимости укомплектовать научно-исследовательские лаборатории, отделы и конструкторские бюро необходимыми научно-техническими кадрами из состава инженерно-технических работников, изобретателей и ударников¹⁷. Для решения намеченных задач планировалось выделение из бюджета страны начиная с 1931 года необходимых финансовых средств, обеспечивающих содержание и развитие НИИ, научных лабораторий, отделов, оплату их штатных сотрудников, оснащение научно-исследовательских учреждений новейшим оборудованием и аппаратурой.

Партия одобрила решение ВЦСПС об организации массового добровольного общества изобретателей и рационализаторов, которое бы способствовало общественной самодеятельности и

общественному контролю за всякого рода усовершенствованиями и изобретениями. Добровольное общество рационализаторов и изобретателей должно было работать под непосредственным руководством профсоюзов.

Особый упор в социалистическом соревновании делался на подготовку инженерно-технических кадров, на развитие рационализаторской работы и изобретательства. И здесь были достигнуты существенные результаты. К концу первой пятилетки в рядах общества изобретателей насчитывалось свыше 700 тыс. человек, из них 96 % составляли ударники производства¹⁸. Как один из положительных моментов социалистического соревнования, следует отметить стремление артельщиков промкооперации вести борьбу за повышение общеобразовательного уровня и технических знаний, оказание практической помощи товарищам в освоении своей профессии.

Применяемая система поощрения с годами совершенствовалась и включала в себя денежные премии, льготы в снабжении продовольственными и промышленными товарами, получении жилплощади, путевок в дома отдыха, санатории, профилактории и многое другое. 22 апреля 1930 года было впервые учреждено переходящее Красное Знамя ВЦСПС для вручения его коллективам — победителям социалистического соревнования. В начале 30-х годов учреждаются ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, другие ордена и медали. Только за годы первой пятилетки орден Трудового Красного Знамени получили около 400 человек и более 600 — орден Ленина. Были введены нагрудные знаки по профессии, как например — «Лучший кооператор»¹⁹.

Во второй половине 30-х годов социалистическое соревнование вступило в новый этап своего развития, связанный со стахановским движением. Начало ему положил своим рекордом забойщик шахты «Центральное Ирмино» (Донбасс) Алексей Стаханов, который 21 августа 1933 года дал за смену 102 тонны угля, превысив обычную норму в 14 раз. 2 сентября 1935 года находящийся на отдыхе в Кисловодске Г. К. Орджоникидзе прочитал в газете «Правда» сообщение о рекорде А. Стаханова и позвонил в Наркомтяжпром, в редакции центральных газет и дал «зеленую улицу» новому движению, которое быстро охватило всю страну и другие отрасли народного хозяйства.

Как отмечалось в кооперативной печати в те годы, в системе кооперации социалистическое соревнование было организовано слабо, недостаточно практиковался обмен опытом и методами работы стахановцев, плохо шла популяризация их успехов. Со стороны партийных, профсоюзных и комсомольских организаций стахановскому и новаторскому движению также уделялось меньше внимания, чем требовалось²⁰.

В то же время ЦК ВКП (б) и ВЦСПС делали все возможное, чтобы развернуть пропаганду передового опыта ударников, поддерживать творческую инициативу масс. 17 октября 1935 года было опубликовано обращение президиума ВЦСПС ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам, профорганизациям страны. «Профессиональные союзы, — говорилось в обращении, — должны организовать социалистическое соревнование таким образом, чтобы каждый ударник труда стремился стать стахановцем»²¹.

Волна починов прокатилась и в системе промышленной кооперации страны. Здесь социалистическое соревнование было направлено на высокую культуру труда и наведение соответствующего порядка в цехах и производствах. Важным условием стахановского движения было совершенствование организации трудового процесса и, прежде всего, разделение обязанностей между работниками, занятыми на основных и вспомогательных операциях, выявление индивидуальных способностей каждого работника, позволявшее высоко оценить их квалификацию и правильно расставить на рабочих местах. Умелая организация социалистического соревнования позволяла навести порядок на производстве, организовать ритмичную работу, обеспечить сырьем, своевременно организовать ремонт оборудования и т. д. Естественно, что это сказывалось и на морально-психологическом климате трудовых коллективов, на их производительности труда. Стахановское движение помогло по-новому организовать материальное стимулирование ударников, способствовало ликвидации искусственных ограничений роста заработной платы и внедрению прогрессивных форм оплаты труда.

Таким образом, в 20—30-е годы XX века кардинально меняется характер и содержание производственной деятельности инженерно-технических кадров артелей и союзов промышленной кооперации. Технические руководители стали более ориентиро-

ваны на такие методы управления производством, как убеждение артельщиков, воздействие на них через коллектив, организацию социалистического соревнования между участниками трудового процесса, нормой стали производственные и технические совещания. Но в то же время инженерный труд как таковой становится менее эффективным и продуктивным из-за своей чрезмерной общественной направленности.

Примечание

- ¹ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 22.
- ² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 508—512.
- ³ Шарошкин Н. А. Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е гг. Пенза, 1997. С. 205.
- ⁴ Рагозина А. А. Основные формы производственной деятельности технической интеллигенции в 1920—30-е гг. // Интеллигенция и мир. 2006. № 3. С. 69—70.
- ⁵ Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39.
- ⁶ Правда. 1929. 6 дек.
- ⁷ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф. Р. 1230. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 29.
- ¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях. М., 1970. Т. 5. С. 427.
- ¹¹ ГАЯО. Ф. Р. 1230. Оп. 1. Д. 22. Л. 167.
- ¹² Там же.
- ¹³ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 19.
- ¹⁴ Промыслы и ремесла. 1929. № 4. С. 63.
- ¹⁵ Там же. № 5. С. 79.
- ¹⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 244—246.
- ¹⁷ Там же. С. 244.
- ¹⁸ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 16.
- ¹⁹ История социалистического соревнования в СССР. М., 1980. С. 91.
- ²⁰ Промысловая кооперация. 1935. № 10. С. 41.
- ²¹ Труд. 1935. 17 окт.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 63.3(2)64-283.2

О. В. Шимельфениг, Л. Я. Солодовниченко

«БЕСЕДЫ О РЕАЛЬНОСТИ» В ВОСЬМИ АКТАХ: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ САРАТОВА В «INTELLECT GAME SESSION»

Разработка проблемы места и роли интеллигенции провинции России на протяжении значительного исторического периода — от зарождения российской государственности до начала XX века была начата историком Валерием Сергеевичем Меметовым, написавшем в 1979 году монографию «Защищая Москву. Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой», которая вышла в издательстве «Наука». После защиты в 1984 году докторской диссертации В. С. Меметова вводят в Проблемный Совет при Министерстве образования и науки. В 1992 году под руководством профессора Меметова в Иванове на базе госуниверситета создаётся Федеральный Межвузовский Центр гуманитарного образования РФ по политологии, политической культуре и мировой политике, а в его рамках НИИ интеллигентоведения.

© Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я., 2009

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент Саратовского государственного университета, вице-президент регионального отделения Академии проблем качества РФ. Shim.OV@mail.ru

Солодовниченко Лилия Яковлевна — кандидат философских наук, президент Саратовского регионального «Фонда научных и культурных инициатив межконфессионального сотрудничества». angelina-alvidas@yandex.ru

В своей известной монографии А. А. Данилов и В. С. Метов пишут, что перед интеллигенцией России стоит задача преодоления российского (а в настоящее время и мирового) кризиса, но «не как слепое копирование чужих образцов, а как творческая разработка идей развития и возрождения провинции России в соответствии с требованиями реальной обстановки в мире рубежа XX—XXI веков... Если трезво оценивать перспективы развития страны, то их две: или продолжение губительного культурного и национального распада, или новый культурный синтез. И, может быть, прав А. Тойнби, говоря о новой “русско-сибирской цивилизации”, которой только ещё предстоит расцвести. Верим, что если это произойдёт, то во многом благодаря духовному и интеллектуальному потенциалу, накопленному интеллигенцией российской провинции»¹.

Саратовская губерния богата культурными традициями: многообразием этносов, конфессий, научных школ, музыкальным, литературным и художественным наследием. В Саратовской области проживает более ста национальностей, из которых три этноса являются структурообразующими (русские, татары, немцы). Здесь представлены все авраамические религии: иудаизм, христианство (православие, старообрядчество, католичество, лютеранство) и ислам.

Саратов связан с именами выдающихся людей: А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского, П. А. Столыпина, философа С. Л. Франка; с именами академиков Н. Н. Семёнова (лауреата Нобелевской премии), Н. И. Вавилова, С. Р. Миротворцева; выдающегося певца, народного артиста Л. В. Собинова, именем которого названа Саратовская консерватория, созданная третьей в России после Московской и Петербургской; всемирно известного композитора А. Шнитке, именем которого названа Саратовская филармония; народного артиста, режиссёра И. А. Слонова, именем которого назван театр драмы в Саратове; выдающихся актёров О. П. Табакова и О. И. Янковского; широко известных писателей К. А. Федина, Л. А. Кассиля (в Саратове имеются их дома-музеи), К. М. Симонова; основоположника первого общедоступного музея в России (1885 г.) А. П. Боголюбова — художника-мариниста, внука А. Н. Радищева; здесь жили и работали художники В. Борисов-Мусатов, К. Петров-Водкин, П. Кузнецов и многие

другие. В Саратове учился и начинал свои первые шаги в аэроклубе первый космонавт планеты Ю. А. Гагарин.

Саратов и сейчас обладает значительным культурным творческим потенциалом. Здесь живут и работают известные и за его пределами духовные и национальные лидеры, учёные, философы, артисты, музыканты, писатели и художники. Такой мощный потенциал дал возможность организовать и провести проблемный семинар «Беседы о реальности» на факультете философии и психологии СГУ в течение двух учебных лет (2005/06 — 2006/07). Его инициаторами явились: доцент Саратовского госуниверситета, вице-президент Регионального отделения Академии проблем качества РФ, руководитель аналитической группы Регионального общественного «Фонда научных и культурных инициатив межконфессионального сотрудничества» О. В. Шимельфениг; президент Фонда, кандидат философских наук Л. Я. Солодовниченко; декан факультета философии и психологии СГУ, профессор В. Н. Белов и профессор СГУ В. А. Фриауф. В процессе работы семинара по существу возникла новая форма коллективной интеллектуальной деятельности «INTELLECT GAME SESSION», которая обрела вид целостного сюжета из восьми трёхчасовых актов, развивающего тему «Что есть реальность?». Фактически реализовалась одна из обсуждаемых моделей — *сюжетно-игровая картина мира* (межиндивидуальная реальность), когда происходящее действие творилось совместно всеми участниками, каждый из которых вёл свою тему-«игру», внося свой вклад в полифонию смыслов целостного сюжета.

Основная задача семинара — исследование понятия *«реальность»* — двуединица. Каждый индивид — уникален. Даже однопяцевые близнецы имеют различные истории жизни, различный опыт и по-разному воспринимают окружающее. Поэтому *одна из сторон задачи* — это *прояснение картины мира* (в том числе и её неосознаваемых аспектов) *каждого участника с целью интеллектуального, духовного и творческого роста.*

Другая сторона задачи, неотрывная от первой, — это поиск стратегии взаимопонимания, прояснения общего, близкого в картинах мира индивидов и групп и попытки нахождения форм и способов их согласованного взаимодействия с сохранением своеобразия и оригинальности различных составляющих

щих. Ибо они бесценны для общего дела, дополняя друг друга, имея и выращивая то, чего нет у остальных. Это наш культурный «генетический фонд».

Актуальность таких исследований для нынешнего состояния человечества — очевидна. Действительно, примеры разнопонимания и конфликтов, выводящих землян на грань военных и природных катастроф, средства массовой информации приносят нам в изобилии, к сожалению, ежедневно.

Становится всё более понятным, что избавление от этого неумолимо надвигающегося, по сути, «самоапокалипсиса» — не в очередном чудесном техническом изобретении («кунштштюке» — инженерном, биологическом или экономическом) — зачастую они только приближают катастрофу, делая её исполнение лишь более изощренным.

Выход, на наш взгляд, один — сесть за стол и разобраться, что для каждого из нас есть «реальность». И — вопреки нагнетающейся истерии вражды и провоцирования взаимного смертоубийства — *найти пути взаимопонимания и творческого взаимодействия* на благо всех народов и культур Земли.

Цикл «Бесед о реальности» на факультете философии и психологии СГУ может послужить моделью такой деятельности — единственно спасительной для современного человечества.

В семинаре приняло участие в целом около 40 человек (в среднем посещаемость каждого семинара примерно 25 человек). Состав участников был многолик не только в смысле разнообразия социальных статусов, но и конфессиональной принадлежности, учёных званий, возраста, профессий. Участники семинара обладали высокой степенью эрудиции, профессиональной квалификацией, готовностью к обсуждению глубоких мировоззренческих проблем. Здесь присутствовали учёные, религиозные, национальные и общественные деятели, известные далеко за пределами нашей «провинции», а также мастера разных профессий (психологи, юристы, менеджеры, деятели искусства и т. д.) и студенческая молодёжь. Например, с факультета философии и психологии СГУ профессор, доктора философских наук: декан факультета В. Н. Белов; консультант всего цикла «Бесед» В. А. Фриауф (основатель и бессменный руководитель городского философского общества имени С. Л. Франка); профессор и писатель В. В. Афанасьева; доцент,

кандидат философских наук, буддолог В. Г. Косыхин; доцент, кандидат психологических наук А. А. Карелин (автор монографии по нейролингвистическому программированию, содержащей авторские тренинговые разработки); с физического факультета профессора СГУ, доктора физико-математических наук: А. Г. Лазерсон (одновременно и лидер еврейской общины); А. Г. Роках (также и руководитель одного из семинаров по психологии в СГУ, автор нескольких монографий и по психологии); доцент, кандидат физико-математических наук Б. А. Медведев (автор и философских эссе, афоризмов и верлибров); из Поволжской Академии госслужбы профессора: Т. П. Фокина (эксперт по организационному развитию, поэт и автор эссе по метафизике Саратова); Н. Н. Слонов (автор работ во многих научных направлениях — техники, философии, управления, культурологии и др.); доцент, кандидат философских наук М. В. Демидова; старший преподаватель Е. В. Сластихина (психолог и специалист по суфийским практикам); из Саратовского государственного социально-экономического университета: профессор, доктор философских наук С. П. Гурин (профессор и Саратовской Духовной семинарии, член редколлегии журнала «Православие и современность. Саратовские Епархиальные Ведомости»); доцент, кандидат философских наук К. А. Крашенинников; из Саратовского государственного технологического университета профессора: доктор философских наук Ю. М. Дуплинская, доктор филологических наук А. А. Зарайский (член докторского диссертационного Совета по филологическим наукам МГИМО, член Экспертного Совета по образованию Комитета Госдумы, специалист по нескольким европейским языкам); из Саратовского государственного аграрного университета доцент, кандидат технических наук Г. М. Легошин (изобретатель, автор пяти монографий и по философии); заместитель генерального директора по информационным технологиям Саратовского Полиграфкомбината Н. Н. Васильев; журналист-аналитик, инженер-изобретатель, краевед Ю. Л. Чернышов; руководитель областного правозащитного Центра «Солидарность», писатель и член католической общины А. Д. Никитин; директор «Центра позитивного мышления», историк О. В. Никулин; химик и писатель Р. С. Лукьянова-Сорокина (автор книг — «Вселенная Пифагора», «Откровение чисел» и др.); представитель Духовного управления

мусульман Поволжья А. С. Исмаилов; епископ Церкви Иисуса Христа святых последних дней М. П. Ганзин (и технический директор ООО «Сити Девелопмент групп»); историк В. В. Томенко и многие другие.

Этот уникальный, разносторонний и высококвалифицированный состав участников позволил поднять и обсудить фундаментальную проблему «Что есть реальность?». Участники сделали попытку:

— сформулировать своё миропонимание и прояснить его явные и скрытые предпосылки и основания;

— в диалоге и в дискуссиях узнать и понять что-то новое о научных, религиозных и философских картинах мира и соответствующих им жизненных практиках;

— сформировать и усовершенствовать способы интеллектуального и духовного роста, а также творческой самореализации личности.

ОБЗОР-АННОТАЦИЯ СЕМИНАРОВ ЦИКЛА «БЕСЕДЫ О РЕАЛЬНОСТИ»

Первый акт. 16.02.2006 г.

Пролог

О. В. Шимельфениг: постановка цели семинара².

В. Н. Белов: параллель этой тематики с дискуссиями Серебряного века; преодоление изолированности специалистов разных наук в университете; наполненность аудитории — подтверждение своевременности данной темы. Об исторических корнях материализма и теизма (идеализма), наличие большого многообразия вариантов между этими позициями; задача семинара — поиск синтезирующего начала; международное звучание этой темы.

В. А. Фриауф: XVII век — возникновение понимания реальности как двух субстанций — протяжённой и мыслящей, которые потом превращаются в объективную и субъективную реальности. Появление «секты» железобетонных приверженцев «объективной реальности». Конфликты в европейской культуре вокруг вопроса о реальности и разные способы его разрешения вплоть до мордобоя. Традиции Востока. Согласие с О. В. Шимельфенигом, что реальность *зависит* от нас всех.

Л. Я. Солодовниченко: мой путь к тематике понимания реальности шёл через аспирантуру, дальнейшие научные исследования и руководство Межконфессиональным Фондом. Это и участие в возрождении традиционных конфессий, организация издания православной и исламской периодики, восстановление храмов и семинарии, работа с другими конфессиями (буддистами, Армянской Апостольской Церковью и др.). Приглашение меня и О. В. Шимельфенига в столицу Калмыкии на открытие Европейского Центра буддизма. Надеюсь, что подобный опыт и знания в области межконфессиональной работы, опыт взаимодействия с различными духовными традициями будет востребован на нашем семинаре.

О. В. Шимельфениг: предложение к участникам заявить о своих пожеланиях; краткое рассмотрение эволюции понятия «объективная реальность» с помощью демонстрации философских энциклопедических изданий разных лет; «объективная реальность» как независимая от субъектов; позитивный аспект понятия «объективная реальность»; множество интерпретаций идеи реальности; предложение занять какую-то позицию в понимании «объективной реальности» и выступить с её изложением.

Н. Н. Васильев: наличие идеи «объективной реальности» в подсознании людей; необходимость уважительного отношения к традиционным понятиям; общая реальность как пересечение индивидуальных, что и можно понимать как «объективную реальность».

А. Д. Никитин: с точки зрения верующего человека есть изначальная Истина, которая в законченном виде находится у Творца. Мы можем обладать этой истиной, в том числе и объективной, только в том виде, в каком Творец нам её передал. Когда пришёл Господь — Иисус Христос — Он соединил веру и знания, веру и Истину, что позволило христианству быстро распространиться. Во II—III веках произошёл переворот в христианской Церкви, когда к власти пришли епископы, игумены, пресвитеры, изгнав пророков и апостолов. Потом знание победило на Западе, а вера на Востоке. Наша с вами задача сейчас — искать пояс соединения той Истины, которую оставил Господь, — с верой.

Е. В. Сластихина: рассказывает суфийскую притчу на тему единства субъекта и якобы «объективной» истины. Искатель сту-

чится в дверь, где живёт Истина о реальности. На вопрос оттуда: «Кто там?» отвечает: «Это я». — Ему не открывают. После долгих скитаний и размышлений, придя опять к этой двери, на тот же вопрос он уже ответил: «Это ты». — Его впустили.

В. А. Фриауф: Для того, чтобы ставить вопрос, необходим мудрый собеседник, способный ответить на него. Такой у нас есть — это замечательный русский философ И. А. Ильин. Если бы кто-нибудь из вас взял на себя труд почитать его произведения и выступить со своим пониманием его идей. Дальше мы будем соглашаться или нет с Ильиным или с докладчиком. Тогда наша дискуссия вступит в некую полифонию.

О. В. Шимельфениг: поддержал предложение обсудить на следующей встрече позиции И. А. Ильина о вере и знании; раздал анкету участникам семинара для контактов (адреса, телефоны, электронная почта) и с вопросами, выясняющими некоторые внутренние установки личности.

Второй акт. 23.03.2006

Вера, знание, реальность

О. В. Шимельфениг: предполагалось обсудить тему «Вера и знание». Заявлены доклады Ю. Л. Чернышова («О методологии») и М. П. Ганзина («Религиозная реальность — трансформация в Пути»).

Ю. Л. Чернышов: язык как ловушка. Индивидуальность восприятия реальности и языка её описания — множественность точек зрения на реальность. Несостоятельность практики как критерия истины. (Докладчик пускает по рукам элементы наушников с разной степенью брака, общепризнанная оценка которого неочевидна). Возникает новый критерий истины — конвенция, совет экспертов. Средняя пропорция брака — 38 % — «золотое сечение», которое в работах Лефевра отнесено к трансцендентальным основаниям. Рефлексия по Лефевру на примере стихотворения Ходасевича «Психея», где «разыгрывается» несколько образов «я».

О. В. Шимельфениг: имеете ли Вы в виду некую отдельную, «саму по себе существующую», «объективную реальность», — вокруг которой все ходят, но воспринимают по-разному?

Ряд вопросов **О. В. Шимельфенига** побуждает **Ю. Л. Чернышова** подтвердить, что осмысление собственного опыта приво-

дит его к тому, что реальность не «объективна», а конвенциональна и сотворяется всеми участниками происходящего.

Т. П. Фокина: о национальных подсознательных моделях реальности — при сортировке рисовых зёрен 30 % бракуется средним представителем Западной культуры, а в России наоборот — 70 % в брак (в обоих случаях появляется «золотое сечение»).

Ю. Л. Чернышов: героическая этика наша!

А. Д. Никитин: о вещах, которые не зависят от договора, например огонь, который всех жжёт.

О. В. Шимельфениг, Ю. Л. Чернышов, Л. Я. Солодовниченко возражают, приводя контрпримеры, в том числе и против заявленной аналогичной установки **Б. А. Медведева**, пытавшегося свести подобные явления к причинности элементарной физики.

Н. Н. Васильев: примыкает здесь к Б. А. Медведеву и А. Д. Никитину, утверждая, что если по углям ещё можно пройти, то уж костёр всякого сожжёт.

А. Д. Никитин: теперь уже возражает, ссылаясь на Библию, где святые выходят из огня живыми.

М. П. Ганзин: делает доклад о мормонах, их религиозной реальности, понимаемой им как трансформация в Пути, — возможность появления новых пророков и толкований Священных Писаний; о законах Ветхого Завета и обновлении Веры через Христа. Например, Павел говорит, что Иисус вместо Законов Моисея приносит Веру — колоссальная трансформация. Упадок Византии из-за превращения священнослужителей в отдельный привилегированный класс. История протеста против папских индульгенций; реформаторство; современные трансформации Веры в Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, о связи Символа веры ЦИХСпд с Декларацией прав человека. Успехи мормонов в экономике и долгожительстве.

Дискуссия о христианском статусе мормонов.

Ю. М. Дуплинская: концепция М. П. Ганзина «от мира сего», а Церковь Христа — «не от мира сего».

Б. А. Медведев: можно ли говорить о *трансформации* Пути, если Бог в нас и не зависит от времени?

А. Д. Никитин: расцвет культуры от прямого контакта с Богом (античность, христианство). Постепенная передача Боже-

ственного знания через ордена адептов, что и ведёт к трансформации человечества.

О. В. Шимельфениг: необходима гармоничная увязка вечной истины, веры и трансформаций каких-то форм их выражения. Дискуссия о критериях Веры.

Н. Н. Васильев, А. С. Исмаилов: указали на унижение духовного в докладе М. П. Ганзина.

А. С. Исмаилов: с позиции мусульманина представляет трёхуровневую схему состава человека: 1) нафс (эго) — простейший компьютер, управляющий пятью органами чувств (тело); 2) ахл (разум, интеллект) — может служить низшему (эго), а может служить высшему; 3) Рух (Дух). Одним разумом в веру не обратишь, нужно говорить о Боге (70 % проповеди). Линейка ценностей религиозного человека (по Кураеву) выходит далеко за пределы этого мира и ему не нужно говорить, что за ними. Человек без зрения попадает в яму; без разума — в яму другого уровня; а без Бога — вся жизнь может оказаться ямой, и не важно сколько лет ты прожил — жизнь это испытание.

А. Д. Никитин: необходима подпитка верующего чудесами и постоянный контакт со сверхъестественным.

А. С. Исмаилов: для истинно верующего вся жизнь чудесна и не нужно дополнительных чудес для доказательства существования Бога. Религия говорит: кто не верит, что огонь жжёт — невежда; кто верит, что это свойство принадлежит творению — неверующий; всё — как захочет Господь.

Н. Н. Васильев: обратил внимание на принципиальную разницу в докладах М. П. Ганзина (бессистемность, принижение духовных ценностей) и А. С. Исмаилова (устремлённость к духовному, к знанию).

А. Д. Никитин: одобрил выступление А. С. Исмаилова, но поддержал и М. П. Ганзина, признавая пророка мормонов и неизбежность религиозных трансформаций.

В. А. Фриауф: теме «Вера, знание и реальность» в какой-то степени отвечают выступления Ю. Л. Чернышова и А. С. Исмаилова. Сократ у Платона стремился развивать все точки зрения по вопросу знания (они и сегодня воспроизводятся на других языках). Все ответы — фикция. Христос говорит: «Я есть Истина и Жизнь». Мы же ещё язычники. Надо учиться культуре грамотной

постановки вопроса и следования его логике. Отмечает, как положительное, живую реакцию аудитории.

О. В. Шимельфениг: формулирует задачу продолжения разработки темы «Вера и знание».

Третий акт. 20.04.2006

Есть ли инварианты для различных религий?

А. А. Карелин (психолог): обзор ответов участников семинара на анкету: 1) Мой жизненный принцип? 2) Моя главная положительная черта? 3) В чём я усматриваю источник своих жизненных сил? 4) Без какого качества я сделал бы всё, что я в своей жизни провалил? 5) Чего я боюсь? Презираю? Отвергаю? В себе, в других, в близких? 6) Что я безрезультатно, но регулярно доказываю себе и другим? 7) Какова моя любимая мудрость, не тускнеющая от повторений? 8) Любимая сказка детства и коротко её суть?

А. А. Карелин отметил, что по первому вопросу в ответах указываются средства, но не ясно для какой цели. В ответе на третий вопрос чаще всего указывается место, откуда черпаются сила и энергия (например — в другом, в себе, во Всевышнем). В ответе на четвёртый вопрос — преобладающий ответ — «страх». В ответах на пятый вопрос отвергаются (по Юнгу) стороны личности «второго “я”» («тени») — страх, нетерпение и т. д. В ответе на седьмой вопрос люди говорят, по сути, о «последней соломинке, за которую хватается утопающий» («Всё пройдёт», «На всё воля Божья» и т. п.). В ответе на восьмой — любимой оказалась популярная сказка «Колобок», который уходит от всех, но, как с юмором заметил психолог, его всё равно съедят.

О. В. Шимельфениг: (в ожидании докладчика) обращается к одной из тем предыдущей «Беседы»: обсуждению вопроса — «кто сильнее: огонь или Бог?». Для абсолютно верующего, естественно, главный источник всего происходящего — Бог, о чём и говорил А. С. Исмаилов. Для убеждённого материалиста, например известного академика В. Гинзбурга, все причины — в материи, и даже на вопрос о тайне жизни и смерти ответ можно найти только в математическом уравнении. А вот точка зрения некоторых весьма образованных и многоопытных участников наших «Бесед» для них самих ещё не прояснилась. Например, такие незаурядные профессионалы — один в юриспруденции, другой в

информатике — А. Д. Никитин и Н. Н. Васильев (католик и православный) продемонстрировали двойственную позицию, так и не отдав предпочтения Богу или огню. (Появляется докладчик, который был занят в учебном процессе).

Б. А. Медведев: доклад о связи поэзии и религии, поэзия как религиозная реальность, содержащая инварианты в переходе от веры к вере. Екклесиаст, Притчи Соломоновы, Песнь Песней из Ветхого Завета принадлежат и иудаизму, и христианству, и исламу. Религиозные мотивы в современной поэзии и прозе (Вяч. Иванов, А. Камю, Г. Бёльль и др.). Над всеми религиями — вера Бога в человека.

Ю. М. Дуплинская: три сюжета: 1) философия традиционализма Генона — эзотерическое ядро всех религий; 2) мистическая любовь, неомистицизм — опасность смешения психического и духовного; 3) религии объединяются по мере их разрушения.

Н. Н. Васильев: Творец — общий источник религий, есть и другое общее, но каждая религия предлагает свой путь к Богу, не вредя другим; у каждого свой путь поиска своего места в мире, иначе могут потеряться тонкие, но важные нюансы.

А. С. Исмаилов: следует отличать мнение людей, не знающих глубоко религиозной жизни, где большое значение имеет вера в невидимое. У человека есть глаза, разум для видимого мира и вера для проникновения в невидимое.

Т. П. Фокина: не вижу движения к цели: собрались согласовывать представления о реальности, а мы разделяемся.

Н. Н. Васильев: вполне достойная цель — сформировать своё мировоззрение.

Т. П. Фокина: докладчики не говорят о *реальности*, а рассказывают о *своей реальности!*

О. В. Шимельфениг: а о какой *другой* реальности они могут рассказывать?

Т. П. Фокина: надо зафиксировать, что происходит лишь *парад* собственных позиций!

Н. Н. Васильев: у нас всего лишь третья встреча, если нас что-то не удовлетворяет, надо подумать — почему, порефлексировать как сознательные люди.

О. В. Шимельфениг: в свою очередь хочу зафиксировать, что *парад*, похоже, переходит в *турнир*.

В. А. Фриауф: позиции каждого понимаю, дифференциация уместна (работаем уже больше трёх часов, а уходить никто не спешит!), прояснение позиций — уже хорошо, а дальше посмотрим.

Четвёртый акт. 18.05.2006

Сюжетно-игровая картина реальности и полемика вокруг неё

Ю. Л. Чернышов: большинство представленных картин реальности — *религиозные*. Нужна методология, отражающая аспект *сотворения реальности человеком*. Например, колесо, предсказание, предчувствие. Предложение использовать для методологии патентование, определив для искомого нами *согласованного описания* реальности требования: 1) состав, 2) признаки отличия от известного, 3) цель.

О. В. Шимельфениг: доклад о сюжетно-игровом подходе к реальности — как *варианту осознанного, отрефлектированного её описания*, отражающего аспекты *сотворчества* и *согласования*.

Сначала о характеристиках традиционного научного понимания реальности, как данной якобы «объективно»: 1) одинаковость для всех исследователей; 2) её воспроизводимость в существенных аспектах; 3) материальность как основная характеристика; 4) независимость от наблюдателя. Дискуссии А. Эйнштейна и Р. Тагора как пример разного восприятия и интерпретации реальности.

Выводы:

1. «Объективная реальность» — *миф*, в который каждый вкладывает свой смысл, претендуя, однако, на его универсальность и всеобщность;

2. *Что есть?* — общая (но отнюдь не «объективная»!) межличностная реальность, как бы сотворяемая *всеми* участниками (не только людьми!), а воспринимаемая каждым *по-своему* (однако истинный Творец — один — Единый!);

3. *Что делать?* — осозная включённость каждого в совместное «делание» общей реальности, а значит, и свою долю ответственности, согласовывать индивидуальные и групповые стратегии жизни.

Далее происходит взаимная полемика и взаимное прояснение позиций.

О. В. Шимельфениг (заключение): сюжетно-игровой подход как способ осознания и согласованного описания ответственного творчества жизни разными участниками.

В. В. Афанасьева: отделяя от Божественной Космической Игры и её участников Бога, а людей превращая в богов, — предъявляет на этом основании претензии к картине мира, представленной докладчиком.

О. В. Шимельфениг: отвечает, что не делает в своей модели ни того, ни другого, и связывает понимание и применение модели мира как Игры с состоянием самого пользователя, его духовной установкой. — «Реальность» и воспринимающий её находятся в *одном целостном мире*, — поэтому неразрывны и взаимообусловлены.

Вопрос **Т. П. Фокиной**: откуда всё это известно?!

О. В. Шимельфениг: предлагает превратить этот вопрос в тему следующего семинара: *«Источники знания о реальности и степень его зависимости от исследователя»*.

В. А. Фриауф: отличие способа мышления философа от обычного — поиск того, *что обуславливает* то или иное мышление. Привычная заикленность мешает нам произвести поворот к истинному философскому подходу — освободиться от оков Платоновой пещеры, но надеюсь, что божественная искра вспыхнет в нас.

Пятый акт. 22.09.2006

О двух аспектах знания:

«изначальное — приобретаемое»

О. В. Шимельфениг: напоминает формулировку сегодняшней темы — *«Источники знания о реальности и степень его зависимости от исследователя»* и делает сообщение по ней. Сначала напоминает о традиционном подходе учёного, состоящем в том, что получаемая им и его группой картина якобы «объективна» — одинакова для всех и независима от всех (*нерефлексивная* позиция с претензией, по существу, на точку зрения не иначе как самого Господа Бога!).

Другая — *древняя картина*: Вечный бесформенный Дух, творящий все формы, большинство из которых (по Его же замыслу) полагает, что видит окружающий мир (всех остальных) «объ-

ективно», «сам по себе», *не утруждая себя анализом своих способностей восприятия и обусловленности* (которые и определяют, в конечном счёте, его якобы «объективную», «естественную», очевидную картину реальности); а взаимодействие, «борьба» всех этих форм («упёртых» в свой миф самоидентификации и мировосприятия) — и порождает нашу общую, как бы творимую совместно, реальность — Божественную Космическую Игру.

Газали о зависимости знания от типа человека (самостоятельно пробуждающийся; находящийся в процессе обучения; неготовый к знанию).

Т. П. Фокина (доклад): знания о реальности — о том, как *на самом деле* обстоят дела. Они ограничиваются тем, чему человек научен, и обстоятельствами. Если нет «дежурного» набора знаний — нет встречи с реальностью. Смысл реальности в «прыжке с ветки на ветку» (читает своё стихотворение «Птица»).

В. В. Томенко: есть объективная реальность и множество её восприятий через искажающие фильтры.

В. В. Афанасьева: существуют «объективная» и «субъективная» реальности, а звёзд, Олег Владимирович, мы не делаем.

Т. П. Фокина: «объективное» и «субъективное» как абстрактные модели, обозначающие границы, куда не надо идти.

О. В. Шимельфениг: с точки зрения сюжетно-игрового подхода нет никакой отдельно «стоящей» — от кого бы то ни было — реальности, которую можно «искажать»; и вокруг которой ходить; с кем можно «встретиться» или «не встретиться»; нет, по сути, отдельных от Целого «звёзд» и людей; *но* — это единое, ежемгновенно созидающееся через множество своих аспектов, — Целое, *воспринимается каждым аспектом-индивидом по-своему*, являясь *его* реальностью. Их согласованная совокупность и образует общую, как бы творимую ими совместно (истинный Творец — один!), реальность; «объективная» и «субъективная» реальности — также мифы, порождённые абстрактным (во многом бессознательным, неотрефлексированным) представлением о «фатальном» отрыве человека от единой реальности, в пересотворении которой он ежемгновенно соучаствует, не осознавая этого. *Но так и должно быть!* — *самоидентификация* всевозможных созданий во Вселенной с той или иной (условной, преходящей!) формой, «ролью» — главная пружина, *двигатель* Мирового Действа (иначе — герой бы не сражался, вор — не воровал,

любящий — не жертвовал бы жизнью ради предмета Любви), а когда «игрок» перестаёт отождествляться с какой-либо формой, освобождается от привязанности к ним, т. е. *играет* ими, — он и становится Философом, рефлексирующим как со-сценарист, со-режиссёр всё происходящее, все «роли» и сюжеты. Разумеется, — это взгляд на реальность с определённой, отрефлексированной, осознанной точки зрения — сюжетно-игровой картины мира.

Шестой акт. 12.10.2006

«Кибернетическая» модель познания
и её обсуждение

О. В. Шимельфениг: продолжаем тему: «*Источники знания о реальности и степень его зависимости от исследователя*».

Н. Н. Васильев: предложил понятийный каркас на основе кибернетической схемы обратной связи между познающим субъектом и познаваемым объектом, чтобы дальше оснащать его более конкретными и содержательными конструкциями по проблеме «Знание».

В. В. Афанасьева отметила, что схема Н. Н. Васильева годится как первое приближение для дальнейшей работы.

Т. П. Фокина: схема Н. Н. Васильева — хороший способ упорядочить представление о реальности, но чтобы перейти к более сложным формам мышления, нужно обратиться к тому, о чём я говорила в своём докладе.

Рефлексия О. В. Шимельфенига по всей теме «Знание»: согласен с Н. Н. Васильевым, что реальность не отдельна от нас и к ней не надо «приближаться». О выступлении В. В. Томенко: реальность не может быть «нарушена» и «искажена» — это то, что происходит неизбежно каждое мгновение с миром как целым, а вот восприятие происходящего у каждого со-участника — своё. Субъекта же, который мог бы воспринимать совместно творимую реальность «объективно» — «как на самом деле обстоят дела» — просто не существует, поэтому такая «реальность» — абстрактная химера, рано или поздно приносящая свои катастрофические плоды.

Далее о докладе Т. П. Фокиной: различать «я» и свою ментальную сферу можно только с какой-то определённой позиции, которая может быть либо бессознательным отождествлением с

каким-то набором программ восприятия и переработки информации, либо осознанным («контролируемая глупость» — в терминологии Кастанеды).

Т. П. Фокина: я не свободна в своих исследованиях реальности — следую принятым границам. Мой рассказ нельзя анализировать — он построен по определённой интриге: выделяются две противоположные точки зрения, которые никуда не ведут, и мой основной образ — перелёт.

О. В. Шимельфениг: это и есть выход на центральную тему — как вы себе представляете реальность — «полёт между». Я тоже говорю вроде бы внешне нечто похожее (вслед за древнейшей картиной мира как Божественной Космической Игры) — о жизни как «игре над бездной пустоты» — «танце Шивы» — циклах творения, сохранения, разрушения, познания. Но — *за* этой «играющей пустотой» — Сам Творец, разыгрывающий «партию» Своей Игры, а *за* «полётом между» — что?! Возможно, наши позиции по существу не столь уж различны. Наверное, сто́ит поработать дальше.

Е. В. Сластихина: притча об относительности времени и «перелётах» в «параллельные миры»: с помощью искусства суфия шах оказывается в другой реальности, где проживает трудную, полную опасностей и забот, жизнь. Когда он очнулся, оказалось, что в этой действительности прошло лишь несколько мгновений, а «злодей» суфий уже исчез.

После этого те, кто знал недавно умершего суфийского Учителя из Средней Азии — Мирзобая, предались воспоминаниям о нём.

Седьмой акт. 17.11.2006

Спор Р. Тагора и А. Эйнштейна о природе реальности:
поэт-философ и учёный
как соучастники нашей дискуссии.
Индийский пролог к спору Р. Тагора и А. Эйнштейна

В. А. Фриауф о периодах развития духовной культуры Индии (доэпический, ведический, эпический). Возникновение в ведийскую эпоху вместо жёстких ритуалов жертвоприношения осознания возможности краткого пути к Абсолюту (Атман есть Брахман). Различие двух принципов связи человека и Абсолюта:

манифестации (проявления) и креации (творения). Р. Тагор на позиции манифестации — целостной Божественной Игры Творца с Самим Собой (в частности, и через людей), а А. Эйнштейн на позиции разделения, изоляции человека и Бога, человека и «объективной реальности».

О. В. Шимельфениг: дополнение к выступлению В. А. Фриауфа. За Р. Тагором стоит индуизм, характеризующийся, действительно, целостным мировосприятием, интегрирующим все аспекты мироздания, где Вселенский человек (Пуруша) — не абстракция *вне* человека, а то, что каждый из нас может потенциально раскрыть в себе. А. Эйнштейн же, воспитанный на культуре, принципиально разделяющей аспекты Единого Целого в философии и науке, верит в мифологему «объективной», *отдельной* от человека, реальности и в теорию о ней, которую можно передавать любому грамотному субъекту как машинную программу. В культуре же Р. Тагора Единое Целое находится в гармоничной диалектической связи с множеством своих проявлений, каждое из которых только *по-своему* готово воспринимать этот образ общей реальности. Поэтому здесь к возможностям восприятия той или иной картины мира (и способности жить в соответствии с ней) подходят дифференцированно, даже разделяя жизнь *одного* человека на этапы, в каждом из которых он принципиально трансформирует и расширяет своё миропонимание.

* * *

Ю. Л. Чернышов: констатирует, что в течение всех встреч он не был услышан, и так и не была разработана методологическая технология подхода к решению проблемы «Что такое реальность?» хотя бы для участников семинара. Дальше он отмечает, что остались не прояснёнными вопросы: почему понятие «реальность» всегда употребляется с прилагательными «объективная», «субъективная», «техническая» и т. д.; и как философы и учёные презевали наступающую техногенную катастрофу?

О. В. Шимельфениг: Ю. Л. Чернышов, с первых же встреч, настойчиво пытается сориентировать нас на некий стандарт проектной инженерной работы, когда команда, созданная под определённый проект, знает *что* надо получить и какими

средствами. Наша ситуация другая, более сложная: философская картина реальности в большой степени индивидуальна и основана на личной интуиции, и заранее ясно было (по крайней мере, организаторам) только одно, что представлений о реальности будет столько, сколько участников нашего семинара. Поиск взаимопонимания и хоть как-то согласованного описания Универсума — одна из самых трудных вещей на свете.

Однако на вопрос: почему понятию «реальность» всегда сопутствует прилагательное? — ответить можно сразу: потому, что нет такого объекта как «реальность сама по себе» — без субъекта, который, всегда лишь определённым образом (обычно малоосознаваемым), её воспринимает и постигает.

Ответ на другой вопрос Ю. Л. Чернышова о том, кто проморгал разворачивающуюся техногенную катастрофу: это, прежде всего, учёные и философы, негибаемо верящие в миф «объективной реальности», которая творится якобы «сама по себе», — ибо их никто не приучил рефлексировать и контролировать свои способы восприятия и организующуюся с их помощью деятельность, которая и вносит существенный вклад в грядущую рукотворную катастрофу.

Б. А. Медведев считает, что мы от цели «Бесед» не отклонялись, так как они именно философские. Надо больше обращаться к представлениям о реальности великих мыслителей, которых понимают, по сути, всегда единицы. Далее он рассказал о жизненном пути Р. Тагора, который был человеком двух веков (40 лет прожил в XIX и 40 лет в XX столетиях), и ознакомил собравшихся с некоторыми философско-художественными произведениями Р. Тагора.

Н. Н. Васильев: предложил найти компромисс философского подхода и методологической технологии, а также проиллюстрировал односторонность и абстрактность понятия «объективная реальность» на примере такого объекта, как Солнце, границы которого невозможно определить «объективно» без взаимосвязи с позицией и целями исследователя.

В. А. Фриауф присоединился к мнению, что работа идёт успешно, в нужном направлении, и даже участники — не философы — продвигаются к осознанию своих миропредставлений.

Восьмой акт. 21.12.2006

«Открытый финал»

О. В. Шимельфениг: попробуем подвести итоги годовой работы — насколько мы продвинулись в прояснении вопроса «Что есть реальность?».

Ю. Л. Чернышов: благодарит инициаторов семинара «Беседы о реальности» за организацию интеллектуального действия, результаты которого заслуживают знакомства с ними более широкой аудитории. Он считает, что сложившаяся «команда» должна продолжить поиск «методологического ключика» по созданию согласованной картины реальности. Юрий Леонидович выразил надежду, что такие разработки дали бы возможность обосновать более жёсткое разделение светского государства и религиозных структур в соответствии с Конституцией.

Л. Я. Солодовниченко: в результате деятельности семинара «Беседы о реальности» и ряда мероприятий Межконфессионального Фонда сложился определённый круг людей, готовых обсуждать общественные проблемы социального и философского звучания. Нарботки нашего семинара могут помочь в решении актуальных проблем взаимопонимания и взаимодействия различных духовных традиций, в частности Православия и Ислама.

О. В. Шимельфениг: по поводу противоречия светского государства и религиозных структур: термин «светское» часто служит прикрытием одной лишь материалистической позиции, претендующей на высший уровень осмысления действительности. Более адекватным реалиям жизни было бы позиционирование материалистов как одной из точек зрения на реальность, наряду с другими — духовными миропредставлениями. Нужно искать оптимальную форму управленческой структуры равноправного и сбалансированного взаимодействия всех социальных групп. Разумеется, её разнообразные прообразы уже имеются в культуре разных социумов.

Б. А. Медведев: выразил надежду, что продолжение поиска обобщающего методологического подхода к описанию реальности приведёт к объединению всех на основе «нравственного императива».

О. В. Шимельфениг: предполагалось, что каждый в процессе работы выйдет на какое-то осознание своей картины реальности, её какую-то формулировку. Год работы семинара показал, что это не простая задача, и поэтому рано говорить о «методологии» интеграции того, чего ещё нет. Сам семинар оказался реализацией сюжетно-игровой модели реальности. Его результаты могут быть использованы для осознанного проектирования межличностных отношений в социуме.

Выступающий обратил внимание на три важных момента игрового подхода (которые нашли отражение и в нашей годовой «партии интеллектуальной игры»):

1) реальность неотрывна от воспринимающего, интерпретирующего и участвующего в её «делании» индивида;

2) восприятие реальности любым индивидом не статично, а всегда сюжетно — как последовательность событий взаимодействия участников. И через этот язык могут стать понятными любые «сюжеты жизни»: от рядового существа до Л. Толстого, Ж. Делёза, и даже до миссии Христа;

3) вопреки надеждам — с помощью «чудесной методологии» сконструировать «философский камень» (общедоступную картину «объективной» реальности), — каждому придётся открывать смысл жизни и её философский образ — для себя, всё более осознанно соучаствуя в Мировом Действе.

В. А. Фриауф: Дорогие коллеги, друзья! Со многим хочется согласиться, но как философ-профессионал я немного глубже, может быть, знаю, что такое методология и мировоззрение; что возможно, а что нет в этом плане. Мне всегда нравятся чёткие рациональные выступления Николая Николаевича Васильева, также и уважаемого Олега Владимировича Шимельфенига — интеллектуальные и экзистенциальные одновременно.

Ясно одно — тот путь, который мы прошли, может быть, не совсем идеальный, как хотелось бы каждому из нас, привёл к необходимости метаморфозы — новой ступени более высокого плана, учитывающей явные и неявные пожелания каждого из вас.

Спасибо всем, как организаторам, так и тем, кто приходит и заинтересованно здесь участвует.

ЭПИЛОГ

Попробуем, в качестве заключения, связать хронику нашего семинара «Беседы о реальности» с принципиальными философскими проблемами нашего времени, представленными в трудах известных философов. На наш взгляд, то, что происходило на наших встречах, подтверждает мысли известного философа М. О. Шахова, что наука, философия и религия содержат в основе недоказуемые предпосылки: «Пересмотр классических критериев научности позволил поставить вопрос: если идеал науки, в соответствии с которым ученый познает мир путем строго рационального осмысления эмпирических данных, не допуская в этот процесс никаких недоказуемых метафизических суждений (как мечтал О. Конт, а позднее неопозитивисты), оказался недостижимым, и некие априорные постулаты все равно не устранимы из научного познания (в результате чего гносеологическая непорочность науки все равно оказывается утраченной, вернее, никогда и не существовала), стоит ли так упорно выводить за рамки науки любое суждение, допускающее вмешательство Бога, или, шире, любое объективно-идеалистическое мировоззрение? Очевидно, что для этого нет оснований. Материалисты, ныне именующие себя “светскими учеными”, представителями объективной науки, сводят проблему критерия научности к логическому кругу: “научно только исследование, не допускающее вмешательство Бога, потому что исследование, допускающее вмешательство Бога, не научно”»³.

Далее автор приходит к выводу, что наука в значительной мере состоит из относительных истин, из утверждений научной веры, а религиозное знание также содержит набор не всегда доказуемых, но возможно истинных высказываний, т. е. граница между научным и религиозным знанием подвижна, относительна и связана с состоянием, способностями и возможностями субъекта познания.

Поэтому, хотя есть надежда на общее духовное миропонимание, однако оно не может быть сформулировано как некая научно-философско-религиозная формула («философский камень»), открывающая для *любого* человека всю Истину о мире. Целостный и Единый Мир проявляется в разнообразных аспектах и уровнях бытия, поэтому любая картина мира (теистическая или другая) по-разному воспринимается и понимается индивидами в соответствии

с состоянием их психики, что современные философы называют «субъектностью» или «ктойностью» познания⁴. Но поскольку мир не только абстрактно един, но все его субъектные составляющие тотально взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, то, чтобы выжить и благополучно развиваться, они вынуждены как-то согласовывать свои миропредставления и действия.

Этот процесс — презентации своих позиций, их взаимопонимания и согласования — моделировался и реализовывался в меру возможностей участников нашего семинара. Главным препятствием в достижении цели, кроме индивидуальных ограничений собравшихся, явилась традиционная монологичная установка на восприятие единственно «правильной», «объективной» картины мира. Эта неосознаваемая однозначность и жёсткость интерпретации мира и его описаний оказалась присуща как религиозным людям, так и атеистам. М. О. Шахов называет это «реализмом», который, с его точки зрения, может стать «общей основой религиозного и научного знания». С нашей же точки зрения, эта «основа» сомнительна. Как и выяснилось на нашем семинаре — достижение общего взгляда на «реальность» весьма проблематично.

Скорлупу псевдообъективного, а по существу, индивидуального (в лучшем случае — группового) представления о мире мы пытались пробить с помощью организации диалога представителей разных позиций. Но, например, в Четвёртом акте сюжетно-игровой подход упорно интерпретировался слушателями не так, как его излагал ведущий. В силу собственных глубинных установок предлагаемый целостный образ мира как Божественной Игры разрывался на части: либо отрывая Бога от мира, либо людей превращая в богов.

В связи с этой коммуникационной проблемой хотелось бы обратить внимание на разработку темы диалога в трудах наших известных русских философов. В своё время М. М. Бахтин, критикуя классическую монологическую установку исследователя, сформулировал идею диалогического подхода. Г. С. Батищев, развивая эту идею, предложил отличать диалог как «парламентскую процедуру» — «холодный договор самоутвержденцев о равноправии», от «полифонии бескорыстного погружения каждого в общение, в другого»⁵ (вспомним технологию вживания в роль в системе К. С. Станиславского).

Определяющими компонентами вектора глубинного общения Г. С. Батищев считал приоритетность Универсума, мира как Единого Целого, над любой субъективностью и со-творчество каждого индивида с Универсумом (т. е. с другими) — креативное участие в решении всё более трудных задач Космогенеза, что продолжает идеи русского космизма.

Однако у классической науки другие приоритеты — не Творческое Начало Единого Универсума, а мыслящий себя Космиургом технарь, перекраивающий мир под свои потребности. Именно так «отец водородной бомбы» Эдвард Теллер сформулировал технократический императив: всё, что человек в состоянии сделать, он и должен сделать, включая, например, водородную бомбу. Н. А. Бердяев почти сто лет назад писал, что техника может дать в руки человека, небольшой группы людей огромную разрушительную силу. «Скоро мирные ученые смогут производить потрясения не только исторического, но и космического характера»⁶. Это позволяет концентрировать власть в руках тех, кто обладает техническими секретами. Поэтому современная техника не может быть нейтральной для вопросов духа. От этого зависит судьба всего человечества. По мнению Бердяева, «техническая эпоха», эпоха власти техники над человеческой душой неизбежно кончится победой человеческого духа, не отрицанием техники, а подчинением ее человеческому духу и духовным ценностям жизни.

Эта судьбоносная проблематика, тоже в форме бесед-дискуссий, поднималась в начале прошлого столетия блестящими умами Серебряного века на заседаниях Религиозно-философского общества в Петербурге, хроника которых, представленная в книге А. А. Ермичёва⁷, воспринимается не как сухой документ, а как роман с героями-докладчиками и их оппонентами в напряжённом диалоге. Несмотря на то что обсуждались вечные и злободневные темы: «Церковная реформа», «Церковь и нация», «Церковь и интеллигенция» «Церковь и власть», «Церковь и социализм», «Христианство и война» и др., революционная ориентация Религиозно-философского общества внесла свой «вклад» в трагедию русской революции. Мы же считаем, что цель подобной работы — в поиске путей духовного воспитания и просвещения народа. Эта стратегия находит отражение в деятельности ЮНЕСКО и представлена в книге «Философия. Школа свободы. Преподавание философии и обучение философствованию: состояние и перспективы»⁸.

Воспитание человека, вписывающегося в гармоничный Космогенез, должно начинаться с раннего детства, формируя представление о целостном мире, самостоятельность мышления, знакомя с историей философии и духовными традициями. В книге приводятся примеры эффективного влияния такого обучения на состояние умов школьников в разных странах (Австралия, Великобритания и др.), а также показано состояние философского образования в высшей школе и описаны разные формы философствования в жизни людей старшего возраста, вставших на путь личного духовного развития.

Мы считаем, что наш цикл «Беседы о реальности» послужит толчком к развёртыванию духовно-философской работы. Современные информационные технологии дают возможность неограниченно расширять круг собеседников: на разосланный первый вариант данного обзора «Бесед о реальности» мы уже получаем рефлексивные отклики не только саратовцев — участников семинара, но и людей из других городов, готовых к обсуждению этой проблематики.

Примечания

- ¹ Данилов А. А., Меметов В. С. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997. С. 150—151.
- ² См. с. 52—53 настоящей работы: «Основная задача семинара... современного человечества».
- ³ Шахов М. О. Реализм как общая основа религиозного и научного знания // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 66.
- ⁴ См., напр.: Кемеров В. Е. Социальная обусловленность познания: динамика проблемы // Там же. С. 29.
- ⁵ Малахов В. А. Парадигма общения в философском творчестве Г. С. Батищева // Там же. С. 106.
- ⁶ Бердяев Н. А. Человек и машина: (проблема социологии и метафизики техники) // Там же. 1985. № 2. С. 159.
- ⁷ См.: Религиозно-философское общество в Петербурге (1907—1917) : хроника заседаний. СПб., 2007.
- ⁸ Philosophy. A School of Freedom. Teaching philosophy and learning to philosophize : status and prospects. Paris, 2007.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

ББК 63.3(2)64-283.2:86

А. А. Соловьёв

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЦЕРКОВЬ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поиски методологической стратегии, способной объективно реконструировать систему взаимоотношений интеллигенции и Церкви, выявить параметры её историко-научного постижения, актуализируют значимость сущностных категорий, входящих в пространство духовной культуры в целом. Методологический кризис фрагментарности, раздробленности научного познания, переживаемый в современной гуманитарной мысли, затрудняет выработку целостной концепции, синтезирующей теологический, философский, социологический, психологический и собственно исторический подходы к изучению проблем взаимосвязи религии и соприкасающихся с ней областей знания. Церковь как тип религиозной организации является одним из структурных элементов религии, которая, в свою очередь, в сущностной характеристике определяется верой и органично связанным с ней мистико-аскетическим опытом. Представляется правомерным подход к религии, предложенный Н. Смартom, — анализировать феномен религии, используя «семь измерений»: практико-ритуальное, эмпирико-эмоциональное, повествова-

---

© Соловьёв А. А., 2009

Соловьёв Андрей Авенирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Костромской государственной сельскохозяйственной академии. anh@kostroma.ru

тельно-мифическое, доктринально-философское, этико-правовое, социально-институциональное и материальное¹. Тем самым, определяя религию как систему, имеющую различные измерения, возможно рассматривать как концептуальный, так и обыденный уровни религиозного сознания; как культовую, так и внекультовую религиозную деятельность.

Особую продуктивность в контексте социокультурного развития российского общества приобретает системно-методологический анализ проблемы взаимоотношений интеллигенции и Церкви. Для представления интеллигенции как социальной системы (или подсистемы другой, глобальной системы — общества), прежде всего, нужно исходить из понимания интеллигента как квинтэссенции культуры своей эпохи. Интеллигенция сквозь призму данного метода выступает как культурная самоидентификация личности. В этой перспективе возможно вести речь и о коллективной самоидентификации интеллигенции, характеризующейся постепенным осознанием себя как определённой духовно-интеллектуальной традиции, ориентированной на раскрытие религиозных и метафизических вопросов Бытия. В историческом исследовании данное положение приобретает особую значимость, так как для обретения коллективной идентичности любой социальной группе необходимо общее понимание событий и опыта, постепенно формировавших эту группу. Коллективная память интеллигенции и относительная неизменность её представлений о своей миссии в обществе обеспечиваются через постоянную реактивацию памяти о событиях, мыслимых как своеобразный разрыв с доминирующими в социуме ценностями, но самим участием в данных событиях интеллигенция утверждает свою трансисторическую преемственность, при которой её служение вписывается в парадигму внеисторических высших ценностей.

Русская интеллигенция, таким образом, является и своеобразным «местом памяти», что предполагает анализ её символического измерения. Французский историк П. Нора определяет данную категорию следующим образом: «Место памяти предполагает, прежде всего, стыковку двух порядков реальности: реальности осязаемой и уловимой, порой материальной, порой — не очень, запечатлённой в пространстве, времени, языке,

традиции, и реальности чисто символической, носительницы истории <...> Итак, место памяти — это любое значимое единство материального и идеального порядка, превращение — по воле людей и благодаря работе времени — в памятное наследие какой-либо общности людей»². Рассматривая память в динамике исторического процесса как последовательности рекурсивных ходов: от настоящего к прошлому, а от прошлого к будущему³, — мы тем самым актуализируем проблему восприятия тех или иных событий в истории как значимых и, следовательно, реконструируем систему представлений участников этих событий в интеллектуальном и культурном контексте рассматриваемого периода. Наиболее адекватным методом исследования в данном аспекте выступает семиотический подход, так как мемориальная реконструкция прошлого есть, вместе с тем, попытка дешифровки исторического источника. В самом общем приближении семиотика предстаёт как теория, исследующая свойства знаковых систем, или систем знаков, каждому из которых определённым образом придаётся некоторое значение. Следовательно, интеллигенцию возможно рассматривать как своеобразную знаковую систему — и с этой точки зрения она выступает понятием семиотического круга. Перспективным в данном направлении представляется анализ событий, в реальности не сбывшихся, а лишь мотивированных индивидуальным сознанием личности. Влияние их возрастает по мере удаления в историческом времени от энтропийных точек равновесия и приближения к точкам бифуркации (от латинского *bifurcus* — двузубый, раздвоенный, в истории — возможность альтернативного развития событий), в которых предсказуемое течение общественных процессов нарушается. Тем самым социальная система приобретает тенденцию перехода на режим индивидуально значимого поведения, что лишней раз подтверждает преимущественно личностный характер истории интеллигенции. Актуализируется, таким образом, и дискурсивный анализ латентной истории, когда действующие лица могли не осознавать системную обусловленность своих действий. Это предполагает обращение к такому аналитическому инструменту, как просопография, или сравнительная социальная биография⁴. Чтобы произвести сравнительный анализ на микросоциальном уровне (а именно такая задача

представляется приоритетной, когда идёт речь об истории интеллигенции), требуется рассмотреть морфологию интеллектуального поля, а также проследить вектор политической конъюнктуры (т. е. проанализировать поле власти), задающий центральные конфликты, по которой и проходят линии разлома в интеллектуальной среде. Концепция «поля власти» разработана представителем французского постструктурализма П. Бурдьё, в категориальном аппарате которого основное внимание отводится понятию «капитал» (экономический, социальный, культурный, символический) и идее перевода капитала из одной формы в другую (из одного поля в другое). В частности П. Бурдьё замечает, что положение социального субъекта в социальном пространстве «может определяться по его позициям в различных полях, т. е. в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле. Это, главным образом, экономический капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т. п.»⁵. Тем самым выдвигается идея полицентрического подхода к анализу многомерного социокультурного пространства в противовес моноцентрической или биполярной модели в сферах общественной жизни. Такой подход сопряжён с рядом трудностей, одна из которых состоит в том, что историки сами входят в состав интеллигенции. Современный французский учёный К. Шарль в своём исследовании пишет: «В зависимости от своих политических пристрастий, они воспринимают общество либо в рамках экономической парадигмы, либо в рамках парадигмы политической. Но дело в том, что свободные профессии (к представителям которых мы можем отнести большую часть интеллигенции. — А. С.) исторически складывались в противостоянии обеим этим моделям. Они были не индустрией, а скорее служением, в них культивировалась идеология бескорыстия. При этом представители свободных профессий с самого начала стремились освободиться от политического диктата, пользуясь, однако, покровительством государства»⁶. Таким образом, благодаря методу просопографии можно проследить как политические изменения, так и морфологические преобразования рассматриваемых категорий социума, выявить своего рода модальность, т. е. «отношение отношений», разных уровней и форм их общения.

При одностороннем рассмотрении духовного процесса взаимоотношений интеллигенции и Церкви заведомо неприемлемыми оказываются как методологические концепции, разработанные позитивизмом, который регистрирует лишь внешнее наблюдение, так и собственно богословские теории, принципиально ограничивающие себя миром Традиции и языком мистико-аскетического опыта⁷. Потребность и поиски иной методологической установки, снимающей бинарное противопоставление воплощённого и невыразимого, приводит к методу феноменологии, выявляющему априорные условия мыслимости предметов и чистые структуры сознания, независимо от сфер их приложения. Трактовка сознания как интенционального акта позволяет рассматривать семантику интеллектуального поля в аспекте его инвариантных характеристик. Задачей феноменологии является раскрытие смысла объекта, затемнённого разнообразными мнениями, словами, оценками; предметом — мир универсального поля дорефлексивных структур сознания, как актуальных, так и возможных, как реализовавшихся, так и мыслимых. Особенно целесообразным феноменологический метод анализа следует признать при описании тех истоков, из которых рождается мир переживаний и чувств человека. М. Хайдеггер указывал, что феноменологически можно изучать «всё то, что принадлежит к способу выявления и экспликации и что составляет требуемую в этом исследовании концептуальность»⁸. Тем самым данный метод непосредственно сопряжён с историко-культурным и историко-философским анализом интеллектуального пространства эпохи. Соединение же феноменологического метода символической истории с критическим методом микроистории позволит адекватно соотнести мировоззренческие поиски интеллигенции в контексте их церковного преломления.

Воссоздание прошлого — необходимая предпосылка к его объяснению, требующая реконструировать, в том числе, атмосферу и менталитет уникальности проявления человеческого духа в рассматриваемый период истории, с присущей неповторимой ценностной конфигурацией семантического поля. Ментальность определяется как «устойчивые духовные ценности, глубинные аксиологические установки, навыки, автоматизмы, латентные привычки, долговременные стереотипы, рассматриваемые в оп-

ределённых пространственно-временных границах, являющиеся основой поведения, идеологий, концепций, теорий»⁹. В основе данного феномена лежит представление о многослойности структуры пространства, его различных типов, разности темпов и направленности течения исторического времени, динамическом и статическом элементах исторического процесса, исторической ситуации как месте пересечения двух плоскостей — вертикальной (диахронной) и горизонтальной (синхронной). Цель при этом состоит в выявлении тенденций, анализе причин и следствий в социокультурном развитии общества, то есть рассмотрении динамики исторического процесса. Социокультурная сфера жизни характеризуется определёнными формами общественного сознания (религия, философия, искусство, образование, наука, политика) и их материальными носителями — средствами накопления, опубликования и передачи информации. Современный мир мультикультурен — трансформация идентификационных моделей происходит, в том числе, в контексте размывания религиозной идентичности. Человек постиндустриальной эпохи редко отдаёт себе отчёт в той религиозной парадигме, к которой он себя относит. В современной религиозной идентичности превалирует игровая стихия, внешний облик, а не идея внутреннего микрокосма, базирующаяся на ценностных критериях гносеологического свойства. Это, несомненно, актуализирует исследовательское поле интеллектуальной истории, основой которой являются исторические категории мышления, интеллектуальной деятельности и духовные блага, а также развитие интеллектуальной сферы в рамках общекультурной парадигмы.

Специфика темы исследования ставит вопрос о правомерности использования методов собственно богословской науки. Исходя из анализа развития христианского осмысления исторического процесса, в том числе в рамках экклезиологического и антропологического дискурсов, в определённой степени такое заимствование в историко-культурном контексте будет оправданным. Антропологическая и экклезиологическая проблематика выражает суть наиболее очевидных проблем в современном христианском мире. Истинная экклезиология христоцентрична. Однако ясной концепции понимания этой проблемы в интеллектуальной традиции Церкви выработано не было. В святоотеческий

период очерчивается проблема христологичности истины, вставшая перед Церковью с первых дней её существования. Христос — Альфа и Омега истории, что существенно противоречит концепциям линейного историзма и, тем самым, входит в противоречие с иудейской традицией, так как конец истории совершается во Христе здесь и сейчас. Вместе с тем новозаветное понимание истины противоположно и греческой мысли, для которой характерна космологическая интерпретация истины, вследствие чего происходит преодоление истории. В греко-патристическом синтезе Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский, один из самых глубоких богословов рубежа XX—XXI вв., выделяет шесть основных подходов в понимании истины: «логоцентрический», евангельский, тринитарный, «апофатический», христологический, «иконический»¹⁰. Путь от Иустина Мученика, Климента Александрийского и Оригена, где явственно обозначено противоречие между истиной бытия и истиной в истории, к св. Максиму Исповеднику, которому удалось с помощью динамических категорий воли и любви переместить в Логосе акцент с космологии на воплощение и, тем самым, сделать возможным отождествление истины и общения, приводит нас к иному пониманию природы Церкви как *образа жизни и способа существования*. Опыт присутствия истины в бытии Церкви может быть пережит в своей полноте, имея в виду исторические границы её существования, в Евхаристии, т. е. *со-бытии* общения.

Раскрытие христианского понимания истины прослеживается через развитие ряда бинарных структур: Афины — Иерусалим, умопостигаемое — чувственное, история — *откровение*, *бытие* — жизнь, субстанция — воля, «усия» — «ипостась», сущность — энергия, инаковость — единство. Преодоление названных альтернатив приводит к возникновению новых структур, характеризующихся иным соотношением элементов и усложнением и/или упрощением системы в целом. Так или иначе, следствием этого является всё более возрастающий разрыв с изначальным семантическим полем и, вместе с тем, творческое восполнение истины бытия, осуществляемой как общение.

Методологическим основанием исследований по данной проблеме также могут послужить базисные принципы исторического познания:

- научная достоверность и объективность, предполагающая отказ от крайне политизированного и элитарного подходов;
- историзм, включающий в себя более локальные компоненты различия (в т. ч. в менталитете), контекста (недопустимость изъятия предмета исследования из окружающей обстановки), понимания истории как процесса (связи между событиями во времени)¹¹;
- детерминизм, т. е. обусловленность исторических процессов и явлений, связанных и взаимодействующих между собой, их причинно-следственные связи;
- системный и конкретный подходы к изучению рассматриваемых феноменов.

Выбор методов исторического исследования определяется особенностями объектов познания и сутью исследовательских задач:

- историко-генетический, позволяющий последовательно раскрывать свойства, функции и их изменения в формах и содержании взаимоотношений исследуемых социокультурных феноменов;
- проблемно-хронологический, при котором тема исследования локализуется на ряд более частных проблем (историко-культурный контекст религиозно-философской традиции, конфессиональная политика государства, либеральные и консервативные направления внутрицерковных преобразований, образовательное пространство и др.), каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности событий;
- диахронный, способствующий «параллельному» анализу духовной и светской парадигм в их взаимопересечении и ретроспективе исторического развития, выявлению качественных особенностей процессов во времени, определению основных направлений в религиозно-мировоззренческих поисках церковной интеллигенции;
- структурно-функциональный, дающий возможность рассмотреть интеллигенцию и православное духовенство в многообразии социальных связей и отношений;

- количественный, применяющийся при анализе статистических данных;
- историко-системный, необходимый при раскрытии многомерности воплощаемых социальных ролей изучаемыми объектами, их совокупности — ролевой системы, а также ситуации ролевого конфликта;
- типологизации, обращение к которому обусловлено структуризацией объектов исследования по их существенным признакам, выстраиванием однородных тенденций различной направленности;
- историко-психологический метод реконструкции, воссоздающий атмосферу и менталитет прошлого, воспроизводящий образ жизни, культуру повседневности, помогающий осознать и понять исследуемую эпоху, исходя из уникальности конкретной конфигурации её причинно-следственных факторов;
- компаративистский, при помощи которого происходит анализ скрытой сущности процессов и явлений в диалоге интеллигенции и Церкви.

На наш взгляд, лишь на основе комплексного применения как общенаучных методов исследования (исторического, логического и метода классификации), так и специально-исторических, с привлечением подходов, разработанных в богословской науке (например, апофатического метода, который предполагает освобождение от какого-либо понятийного детерминизма сознания), возможно объективно рассматривать данную проблему, находящуюся на стыке различных областей знания.

Примечания

¹ См.: Кеон Д. Буддизм : пер. с англ. М., 2001. С. 16.

² Цит. по: Аржаковский А. А. Журнал ПУТЬ (1925—1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев, 2000. С. 12. Подробнее см.: Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.

³ Успенский Б. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б. А. Этюды о русской культуре. СПб., 2002. С. 20.

- ⁴ О просопографии см.: *Charle C. Prosopography (collective biography)* // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford, 2001. Vol. 18. P. 12236—12241.
- ⁵ *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С. 57.
- ⁶ *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / пер. с фр. под ред. *С. Л. Козлова*. М., 2005. С. 32.
- ⁷ См. подробнее: *Хоружий С.* Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека // *Православное учение о человеке*. М.; Клин, 2004. С. 154—167.
- ⁸ *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. С. 30.
- ⁹ *Элбакян Е. С.* Религия в сознании российской интеллигенции XIX — начала XX вв. : философско-исторический анализ. М., 1996. С. 34.
- ¹⁰ См.: *Иоанн (Зизиулас), митр.* Бытие как общение: очерки о личности и Церкви / предисл. прот. *Иоанна Мейендорфа*; пер. с англ. *Д. М. Гзгзяна*. М., 2006. С. 67—99.
- ¹¹ См.: *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка : пер. с англ. М., 2000. С. 18—20.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)-283.2

С. М. Усманов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И БУДУЩЕЕ РОССИИ В ДИАЛОГАХ С. Н. БУЛГАКОВА «НА ПИРУ БОГОВ»

Весной 1918 г. известный ученый и общественный деятель, профессор Московского государственного университета Сергей Николаевич Булгаков написал специальную работу для подготавливавшегося в Москве сборника статей о русской революции «Из глубины». Затем, в июне 1918 г., Сергей Николаевич принял священный сан, после чего началось его служение как священника и богослова, а научная и публицистическая деятельность отца Сергия была сведена к минимуму. Так что подготовленный Булгаковым для сборника «Из глубины» текст диалогов «На пиру богов» оказался, по сути дела, подведением предварительных итогов не только для самого автора, но в определенной мере — и для российской общественной мысли дореволюционной эпохи.

Надо отметить, что судьба данного сочинения С. Н. Булгакова сложилась более удачно, чем у всего сборника «Из глубины», который так и не появился в свет в 1918 г. Как известно, в начале 20-х гг. это издание, хотя и было напечатано, но дошло до авторов и читателей в считанном числе экземпляров. И лишь в 1967 г. в Париже издательство «ИМКА-пресс» сделало сборник доступным читателям и исследователям. Однако диалоги С. Н. Булгакова «На

© Усманов С. М., 2009

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ilapsi@yandex.ru

пиру богов» еще в 1918 и 1920 гг. были напечатаны отдельно — сначала в Киеве, а затем в Софии. В 1990 г. Московский государственный университет тиражом 130 тыс. экземпляров наконец-то выпустил сборник «Из глубины» и в России. Кроме того, диалоги «На пиру богов» несколько раз издавались в нашей стране в постсоветскую эпоху и в отдельных книгах С. Н. Булгакова.

Казалось бы, спустя десятилетия сборник «Из глубины» наконец-то вошел в фонд отечественной науки и культуры. И формально это действительно так. Но на деле, к сожалению, многое из высказанного авторами сборника девять десятилетий назад по-настоящему так и не услышано в нынешней России, что в очень большой степени относится и к упоминаемой работе С. Н. Булгакова. Слишком мало на нее откликов. Еще меньше — основательных, качественных анализов поставленных в ней проблем. Так, известный знаток русской религиозной философии, нижегородский ученый Л. Е. Шапошников в своем обобщающем труде в параграфе о С. Н. Булгакове ограничивается лишь двумя краткими цитатами из интересующего нас сочинения мыслителя¹. А в исследовании Л. И. Василенко хотя и был обрисован взгляд Булгакова на проблему «Церковь и культура», тем не менее сами диалоги «На пиру богов» даже не упоминаются².

К тому же делаются попытки умалить значение последнего программного выступления веховцев (каковым и был сборник «Из глубины»). Подобную тенденцию можно встретить даже в энциклопедических изданиях, где сборник «Из глубины» оценивается подчас довольно снисходительно, поскольку, дескать, он «носит в основном политический характер, и эта его устремленность сказывается на позициях авторов»³.

Мы не можем согласиться с подобными оценками. Ранее нам уже приходилось отмечать, что искания веховцев, нашедшие свое отражение в сборнике «Из глубины», составляют еще далеко не исчерпанный потенциал нашей общественной мысли: «Особенно свежо и впечатляюще выглядит самая первая работа, помещенная в сборнике “Из глубины”, “Религиозный смысл русской революции”, написанная философом С. А. Аскольдовым (Алексеевым). И сейчас, спустя десятилетия неординарность авторского анализа ничуть не меркнет на фоне многих и многих последующих трудов о русской революции»⁴.

На фоне яркой статьи С. А. Аскольдова третий по счету текст сборника «Из глубины» — «Современные диалоги» «На пиру богов» С. Н. Булгакова — на первый взгляд кажется менее впечатляющим. Тем более, что по форме он представляет собой некое подражание известным «Трем разговорам» Владимира Сергеевича Соловьева. Показательно, что С. Н. Булгаков воспринял не только жанр «разговоров» о «высоких» предметах, но и де-факто включил в свое сочинение некоторых соловьевских героев: среди его участников тоже есть Генерал, а за булгаковским Дипломатом по мировоззрению и даже по языку нетрудно разглядеть соловьевского Политика.

И все же впечатление о подражательности и вторичности «диалогов» Булгакова по отношению к итоговому сочинению Соловьева было бы глубоко ошибочным. На самом деле включенный в сборник «Из глубины» текст С. Н. Булгакова — вполне оригинальное и очень глубокое по содержанию исследование той ситуации, которая сложилась спустя два десятилетия после появления «Трех разговоров» Соловьева. У Владимира Сергеевича речь шла еще только о грядущих потрясениях, а его герои беседовали на Лазурном берегу, в Ницце — в перерывах между такими развлечениями, как игра в винт и посещение казино. Персонажи Сергея Николаевича такого не могут себе позволить: один из них вообще беженец, а другие, обсуждая свое будущее, подумывают либо о том, чтобы уехать в Канаду, либо уйти в катакомбы. Таковы были реальности начавшейся революции.

Стоило бы подчеркнуть тщательность подбора персонажей для диалогов. Это обязательно выразители значимых тенденций и направлений общественной жизни, что вместе с тем не означало еще их широкого распространения в массе российских граждан. Важно то, что герои С. Н. Булгакова мыслят, внимательно всматриваются в окружающее, не идут вслед за толпой, не стремятся броситься в водоворот революционных потрясений. Вот почему это — типы тогдашней российской общественной мысли, персонифицированные в наиболее характерных образах, которые в состоянии дать определенные ответы на главные вопросы своего времени.

Всего Сергей Николаевич выводит в своем произведении шесть собеседников. Это — Общественный деятель, Боевой генерал, Дипломат, Известный писатель, Светский богослов и Беже-

нец. Говорят они о многом: о войне, о революции, о России, об окружающем мире. Мы здесь не ставим себе задачу охватить всю тематику диалогов, которых у автора пять, плюс еще один короткий — заключительный. В данном случае нас интересует то, как в этих разговорах освещаются проблемы интеллигенции в тогдашней России, а также в перспективах на будущее.

Пожалуй, среди всех героев сочинения Сергея Николаевича Булгакова наиболее слабая и несостоятельная фигура — Общественный деятель. Надо думать, автор совсем не случайно делает его таким, подчеркивая полное банкротство прежней «общественности», несущей прямую ответственность за происшедшее в России. Булгаковский Общественный деятель, как и многие его современники, потрясен и напуган. Он видит, что «на месте России — зловонная зияющая дыра», и отчаянно вопрошает: «Зачем мне суждено пережить Россию?»⁵ Его естественная реакция — бежать: «Если удастся наскрести какие-либо средства, мечтаю уехать в Канаду. Там, может быть, начнется новая Россия, а здесь все загублено и опоганено»⁶. Впрочем, и Общественный деятель иногда меток в своих наблюдениях. Причем, в случившемся он винит прежде всего сам русский народ, не захотевший действовать разумно и культурно. Хотя, как кажется Общественному деятелю, с народом все обстоит еще хуже: «Пусть бы народ наш оказался теперь богоборцем, мятежником против святынь, это было бы лишь отрицательным самосвидетельством его религиозного духа. Но ведь чаще всего он ведет себя просто как хам и скот, которому и вовсе нет дела до веры. <...> От бесноватости можно исцелиться, но не от скотства. <...> Посмотрите на эту хронику ограблений и осквернений храмов, монастырей, ведь это же массы народные совершают, а не единицы. Посмотрите, какое равнодушие к отмене закона Божия в школах, какая пассивность ко всему этому инородческому засилию, ведь все тот же индифферентизм в этом сказывается»⁷.

Совсем другой взгляд выражает Генерал. Он прямо заявляет о наличии «немецкого или масонского заговора», «чтобы свалить Россию»⁸. Кроме того, и «инородческому отравлению надо много приписать в современной русской жизни, которая вся протекает теперь под знаком псевдонимности»⁹. Особенно же резко обрушивается Генерал на русскую интеллигенцию: «Проклятая

русская интеллигенция! Сначала одурила свою собственную голову, а потом отравила и развратила весь народ. <...> Соль земли! Гонимая, идейная, мученическая интеллигенция! Да это проказа, чума на теле России!»¹⁰

Далее Генерал объясняет — в чем же заключалась подрывная деятельность интеллигенции: «Ведь все эти на вид невиннейшие народные дома, библиотеки, курсы рабочих, “разумные развлечения” — все это фактически суть средства религиозного развращения народа. Даже когда они прямо и не направляются против церковности, однако молчаливо ее подмывают одним уже пренебрежением к уставам церковным: назначить любое чтение в часы богослужения, концерт или там вечер какой-нибудь в канун большого праздника, — все это делается даже непреднамеренно, не замечая»¹¹. Все потрясения революции, считает этот герой диалогов С. Н. Булгакова, отнюдь не образумили интеллигенцию. «Посмотрите: они растерялись, но и до сих пор ничему не научились: твердят, как дятлы, свои “демократические” да социалистические благоглупости»¹².

Мышление Генерала, как ему и полагается, по-военному четко и логично, поскольку, на его взгляд, для России необходимо православное царство, дисциплинированная и ответственная бюрократия, мощная армия и, наконец, народ, который имеет не культуру и не образованность, а твердую веру. Но поскольку веру свою русский народ утратил, то «ничего светлого покамест я в русской жизни не вижу», тем более что «трудно уже надеяться на всенародное движение к Церкви. В лучшем случае, она будет окружена кольцом неверия и равнодушия, а в худшем — может продолжаться и прямое гонение <...> к катакомбам надо готовиться, вот что!»¹³.

Не менее последователен в своих рассуждениях и Дипломат. Однако он основывается на совершенно иных идеях и ценностях. Если Генерал — православный монархист, то Дипломат — либерал-западник. Он и не скрывает, что его «дом», его «святыня» — это «европейская цивилизация»¹⁴. В этой связи для него вовсе не чужды проблемы культуры. Само собой разумеется, что первое место здесь отводится европейской культуре. Отсюда вытекает и объяснение Дипломатом поражений русских войск в ходе Первой мировой войны: «Не мог же я в самом деле допустить, чтобы полуварварский,

дурно управляемый, экономически отсталый народ мог выдержать с честью испытание при столкновении с наиболее мощным из культурных народов (т. е. германским. — С. У.)»¹⁵.

Более того, Дипломат утверждает, что «наши противники не только культурнее, но и честнее, религиознее». Ведь русский народ «еще не дорос ни до патриотизма, ни до национализма. Он знает только свою избу и деревню». В таком положении, по мнению Дипломата, есть много вины «культурного класса, не исполнившего своей просветительской миссии»¹⁶. Понятно, что «культурный класс» — это прежде всего интеллигенция. Еще более резко отзывается Дипломат о культурной миссии Церкви: «Да и что можно сказать о тысячелетней церковной культуре, которая без всякого почти сопротивления разлагается от демагогии? Ведь какой ужасный исторический счет предъявляется теперь тем, кто ведает церковное просвещение русского народа! Уж если искать виновного, с которого можно, действительно можно спрашивать, таковым будет в первую очередь русская Церковь, а не интеллигенция»¹⁷.

Отсюда следуют очень логичные для Дипломата выводы, совершенно естественные для русского западника, мировоззрение которого непременно включает в себя некоторое ожесточение к своей Родине: «Боже мой, неужели даже все происходящее теперь с Россией неспособно освободить русские головы от славянофильского тумана? Иногда мне прямо кажется, что эта мечтательность вреднее, ядовитее даже социалистического бреда. <...> Верно, только немецкие шпицрутены будут выколачивать из нас восточную химеричность и вселять трезвость»¹⁸. Конечно же, все надежды Дипломата связаны с любимой Европой, которая, как ему представляется, и станет якорем спасения для России: «Европа не раз переживала кризисы и из них выходила возрожденной. Восстановится нормальная жизнь в Европе и теперь, да и в России восстановится...»¹⁹

Очень показательны то, насколько глубоко расходятся в своих взглядах те герои С. Н. Булгакова, которые относятся к правившему до революции слою, а именно — Общественный деятель, Генерал и Дипломат. Не случайно, что они сравнительно мало внимания уделяют идеологии, культуре и церковности. Подчас эти темы их просто раздражают. И не мудрено, ведь посредством этих персонажей Сергею Николаевичу Булгакову уда-

лось продемонстрировать некие реальные противоречия и кризисные явления, имевшие место в начале XX столетия в российской политической элите, не сумевшей выработать программу развития страны и не достигшей консенсуса относительно основных мировоззренческих и культурных ценностей.

Несколько иначе обстояло дело в дореволюционной России с миром культуры и Церкви. В данном контексте весьма любопытно выглядят булгаковские Писатель, Светский богослов и Беженец.

Писатель в диалогах «На пиру богов» — это русский интеллигент, еще очень близко к сердцу принимающий нужды своего народа, но уже прошедший этап увлечения новейшими «прогрессивными» учениями из Европы. Для него характерен своего рода культуроцентризм. Жизнь и окружающий мир он воспринимает прежде всего эстетически. Но отчасти — как это было всегда свойственно русскому интеллигенту — и с нравственных позиций: «Надо иметь мудрое благостное сердце, чтобы созерцать красоту стихий народной»²⁰. Исходя из таких ориентиров и дает Писатель свои оценки. Так, прежняя власть для него — «бездарное безвкусие»²¹. Довоенная Европа была «духовно мертвеей страной»²². Идеальный большевизм — «это и не великодушно, и даже не культурно»²³.

С такой же меркой подходит Писатель и к интеллигенции, замечая, что «безбожие интеллигенции делает ее некультурной и даже антикультурной, иконоборческой по преимуществу. Ведь приобщение к культуре идет через культ, связано органически со способностью почитания, которая отсутствует в психологии нигилизма. Оттого ей остается доступно только духовное идолопоклонство, каким и является всяческое народобожие или народничество»²⁴.

Вместе с тем Писатель как истый интеллигент постоянно защищает саму интеллигенцию и ее культурную миссию от всяческих нападков, в которых особенную жесточенность проявляет Генерал (что отражало взаимную ненависть в дореволюционной России интеллигенции и наиболее консервативной части бюрократии). Писатель же прямо декларирует, что «вопрос об интеллигенции и духовных ее судьбах принадлежит воистину к числу проклятых вопросов русской жизни. Скажу больше того: то или иное его решение имеет роковое значение в истории России. От того, как самоопределится интеллигенция, зависит во многом, чем станет Россия»²⁵.

Заметим, что эта характеристика интеллигенции еще не раз звучала во многих обсуждениях судьбы России в последующую

эпоху, прежде всего в кругах русской эмиграции 20—30-х гг. XX столетия.

На основе культуроцентризма булгаковский Писатель пытается определить также главные задачи на будущее: «Мы должны на себе теперь выдержать борьбу за душу народную прежде всего в сердцах своих, в тайнах своего духа не соблазниться о нем. Ведь если бы в эпоху Батыея или в Смутное время тогдашняя соль земли русской обуяла и отчаялись бы ее духовные вожди, — а ведь не меньше были тогда для этого основания, — история заклеяла бы их, как малодушных. Россия на ужасы татарского ига ответила солнечным явлением преп. Сергия и всей сергиевской эпохой русской культуры, а в ответ на Смутное время явилась петровская Россия со всею нашей новою культурой»²⁶.

Таково обоснование будущих задач. А в самом начале диалогов Писатель показал их возможные результаты, более чем оптимистичные для событий 1918 г. в России. «Итак, верую по-прежнему, — провозглашал писатель, — что Россия воистину призвана явить миру новую <...> общественность, и час ее рождения мог пробить анно 1914. Далее, участие в мировой войне могло оказаться великим служением человечеству, открывающим новую эпоху в русской, да и в всемирной истории, именно византийскую. Но этим, конечно, предполагается и изгнание турок из Европы и русский Царьград, как оно и было предугазано Тютчевым и Достоевским...»²⁷.

Сам Сергей Николаевич Булгаков тогда едва ли разделял столь радужные надежды. Ему, несомненно, были куда ближе два последних по списку участника диалогов — Светский богослов и Беженец. В исследовательской литературе высказывалось мнение, что Alter ego Булгакова в этом произведении — Светский богослов²⁸. Нам же представляется, что оба героя — и Светский богослов, и Беженец — выражают дорогие для автора убеждения, да и происходят из близкой ему среды. Но если уж оценивать, что ближе самому Булгакову, то, как видно по ряду признаков, это все-таки Беженец. И потому, что он, по сути дела, завершает обсуждение в диалогах. И по более широким горизонтам своего мировидения (что ему более естественно как «беженцу», нежели близкому к клерикалам Поместного Собора Русской Православной Церкви Светскому Богослову).

Тем не менее, при некоторых различиях во взглядах только эти герои диалогов С. Н. Булгакова по-настоящему задумываются

о миссии Церкви в настоящей и будущей России. Причем, Светский богослов имеет более определенную позицию. Пусть он и мирянин (а потому только «светский» человек), но, по сути и по духу, он — настоящий клерикал. Разумеется, Светский богослов признает, что в дореволюционной России у Православной Церкви были свои трудности и проблемы. Церковь была пленена государством и из нее поголовно ушла интеллигенция²⁹. Кроме того, Церковь не сумела справиться «с народной смердяковщиной»³⁰.

При всем том на положение Церкви после революции Светский богослов смотрит достаточно оптимистично: «Русская Церковь теперь свободна, хотя и гонима. А свободная Церковь возродит и соберет и рассыпанную храмину русской государственности. Ключ к пониманию исторических событий надо искать в судьбах Церкви, внутренних и внешних»³¹. Этот оптимизм поддерживается еще и убеждением Светского богослова в том, что Церковь уже «отразила революцию»: «Волна революций разбилась у церковного порога»³². Как нам теперь хорошо известно, подобные оценки, которые действительно звучали тогда в церковных кругах, были слишком поспешными. Утвердившаяся Советская власть смогла еще долго терзать церковный организм, нанося ему тяжелейшие раны.

Но, как бы то ни было, булгаковский Светский богослов очень внятно и уверенно формулирует задачи церковного строительства на весьма длительную историческую перспективу. Прежде всего, Церковь, освободившись от государственного плена, «не должна идти далее простой корректности к государству». Затем, будучи свободной, Церковь должна и будет управляться на началах соборности или «церковной демократии». Она сможет превратиться в «духовный центр возрождения», который будет способствовать «воцерковлению русской жизни». А в этой связи потребуется еще «духовное завоевание русской школы, ее внутреннего клерикализация»³³.

Без сомнения, для решения столь масштабных задач необходимы какие-то новые силы и средства. Светский богослов в данном случае делает особый упор на способности и потенциальные возможности интеллигенции. Он прямо выражает надежду на то, что «уроки истории, пережитые испытания многому научат

интеллигенцию, углубят ее духовное сознание и, самое главное, подвигнут ее к воцерковлению»³⁴.

Богослов доказывает, что без интеллигенции Церковь в будущем обойтись не сможет: «...для церковного роста необходим прилив сил, привычка к свободной творческой инициативе, и среди мира, и среди мирян. Вот почему такое значение имеет теперь приближение интеллигенции к Церкви. В отрыве от Церкви она погибнет, но и Церкви не справиться со своими очередными задачами без прилива свежих сил. А при этом условия ей не страшны и реакция. Церковь приобретет независимость и упругость вместе с навыками к борьбе и окажет противодействие новому насилию»³⁵.

Несколько иначе понимает и истолковывает эти же проблемы булгаковский Беженец. Правда, в главных своих соображениях он во многом совпадает со Светским богословом. Он также глубоко убежден, что «Православная Церковь в России есть первый, а теперь даже единственный, оплот русского национального и культурного сознания, и на служение ей прямо или косвенно должны быть отданы все лучшие силы страны <...>. Русской Церкви предстоят великие задачи в области культурного творчества, она должна снова облагодатствовать русский гений»³⁶.

Однако на самом деле контекст этих соображений Беженца существенно иной, чем у клерикала Светского богослова. Беженец отчетливо понимает, что речь идет о бедствии общемирового масштаба, «всеобщей катастрофе». В то время как почти все его собеседники понимают происходящие события как «кризис России», он настаивает: «В действительности этот кризис идет гораздо глубже. Его терпит вся европейская культура, и русская интеллигенция есть лишь здесь наиболее чувствительный барометр»³⁷. Беженец видит в социализме «симптом мирового распада», когда «весь мир превращается в огненную массу, и некуда укрыться от напора бешеных волн»³⁸.

Судьба России представляется Беженцу куда более драматичной, чем «оптимисту» Светскому богослову. Да и вообще Беженца это гораздо больше волнует. Он намекает, что против России осуществляется некая «духовная провокация»: «Здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор, бдит своего рода черное привидение: “Некто в сером”, кто похитрее Вильгельма (императора Германии. — С. У.), теперь воюет с Россией и ищет

ее связать и парализовать. Чем-то она мешает тому, кто рвется к жадному господству над миром»³⁹. Беженец видит в данном процессе и перспективу: «Я определенно хочу сказать, что вот эти старые государства, ведущие теперь кровопролитную войну, принадлежат прошлому, их уже нет в плане истории, а на развалинах их, или, если хотите, из них создается одно государство, совпадающее по площади со всем культурным миром»⁴⁰.

Вот почему Беженец совсем не разделяет энтузиазма Светского богослова в связи с деятельностью Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг., замечая, что «здесь много благочестия, верности преданию», но «движения религиозного здесь нет, по-видимому, даже мало вкуса к религиозным вопросам, догматического волнения. Разве это на самом деле Собор? Церковно-учредительное собрание — да!»⁴¹. И вообще в 1917 году «окончилась константиновская эпоха в истории Церкви и началась следующая, имеющая аналогию в эпохе гонений и катакомбном периоде существования Церкви»⁴². Как полагает Беженец, Русской Церкви «надлежит победить и свою собственную замкнутость», и тогда в ней «сверкнет белый луч мирового Преображения»⁴³.

Теперь хотелось бы высказать некоторые соображения о диалогах «На пиру богов» в целом. Можно утверждать, что они вполне удались автору. Даже если мы сравним их с «Тремя разговорами» Соловьева, то и в таком случае сочинение Сергея Николаевича Булгакова оказывается никак не менее содержательным, полифоничным и вместе с тем ясным и определенным в своих акцентах.

Очевидное доказательство очень уверенного владения автором использованным им материалом — наличие целого ряда афоризмов, точно характеризующих и самих участников диалогов, и их мировоззрение, и возможные альтернативы на будущее. Практически каждый из персонажей в таких афоризмах так или иначе свое мировидение выражает. Приведем наиболее интересные из них. «Нужно ввести жизнь в ограненные берега» (Дипломат). «Обладание Царьградом возможно лишь как культурное созревание и единение славянства» (Он же). «Распутинщина есть style russe» (Общественный деятель). «Россия есть царство или же ее вообще нет» (Генерал). «Дятлы интеллигенции» (Он же). «Нужно заболеть религией, ощутить кризис своего духовного

бытия» (Писатель). «Вопрос об интеллигенции — проклятый, роковой вопрос России!» (Он же). «Народ впал в бешенство после впрыскивания ему яда социализма» (Светский богослов). «Царь взыскал пророка, но из глубины встретил лжепророка» (Беженец). И, наконец, о будущем России: «Кроме веры ничего у нас более нет» (Светский богослов). А также: «Россия спасена — Богородичною силою» (Беженец).

Стоит отметить, что все-таки диалоги С. Н. Булгакова были прочитаны и хорошо усвоены сразу после их появления в печати еще в годы гражданской войны. Круг таких людей был очень узок. И, тем не менее, сказанное героями Булгакова не пропало впустую. Наиболее ярким тому свидетельством стали, на наш взгляд, статьи Георгия Петровича Федотова периода его парижской эмиграции 20—30-х гг., в которых идущие от Булгакова мысли об «оцерковлении культуры» и оценка вопроса об интеллигенции как «рокового» для России были выражены очень отчетливо. Здесь можно было бы назвать и некоторых других авторов Русского Зарубежья, в том числе и участвовавших в сборнике «Из глубины» — Н. А. Бердяева, Вяч. Иванова, П. Б. Струве, С. Л. Франка, — которые позднее так или иначе откликнулись на диалоги С. Н. Булгакова.

А что же отечественная культура и наука в самой России? Тут положение совсем иное. Конечно, в нашей стране и сейчас есть дипломаты и общественные деятели, генералы и писатели. Есть даже богословы. Не говоря уже о беженцах. По-прежнему, как и 90 лет назад, немало уезжающих за границу или же «мечтающих уехать в Канаду». До некоторой степени в постсоветской России сформировались и какие-то течения общественного сознания. Так что в изданиях нашего времени можно встретить отзвуки тех взглядов и соображений, которые столь выпукло и последовательно воплощены в булгаковских диалогах «На пиру богов».

Но заметно и другое: насколько нынешние образцы бледнее и фрагментарнее прежних. Нет той выразительности языка, эрудиции, ясности мысли. Герои Булгакова могли свободно использовать французские, немецкие, латинские, древнегреческие обороты. Нынешним «корифеям» это по общему правилу не под силу.

Еще одна существенная проблема была поднята булгаковским Светским богословом: «Не задумывались ли вы, какое

ужасное значение должна иметь для него (русского духа. — С. У.) привычка к матерной ругани, которой искони смердела русская земля? Притом с какой артистической изощренностью — можно прямо целый сборник из народного творчества об этом составлять. И бессильна против этого оказывалась и церковь, и школа. <...> Кажется, сама мать-земля изнемогает от этого гнусного непрерывного поругания. Мне часто думается теперь, что если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани, да он, в сущности, и есть поругание материнства всяческого: и в церковном, и в историческом отношении. Надо считаться с силою слова, мистического и даже заклинательного. И жутко думать, какая темная туча нависла над Россией, вот она, смердяковщина-то народная»⁴⁴.

Теперь эта смердяковщина — не только народная. Матерная ругань стала привычной и для министров, и для депутатов, и для губернаторов, и для профессоров, и для «мастеров культуры». И «темная туча» уже не «нависла» над Россией, а давно вошла в нее и страшно ее изуродовала. Однако сами «пострадавшие» своего уродства не видят, точнее сказать — не хотят видеть.

Даже в церковных кругах постсоветской России мы можем обнаружить определенную недооценку проблем культуры. Ощущается необходимость для Церкви более активно и плодотворно участвовать в процессах духовного и культурного возрождения страны. Правда, можно понять сдержанно-негативное отношение православных пастырей в нынешней России к более чем спорному богословию отца Сергия Булгакова. Но это ничуть не оправдывает невнимания к его наследию в целом, тем более — к культурному и духовному потенциалу всего Русского Зарубежья.

Конечно, за последние полтора десятка лет много сил ушло у подвижников Церкви на восстановление храмов и монастырей, на устройство приходов и другие нелегкие труды по восстановлению разрушенного в годы Советской власти. И все-таки, на наш взгляд, в церковных кругах не обратили должного внимания на актуальность задач духовного просвещения в сфере культуры. Вспомним, как на рубеже 80—90-х гг. XX столетия достаточно многие предлагали ввести в школах преподавание Закона Божия. Сейчас Русская Православная Церковь прилагает много усилий для введения в средней школе уже основ православной культуры.

При этом подчеркивается, что данный курс не является катехизическим, не ставит задач непосредственного воцерковления учащихся, а представляет собой культурологическую дисциплину. Но в наши дни такие весьма сдержанные пожелания вызывают упорное сопротивление скрытых и явных противников Церкви.

Думается, что если бы с самого начала постсоветской эпохи в церковных кругах акценты были расставлены более точно, если бы не выдвигались заведомо несбыточные предложения, то и в изучении традиций православной культуры в нашей стране мы бы имели куда больше успехов.

История вопроса о появлении в постсоветской России учебного курса «Основы православной культуры» — лишнее свидетельство тому, что самые главные, жизненные проблемы культуры, равно как и всего общественного развития в целом, невозможно игнорировать и отвергать до бесконечности. Они все равно встанут в повестку дня. И их придется решать — так или иначе. Желательно — с возможно большей основательностью и подготовленностью.

Русской Церкви действительно предстоит решать великие задачи в области культурного творчества. Она должна снова облагодатствовать русский гений, как предвещалось об этом девяносто лет назад в сборнике «Из глубины» устами героев Сергея Николаевича Булгакова. Однако для исполнения этих «великих задач» должен быть основательно постигнут и усвоен исторический опыт нашей культуры, нашей интеллигенции.

Примечания

- ¹ Шапошников Л. Е. Очерки русской историософии XIX—XX вв. Н. Новгород, 2002. С. 194.
- ² Василенко Л. И. Введение в русскую религиозную философию. М., 2003. С. 193—195.
- ³ Сапов В. В. «Из глубины» // Русская философия : словарь. М., 1995. С. 177.
- ⁴ Усманов С. М. Устойчивость и катастрофизм в мировидении веховцев // Российская интеллигенция и ноосферная динамика. Иваново, 2001. С. 55—57.
- ⁵ Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro u contra : современные диалоги // Из глубины: сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 91.
- ⁶ Там же. С. 111.

- ⁷ Там же. С. 112.
⁸ Там же. С. 102.
⁹ Там же. С. 112.
¹⁰ Там же. С. 121.
¹¹ Там же. С. 124.
¹² Там же.
¹³ См.: Там же. С. 102, 106, 107, 124, 125, 128, 133.
¹⁴ Там же. С. 95.
¹⁵ Там же. С. 92.
¹⁶ Там же. С. 111.
¹⁷ Там же. С. 122.
¹⁸ Там же. С. 141.
¹⁹ Там же. С. 141—142.
²⁰ Там же. С. 127.
²¹ Там же. С. 104.
²² Там же. С. 96.
²³ Там же. С. 92.
²⁴ Там же. С. 123.
²⁵ Там же. С. 125.
²⁶ Там же. С. 115.
²⁷ Там же. С. 93.
²⁸ *Половинкин С. М.* Путь к храму // Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 26.
²⁹ *Булгаков С. Н.* Указ. соч. С. 122, 129.
³⁰ Там же. С. 116.
³¹ Там же. С. 129.
³² Там же.
³³ Там же. С. 129—131, 138.
³⁴ Там же. С. 126.
³⁵ Там же. С. 133.
³⁶ Там же. С. 140—141.
³⁷ См.: Там же. С. 126, 141.
³⁸ Там же. С. 128, 142.
³⁹ Там же. С. 109—110, 118.
⁴⁰ Там же. С. 108.
⁴¹ Там же. С. 137.
⁴² Там же.
⁴³ Там же. С. 141.
⁴⁴ Там же. С. 116.

В. В. Комиссаров

**ФУТУРИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ
И. А. ЕФРЕМОВА И БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ
В РЕАЛИЯХ НАЧАЛА ХХІ СТОЛЕТИЯ**

Побудительным мотивом к написанию данной статьи стали две работы достаточно известных и уважаемых авторов. Это обстоятельная монография литературоведа В. Л. Терехина и предисловие С. Б. Переслегина к переизданию романов Ивана Ефремова, впоследствии опубликованное и в Интернете¹. Оба автора склонны к противопоставлению творчества И. А. Ефремова и братьев Стругацких, хотя в разной степени и в различных аспектах. Однако ни в коем случае не следует полагать, что представленная статья создавалась исключительно в «полемическом угаре». Анализируемая проблема актуальна и по иным причинам. Во-первых, И. А. Ефремов и А. Н. и Б. Н. Стругацкие на протяжении всего позднесоветского периода были лидерами отечественной научной фантастики, их произведения пользовались огромной популярностью, они являлись подлинными «властителями умов», особенно в среде советской интеллигенции, бывшей основным потребителем литературы этого жанра. Именно поэтому изучение творчества названных выше авторов, прежде всего, анализ взаимосвязей и противоречий в их футуристических проектах представляется важным с исследовательской точки зрения. Во-вторых, последние события (прежде всего — разворачивающийся мировой кризис) придали данной проблеме и существенное общественно-политическое звучание. И И. А. Ефремов, и братья Стругацкие в своих футуристических проектах писали о коммунистическом обществе, наделяя его чертами постиндуст-

---

© Комиссаров В. В., 2009

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГОУ ВПО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева». (4932) 23-58-24

риальной цивилизации. В сущности, и марксистский коммунизм и постиндустриализм возможны только при общем условии — такой степени развития производительных сил, когда материальное производство при минимуме затрат обеспечивает фактически неограниченный (в разумных пределах) уровень удовлетворения духовных и материальных потребностей. Однако в последние годы стало ясно, что так называемый постиндустриальный переход будет не легким и безболезненным, а, напротив, сопряженным с серьезными экономическими, политическими и социальными потрясениями, сравнимыми с теми, что испытывала западная цивилизация при переходе от феодализма к индустриальной цивилизации. И события мирового кризиса могут являться первыми симптомами этих трудностей. Именно так трактуют происходящее ряд авторов. Например, известнейший отечественный мыслитель А. С. Панарин подчеркивал: «Уникальность опыта нашего поколения состоит... в том, что оно присутствует при смене фаз мирового мегацикла. По-видимому, на наших глазах кончается фаза западного модерна и готова вступать в свои права новая альтернативная фаза»². С этой точкой зрения фактически солидаризируется и известный публицист Максим Калашников, который отмечает: «Наступает смертельно опасная пора: смена эпох, смена фаз развития. На смену кончающемуся индустриализму движется некая новая эра... Ясно, что системный кризис в США выльется в давно предсказанный коммунистами общемировой кризис капиталистической системы... Исторический опыт говорит, что накануне смены фаз история неминуемо взбесится. У точки перехода начинают происходить самые безумные и невероятные события... Эпидемии и климатические катаклизмы, войны и экономические кризисы, массовые психозы и катастрофы почему-то начинаются одновременно, накладываясь друг на друга и усиливаясь от такого “наложения”»³. А уже упоминавшийся Сергей Переслегин пишет: «Мы интерпретируем все это как приближение общества к постиндустриальному барьеру, и если этот барьер обладает теми же свойствами, что индустриальный и неолитический, мы обязаны предсказать вступление человечества в один из наиболее критических периодов его развития за всю его историю»⁴.

Противостояние и взаимовлияние творческих концепций И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Наш анализ представляется разумным начать с выяснения вопроса: чем были Ефремов и братья Стругацкие по отношению друг к другу? Являлись ли они непримиримыми оппонентами, или же взаимно дополняли свое творчество? К такой постановке вопроса нас подвигла работа В. Л. Терехина, анализирующая творчество И. А. Ефремова. Исследователь посвятил целую главу рассмотрению творческого дискурса И. А. Ефремова и братьев Стругацких⁵. Несмотря на безусловный исследовательский успех, данная работа вызывает у нас ряд возражений. Недостаточное внимание исследователя к отдельным фактографическим моментам привело к определенному смещению акцентов. Фактически, В. Л. Терехин абсолютизирует творческую дискуссию И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Складывается впечатление, что других авторов в советской фантастике 1960-х годов не было (а они были, и В. Л. Терехин многих из них называет). Например, ироничную сцену отлета и возвращения звездолетов в повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу» исследователь оценивает как «пародию на эстетику подвига во имя человечества, которая присутствовала в каждом из произведений И. А. Ефремова»⁶. Между тем, сюжет длительных межзвездных перелетов был чрезвычайно распространен в научной фантастике 1960-х, как отечественной, так и переводной. Более того, он присутствует и в ранних произведениях самих Стругацких (например, рассказ «Частные предположения», роман «Полдень. XXII век»), поэтому данную сцену из «Понедельника...» можно трактовать как самоиронию писателей. Образ вечного космонавта из повести Стругацких наталкивает на мысль о пародии на собственные произведения. Персонажи Ефремова, как правило, совершенны не только нравственно, но и физически, а покалеченные космопроходцы присутствуют в ранних рассказах Стругацких. Заставляет спорить и следующее утверждение В. Л. Терехина: «Закономерен итог творческого диалога И. А. Ефремова и братьев Стругацких: первый умер в 1972 году и после его смерти творческий потенциал последних практически иссяк. Лучшие произведения братьев Стругацких написаны в период с 1957 по 1970 год»⁷. Но именно после 1972 года появились

такие острые и злободневные произведения, как «За миллиард лет до конца света», «Пикник на обочине», трансформировавшийся затем в киносценарий «Сталкер», реализованный А. А. Тарковским, «Жук в муравейнике» и многие другие. Конечно, следует согласиться с В. Л. Терехиным в том, что герои Стругацких, в сравнении с персонажами И. А. Ефремова, становились все более приземленными. Но является ли это признаком исчерпания творческого потенциала? Скорее, напротив, это проявление новых граней писательского мастерства. Такой точки зрения, например, придерживается отечественный литературный критик В. Ревич: «Роман (речь идет о произведении Стругацких “Пикник на обочине”, созданном в год смерти И. А. Ефремова. — В. К.) интересен иным: фантастика к этому времени достигла таких высот, с которыми еще недавно могла справиться разве что психологическая проза в лучших своих образцах... Фигура главного героя “Пикника...” Шухарта выламывается из фантастики — по своей сложности, неоднозначности, сти»⁸.

Следует подчеркнуть, что отношение Стругацких к Ефремову было если не восторженным, то более чем уважительным. Борис Стругацкий впоследствии вспоминал: «Ефремов продемонстрировал нам, молодым тогда еще щенкам, какой может быть советская фантастика — даже во времена немцовых, сапариных и охотниковых, — вопреки им и им в поношение»⁹. Более того, между писателями существовали тесные творческие контакты. Например, повесть «Трудно быть богом» И. А. Ефремов читал в рукописи и дал Стругацким ряд ценных рекомендаций. Так, именно по совету Ефремова братья-писатели изменили имя главного персонажа-протагониста с дона Рэбия (перифраз фамилии Берия) на более нейтральное — дон Рэба. И по прошествии десятилетий, когда забылась политическая сиюминутная злободневность и обнажилась философская первооснова произведения, подобная замена выглядит вполне уместной¹⁰.

В работе С. Б. Переслегина также присутствует противопоставление творчества Ефремова и Стругацких, и именно в части их футуристических воззрений. «Прямое воздействие И. Ефремова на советскую фантастику преувеличено простительной ошибкой: в большинстве критических публикаций смешива-

ются между собой две существенно различные модели коммунистического будущего, — пишет С. Б. Переслегин. — В творчестве А. и Б. Стругацких описана “галактическая империя земной нации”, построенная на классических европейских парадигмах и населенная лучшими из “шестидесятников”. И. Ефремов же рассматривал общество с принципиально иной парадигмальной структурой, иной личной и социальной психологией, что подразумевает также иную этику и эстетику текстов»¹¹. Мы не спорим с выводом данного автора о том, что миры будущего у Ефремова и у Стругацких построены на разных парадигмах. Но прямое влияние И. А. Ефремова на советскую фантастику все-таки было, что признавали даже авторы советского времени. Например, отечественный литературовед А. Ф. Бритиков еще при жизни И. А. Ефремова отмечал: «“Туманность Андромеды” появилась в интересное и противоречивое время — на волне духовного и научно-индустриального подъема середины 50-х годов, после знаменательных Съездов Партии, когда страна, подытоживая пройденный путь побед, на котором были и трагические ошибки, жила обсуждением перспектив... Люди жадно потянулись к будущему... Роман Ивана Ефремова ответил духу времени. Он стал поворотной вехой в истории советской научно-фантастической литературы»¹². Следует уточнить, что без Ефремова не появился бы и футуристический проект Стругацких. Борис Стругацкий по этому поводу вспоминал: «Мы понимали... что Ефремов создал мир, в котором живут и действуют люди специфические, небывалые еще люди, которыми мы все станем (может быть) через множество и множество веков, а значит, и не люди вовсе — модели людей... Нам же хотелось совсем другого... В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот сверкающий, но пустой мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из современников — нашими друзьями и близкими, чистыми, честными, добрыми людьми...»¹³

Истоки противопоставления И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Между И. А. Ефремовым и братьями Стругацкими действительно была творческая дискуссия. Но абсолютизировать ее, переносить на личные отношения между писателями не приходится. Более того, в контексте общественно-политической ат-

мосферы 1960-х годов Ефремов и Стругацкие олицетворяли общее либерально-реформаторское направление в советской нереалистической прозе, направление, противостоявшее ортодоксальной марксистской трактовке будущего. Причем, ни Ивана Ефремова, ни братьев Стругацких нельзя считать диссидентами или антисоветчиками, они даже в самые сложные для себя времена демонстрировали лояльность властям. Но несмотря на это и у И. А. Ефремова, и у Стругацких в конце 1960-х годов отношения с политическим руководством были серьезно испорчены, причем ситуация развивалась по общему сценарию. Сначала в компетентные и директивные инстанции шли сигналы «бдительных» граждан по поводу тех или иных уже опубликованных произведений. Затем на уровне идеологических отделов ЦК принимались соответствующие решения, следовал фактический запрет «опального» произведения. Попытки авторов «искать правду» в партийных инстанциях успеха не имели. У Стругацких по этой схеме развивались проблемы, связанные со «Сказкой о тройке» в 1968 году, у И. А. Ефремова сложности начались из-за «Часа быка» в 1970-м.

Нельзя не заметить, что определенное противопоставление творчества Ефремова и Стругацких имеет внешние причины и связано с общей ситуацией в научно-фантастическом цехе. В 1970-е годы среди отечественных фантастов начинается раскол. Часть авторов объединилась в так называемую «школу Ефремова», к которой сам И. А. Ефремов не имел отношения, ибо его уже не было в живых. В свою очередь Стругацкие организовали свои семинары молодых фантастов: Аркадий Натанович был одним из руководителей московского семинара, а Борис Натанович создал свой семинар в Ленинграде. Отношения между этими направлениями были несколько натянутыми. Конечно, подавляющее большинство участников «школы Ефремова» были честными и талантливыми авторами, старавшимися избегать каких-либо интриг. Но раскол среди фантастов не развивался сам по себе, он совпал с общим размежеванием среди столичного творческого «бомонда» (Стругацкие, проживавшие в Москве и Ленинграде, конечно же, принадлежали к нему). На рубеже 1960—70-х годов оформляется такое неформальное течение, как «русская партия», провозглашавшая своей целью как национально-православное

возрождение, так и борьбу с «сионистско-диссидентским» влиянием в культуре и политике. Связующим звеном между «русской партией» и «школой Ефремова» могло быть издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и одноименный журнал, выпускавшийся этим издательством. Именно вокруг него и группировались основные участники «русской партии», и именно данное издательство дало трибуну «школе Ефремова», регулярно печатая их сборники. Под прицелом «русской партии» оказались братья Стругацкие. Например, в 1979 году среди общественных и культурных деятелей Москвы, Ленинграда и Киева было распространено «письмо Рязанова», размноженное на ротаторе. Инициатором создания письма был Сергей Семанов, в то время — главный редактор журнала «Человек и закон»¹⁴. Авторы этого документа призывали поставить надежный заслон действиям сионистской агентуры. Среди примеров сионистско-диссидентского влияния упоминались и «известные фантасты с пахучим подтекстом братья Стругацкие» (отец писателей был этническим евреем)¹⁵. А в середине 1980-х годов один из активных участников «школы Ефремова» в завуалированной форме обвинил братьев в доносе на И. А. Ефремова, в результате которого тот стал объектом оперативной разработки КГБ, завершившейся таинственным обыском сразу после смерти писателя¹⁶. Стругацкие отрицали это резко и жестко, однако последующие политические события, связанные с распадом советской системы, притушили разгоравшийся скандал¹⁷.

Соотношение футуристических проектов И. А. Ефремова и братьев Стругацких. С. Б. Переслегин, в своем анализе творчества И. А. Ефремова, пришел к интересному выводу: мир «Туманности Андромеды» (и других футуристических произведений данного автора) не соответствует парадигме развития современного западного индустриализма. Как следует из рассмотрения временной последовательности событий в этих романах, персонажи И. А. Ефремова в течение нескольких поколений (минимум — триста лет) существуют примерно на одном уровне технологического развития, что более присуще традиционному обществу, но никак не индустриальному, в котором при жизни одного поколения может произойти не один технологический переворот. Исходя из этого С. Б. Переслегин вполне справедливо за-

ключает, что истоки футуристического проекта Ивана Ефремова следует искать в восточных религиозно-философских доктринах, например в даосизме. Не оспаривая данный вывод в целом, следует заметить, что мир будущего Ефремова имеет множество источников. С равным успехом в «Туманности Андромеды» можно усмотреть и прямые параллели с воззрениями античного социализма, а точнее, с концепцией идеального государства Платона. Здесь и общественное воспитание детей, и приоритетная роль в общественном управлении людей умственного труда (философов и ученых), и даже культ здорового и физически совершенного тела (обитателям ефремовского коммунизма, подобно античным героям, не возбраняется появляться на публике обнаженными). Конечно, у И. А. Ефремова нет какого-либо сословного деления, но и в «Туманности Андромеды» существует остров Забвения, на который попадают те, кто не «вписался» в современную ему цивилизацию и вынуждены вернуться к примитивному труду. «Припадая к лону Матери Земли в простой, монотонной деятельности древнего земледельца, рыбака или скотовода, они проводили здесь тихие годы»¹⁸. Нельзя не заметить, что как и Восток, Античность вызывала пристальное внимание писателя, что проявилось еще в его раннем рассказе «Эллинский секрет» и логично привело к последнему крупному произведению — роману «Таис Афинская». Возможно, античные истоки ефремовского футуристического проекта повлияли на своеобразный стиль, которым выражаются его персонажи. И это не результат недостаточного писательского мастерства; в ранних произведениях писателя герои говорят вполне нормально, а иногда, в состоянии аффекта, и бранятся. Высокопарность, вычурность речи, характерная, скорее, для античной трагедии и послужившая основанием едких пародий, логично укладывается в парадигму ефремовского увлечения античностью.

Помимо этого, некоторые истоки футуристического проекта И. А. Ефремова достаточно легко прослеживаются и основаны на весьма несложных аналогиях. Хорошо известно, что западный индустриальный капитализм начал свое развитие с создания транспортной инфраструктуры, почти во всех раннеиндустриальных странах наблюдался бум железнодорожного строительства. Так и мир будущего «Туманности Андромеды» начинался со

строительства Спиральной Дороги, соединившей страны и континенты, по которой с огромной скоростью движутся исполинские поезда. У этой идеи есть вполне конкретный предтеча. В 1955 году журнал «Техника — молодежи» опубликовал статью инженера Ю. Моралевича, в которой автор предлагал свой проект развития железнодорожного транспорта. Согласно ему, в скором будущем по колее шириной в четыре с половиной метра (для сравнения: современная русская колея — чуть более полутора метров, на Западе — еще меньше) колоссальные атомные локомотивы должны с огромной скоростью перемещать поезда с двухэтажными вагонами, в которых, наряду с пассажирскими местами, были бы кафетерии, кинозалы, салоны и т. д.¹⁹ Мы не знаем, была ли знакома данная публикация И. А. Ефремову²⁰, но поезда его Спиральной Дороги очень напоминают этот проект. Таким образом, образ будущего, по И. А. Ефремову, проистекал из всей советской действительности ранней «оттепели» и морально-политического состояния общества.

Анализируя различия между футуристическими проектами И. А. Ефремова и Стругацких, нельзя не обратить внимание и на условия формирования писателей. Иван Ефремов принадлежал к поколению, пережившему Гражданскую войну, НЭП, первые пятилетки. Энтузиазм той эпохи имел длительное продолжение. Многие из представителей этого поколения легко восприняли хрущевскую «оттепель», видя в ней возврат к идеалам молодости. Иное дело — братья Стругацкие. Воспитанные в годы «культу личности», пережившие ленинградскую блокаду, они получили от «оттепели» жесточайший ментальный удар. Дабы не быть голословным, предоставим слово Борису Стругацкому: «...и я, и Аркадий Натанович были настоящими сталинцами. Не ленинцами, заметьте, а именно сталинцами! Мы считали, что все происходящее — правильно, если и встречаются какие-то недостатки и неприятности — это неизбежно, не ошибается тот, кто ничего не делает. Лес рубят — щепки летят... А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей — все-таки именно кровавые бандиты. И это был, конечно, первый страшный удар по моему самосознанию... Но вера в правоту дела социализма и коммунизма сохранялась у нас очень долго. Она постепенно таяла, растра-

чивалась на протяжении многих лет»²¹. Естественно, что Стругацкие стали искать новые идейные основы для своего мировоззрения и для своего футуристического проекта. И основы эти были найдены в либеральном западном проекте. Это подтверждает вывод С. Б. Переслегина о том, что футуристический проект братьев Стругацких основан на западной парадигме развития. Но, подчеркнем еще раз, без И. А. Ефремова, без его образа будущего не было бы и миров будущего Стругацких. Польский исследователь Войцех Кайтох подробно проанализировал футуристические проекты И. А. Ефремова и Стругацких и пришел к выводу, что они не противоречили ни официозным представлениям о коммунизме, ни друг другу²². Конечно, в отдельных деталях писатели шли дальше и глубже, и иногда их «заносило» не в ту сторону. Но эти расхождения не имели критического характера.

Следует вспомнить и некоторые обстоятельства появления «Туманности Андромеды». В середине 1950-х годов И. А. Ефремов во время длительной болезни прочитал много англоязычных фантастических произведений (видимо, на языке оригинала, так как зарубежная фантастика тогда почти не переводилась). На писателя большое впечатление произвел роман американца Эдмонда Гамильтона «Звездные короли». Впоследствии, в беседе с литературоведом А. Ф. Бритиковым, И. А. Ефремов вспоминал: «Мне нравилось мастерство сюжета: Гамильтон держит вас в напряжении от первой до последней страницы. Я видел незаурядный талант, свободно рисующий грандиозные картины звездных миров. И вместе с тем меня удивляло, у меня вызывало протест бессилие литературно одаренного фантаста вообразить мир, отличный от того, в котором он живет»²³. И ефремовский футуристический проект родился во многом исходя из полемических соображений. Таким образом, если мы проследим цепочку Э. Гамильтон — И. А. Ефремов — братья Стругацкие, то увидим в ней простейший пример гегелевской триады, где мир будущего И. А. Ефремова выступает в роли антитезиса футуристическому проекту Э. Гамильтона, западническому по своей сути. А образ грядущего у Стругацких уже представляет собой некий элемент синтеза. Причем, эта схема более чем условна, ибо футуристические проекты Э. Гамильтона, И. А. Ефремова и братьев Стругацких самоценны и автономны, хотя и взаимообусловлены.

«Постиндустриальный переход» в футуристических проектах И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Ни И. А. Ефремов, ни Стругацкие не использовали термин «постиндустриальный переход», ни тем более, не оперировали понятием постиндустриализм. Однако, как уже отмечалось, между литературно-футуристическим образом марксистского коммунизма и современными представлениями о постиндустриализме много общего. Конечно, подобное утверждение условно, ибо ни коммунизма, ни индустриализма мы «в живую» пока не видели. Но примечательно иное. Как переход к постиндустриализму представляется современным аналитикам весьма неоднозначным и сложным процессом²⁴, так и переход к коммунизму фантастам 1960-х виделся непростым. Причем, им было гораздо сложнее, нежели современным футурологам, ибо зачастую они оппонировали официальной пропаганде. Тот же И. А. Ефремов, за четыре года до третьей программы КПСС, ориентированной на форсированное строительство коммунизма, писал: «Коммунистическое общество не сразу охватывало все страны и народы. Искоренение вражды и особенно лжи... потребовало гигантских усилий. Немало совершилось ошибок и на пути развития новых человеческих отношений. Кое-где случались восстания, поднимавшиеся отсталыми приверженцами старого, которые по невежеству пытались найти в воскрешении прошлого легкие выходы из трудностей, стоявших перед человечеством»²⁵. Более того, в «Часе быка» писатель упоминает о чудовищном сражении. Предполагать, что И. А. Ефремов вел речь об одной из мировых войн XX века не приходится, ибо по сюжету произведения то столкновение вызвало такие потери, что ученым будущего приходилось восстанавливать историю той эпохи по крупицам²⁶. Братья Стругацкие пошли еще дальше и глубже, их взгляд на сложности перехода к «светлому будущему» достаточно пессимистичен. В своей повести начала 1960-х годов «Хищные вещи века» писатели интуитивно (хочется добавить — почти мистическим способом) предугадали многие проблемы современности, а именно — политическую нестабильность, международный терроризм, криминальные войны, все более расширяющуюся эпидемию наркомании. «Уголовники, озверелое от безделья офицерье, всякая сволочь из бывших разведок и контрразведок, наскучившая однообразием

экономического шпионажа, взалкавшая власти... — пишут Стругацкие. — Пришлось... выйти из заводов и лабораторий, вернуть в строй солдат. Ладно, справились... Не успели вдоволь повосхищаться безоблачными горизонтами, как из тех же грязных подворотен истории полезли... гангстеры, гангстерские шайки, гангстерские корпорации, гангстерские империи... снова вышли из заводов и лабораторий, вернули в строй солдат — справились. Снова горизонты безоблачны... и снова из тех же подворотен потек гной. Тонны героина, цистерны опиума, моря спирта... и еще кое-что, чему пока нет названия»²⁷.

В заключение следует отметить, что и И. А. Ефремов, и братья Стругацкие в своих литературных футуристических проектах в целом предугадали основные тенденции развития, потенциальные угрозы и особенности будущего. Конечно, речь идет не о буквальном предсказании будущего, а о выявлении господствующих трендов. Несмотря на различия в восприятии отдельных аспектов, творчество И. А. Ефремова и братьев Стругацких развивалось в одинаковых общественно-политических и морально-психологических условиях — в ситуации хрущевской «оттепели», что предопределило значительное сходство сюжетов. Несмотря на различия и разночтения, не вызывает сомнения значительное влияние Ивана Ефремова на творчество Стругацких. Таким образом, можно констатировать, что футуристические проекты писателей, конечно же, были самодостаточны и самоценны, но при этом развивались в условиях сильного взаимного влияния.

Примечания

¹ Терехин В. Л. Иван Ефремов — провозвестник мультитременного асинхронного реализма // Терехин В. Л. «Против течений»: утаенные русские писатели. Типология Антигилистического романа. Иван Ефремов — провозвестник мультитременного асинхронного реализма: статьи. М., 2002; *Переслегин С. Б.* Странные взрослые: (опыт социомеханического исследования фантастических романов И. Ефремова). URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Efremov.htm (дата обращения 20.12.2008).

² *Панарин А. С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 13.

- ³ *Калашиков М.* Крещение огнем. Звезда пленительного риска. М., 2009. С. 90, 184, 466.
- ⁴ *Лазарчук А., Переслегин С. и др.* Чайки над Кремлем. М., 2007. С. 472.
- ⁵ *Терехин В. Л.* Указ. соч. С. 164—171.
- ⁶ Там же. С. 166.
- ⁷ Там же. С. 170.
- ⁸ *Ревич В.* Попытка к бегству // Если : журнал фантастики и футурологии. 1996. № 6. С. 210.
- ⁹ См.: *Вишневский Б. Н.* Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда. М.; СПб., 2004. С. 24.
- ¹⁰ Там же. С. 92.
- ¹¹ *Переслегин С. Б.* Указ. соч.
- ¹² *Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 220.
- ¹³ См.: *Вишневский Б. Н.* Указ. соч. С. 67, 71.
- ¹⁴ С. Н. Семанов сам заявил о своем участии в создании «письма Рязанова». См.: *Семанов С. Н.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2008. С. 189—190.
- ¹⁵ Там же. С. 185.
- ¹⁶ Речь идет о фантасте Ю. М. Медведеве. Во второй половине 1980-х гг. он был заведующим отделом прозы журнала «Москва». В научно-фантастической повести «Протей» Ю. М. Медведев использовал сюжет с посмертным обыском у некого известного писателя и ученого, который Стругацкие расценили как обвинения в свой адрес. Текст выглядел так: «И увидел я тех, кто... подтолкнул подлый розыск. Двух увидел, состоящих в родстве. Один худой, желчный, точь-в-точь инквизитор. Изошренный в подлости, даже звездное небо в окуляре телескопа населявший мордобоем галактических масштабов (Б. Н. Стругацкий по специальности астроном. — В. К.)... Другой грузный, с зубом, как у индюка, крикун, доносчик, стравливатель всех со всеми, пьяница, представитель племени вселенских бродяг (что имел в виду автор? национальность? — В. К.), борзописец, беллетрист, переводчик (А. Н. Стругацкий закончил Военный институт иностранных языков. — В. К.). При жизни всемирно прославленного гения оба слыли его учениками...» См.: *Медведев Ю. М.* Протей // Простая тайна : сб. фантастических произведений. М., 1988. С. 4.
- ¹⁷ *Измайлов А.* Туманность : о событиях, связанных со смертью писателя И. А. Ефремова // Нева. 1990. № 5.
- ¹⁸ *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды. Звездные корабли. М., 1965. С. 359.

- ¹⁹ Моралевич Ю. Широкая колея // Техника — молодежи. 1955. № 3. С. 19—21.
- ²⁰ С большой степенью вероятности можно предположить, что статья Ю. Моралевича И. А. Ефремову была знакома, т. к. он сотрудничал с журналом «Техника — молодежи» с 1944 года.
- ²¹ См.: Вишневский Б. Н. Указ. соч. С. 296—298.
- ²² Кайтох В. Братья Стругацкие : очерк творчества // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего : сб. Донецк, 2003. С. 457—466.
- ²³ Бритиков А. Ф. Указ. соч. С. 232.
- ²⁴ См. напр.: Переслегин С. Б. Через постиндустриальный барьер. URL: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/zavtra/08/785/42.html> (дата обращения 20.12.2008).
- ²⁵ Ефремов И. А. Указ. соч. С. 159.
- ²⁶ Ефремов И. А. Час быка. Свердловск, 1989. С. 158.
- ²⁷ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Хищные вещи века // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Хищные вещи века. Чрезвычайные происшествия. Полдень. XXII век : фантастические романы и рассказы. М.; СПб., 1997. С. 123—124.

ББК 63.3(2)-283.2:20:1

М. В. Жульков

КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И НООСФЕРНОЕ РАЗВИТИЕ

Для эффективного решения основного противоречия ноосферного развития — между человеком и биосферой — необходимо становление коллективного разума человечества, поэтому проблема коллективного разума приобретает важнейшее значение на современном этапе становления ноосферы. Систематическую разработку этого понятия мы видим у Н. Н. Моисеева. Он считал, что только коллективный разум может вывести человечество из экологического тупика, изменить массовое общественное сознание, внедрив в него экологический и нравственный императивы. Тем не менее, еще много предстоит сделать в понимании самого коллективного разума, его роли, истории возникновения, законов развития, структуры. Другими словами, необходимо становление *философии коллективного разума*. Проблемы разума всегда волновали человечество, история его исследования уходит в глубь веков. Так, санскритский термин ади-буддхи означает коллективный интеллект всех существ. В. И. Вернадский считал, что вся биосфера переходит в свое новое состояние — ноосферу, а это значит, что все живые существа становятся более разумными. Но именно *совокупный человеческий разум* призван руководить и своей собственной эволюцией, и эволюцией биосферы в целом, должен сыграть решающую роль в становлении ноосферы. Проблемы коллективного разума исследовали с помощью

© Жульков М. В., 2009

Жульков Михаил Вячеславович — соискатель кафедры философии Ивановского государственного университета. mzh1@mail.ru

художественного воображения такие писатели, как И. А. Ефремов («Час Быка», «Туманность Андромеды»), С. Лем («Возвращение со звезд», «Солярис»), А. А. Тарковский в своих фильмах. О коллективном космическом разуме размышлял К. Э. Циолковский, когда исследовал будущее человечества¹.

Философия коллективного разума включает в себя историю его возникновения, системный и синергетический анализ, соотношение индивидуального и коллективного сознания, место интеллигенции в коллективном сознании, становление коллективного разума и сознания самой интеллигенции.

Культурная биогеохимическая энергия коллективного разума. Как известно, источником преобразования биосферы в ноосферу служит культурная биогеохимическая энергия, под которой В. И. Вернадский понимал научную мысль и труд организованного человечества². Он придавал большое значение свободным научным, философским и религиозным исканиям личности, которые возможны только в демократических государствах. Государство, по В. И. Вернадскому, само становится формой движения к ноосферному обществу — благодаря новым формам организации самого общества и организации научной работы. Государство меняет свои функции, оно ставит целью обеспечение нормальных условий для жизни народных масс, улучшение воспитания и образования³. Платон первым указал на главное значение ученых в управлении государством⁴.

Ученые стихийно и сознательно объединяются в силу того, что научная деятельность носит коллективный характер. Так, в средние века европейских ученых объединял латинский язык, затем начали создаваться Академии наук. В XX веке складываются мировые объединения ученых, проходят конференции по различным вопросам, научная работа становится важным направлением государственной деятельности. Научная среда накапливает огромное количество фактов, обобщает их, систематизирует. Несмотря на коллективный характер научной работы, наука движется вперед достижениями отдельных одаренных личностей, то же самое и в других областях жизни — политике, экономике, искусстве, философии⁵.

Сущностные характеристики интеллигенции. Интеллигенция проходила в своем развитии различные ступени — от прединтеллигенции, через национальные формы интеллигенции⁶ к становящейся мировой интеллигенции⁷. В. И. Вернадский и современные исследователи показывают значение древних цивилизаций, очагов культуры для становления и развития научного мышления и интеллигенции. Достижения греческой цивилизации явились основой для развития всей европейской культуры. Греки отмечали, что они учились у египтян, халдеев и индусов. Между Грецией и Индией благодаря походам А. Македонского установились культурные связи, длившиеся сотни лет⁸.

В VI—V веках до нашей эры — время, которое Ясперс назвал осевым временем⁹, в различных местах земного шара жили выдающиеся личности, которые дали великие учения, заложили основы новых религий. Это Лао-цзы (учение о Дао и Дэ), Конфуций (учение о моральном государстве), Будда (основатель Буддизма), Зороастр (Учение о борьбе сил света и тьмы), Пифагор (учение о числах, гармонии), пророки Израиля. Их учения затем развивали последователи и ученики, и они до сих пор оказывают огромное влияние на современную мировую культуру и ход истории. Кроме этих великих личностей необходимо отметить общепланетарную роль явления Христа. Его учение о душе и любви продолжило учение Будды, и под знаком христианства протекала последующая история европейской цивилизации. Так, интеллигенция как наиболее развитая часть народа была всегда и направляла народ по историческому пути.

«Интеллигенция — это особая социальная группа, профессионально занимающаяся созданием духовных ценностей, их хранением, трансляцией, а также защищающая и воплощающая их в жизнь общества»¹⁰. Интеллигенция социально активна, она стремится переделать действительность, ее цель — достижение всеобщего благоденствия¹¹, для чего необходимо постоянно и неуклонно трудиться. «Для интеллигентного человека труд есть праздник вечной молодости и радостного служения общечеловеческому счастью»¹². Достижение всеобщего блага неотделимо от благоговения перед жизнью (А. Швейцер) — активной любви ко всему живому. «Этична только абсолютная и всеобщая целесообразность сохранения и развития жизни, на что и направлена этика благоговения перед жизнью»¹³.

Коллективный разум и коллективное сознание. Становление мировой интеллигенции можно рассматривать как развитие коллективного разума и коллективного сознания интеллигенции. Коллективный разум и коллективное сознание — сопряженные и взаимодополнительные понятия, но все же они имеют определенные различия. В европейской философской мысли разум противопоставлялся рассудку как высшая и низшая деятельность ума. «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме»¹⁴. Разум, исходя из общих определений рассудка, поднимается от абстрактного к конкретному, формирует идеализированный предмет. Рассудок пользуется лишь формальной логикой, разум диалектичен, он соединяет противоположности и снимает противоречия, поднимаясь на более высокий уровень содержания¹⁵.

«Сознание — состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях»¹⁶. По аналогии с умом, можно выделить низшее сознание, необходимое для выживания индивида как биологического существа и члена социума, и высшее сознание, создающее духовные ценности, определяющее цели деятельности, нравственные ориентиры.

Биогеохимическая энергия приводит к росту сознания в живом веществе биосферы, к выделению человека с его растущей разумной силой. Именно эта сила является главной причиной преобразования биосферы в ноосферу — субъективный фактор или сознание человека, как считал Н. П. Антонов¹⁷. С этой точки зрения научную мысль, труд и организованность человечества можно рассматривать как три атрибута коллективного сознания человечества, выраженные научным языком.

Еще один из атрибутов нашего сознания — язык, который является действительным сознанием, по выражению К. Маркса¹⁸. Сознание становится действительным для других и для себя в речевом высказывании, отдельное сознание представлено во внутренней речи, общечеловеческое сознание — в превращенной форме — в мире текстов¹⁹. Мир текстов существует в знаковой форме в субъективной ноосфере, которая накапливает знания человечества, то есть является коллективной памятью. Обращаясь к этому хранилищу знания, исследователь преобразует знание в

форму текста, после чего оно становится силой, превращающей энергию в вещество в технологических процессах²⁰. Это один из главных механизмов функционирования коллективного разума и сознания человечества, а также — преобразования информации в энергию и структуру (основной закон ноосферы, см. ниже).

А. Ф. Лосев употребляет понятие «интеллигенция» в смысле самосознания: *«Сознание, интеллигенция есть соотношенность смысла с самим собой»*²¹ (курсив А. Ф. Лосева. — М. Ж.). Далее А. Ф. Лосев развивает диалектику смысловой или интеллигентной тетрактиды и показывает, что интеллигенция как сознание состоит из чувства (т. е. восприятия), стремления (воли) и познания, связанных в одно целое²². Полученная структура сознания совпадает и со структурой личности. Отсюда видно, что сознание как целое включает в себя разум, и разум является тем, что развивает сознание. Таким образом, коллективный разум и коллективное сознание не тождественные, но дополняющие друг друга понятия. При этом коллективное сознание является ведущим, завершением синтеза человеческого общества, всех его составляющих.

В таких сложных системах, какими являются человечество, биосфера и ноосфера, различные процессы протекают не последовательно, а параллельно, накладываясь друг на друга. Н. Н. Моисеев понимал под коллективным разумом системное свойство, возникающее при объединении индивидуальных разумов людей²³. Согласно Н. Н. Моисееву, человек взаимодействует с природой все более как единое целое, то есть одной из функций коллективного разума является интеграция. Другая важная функция — мировоззренческая, поскольку необходимо коренным образом изменить сознание людей, внедрить в общественное сознание экологический и нравственный императивы²⁴. Прообраз общечеловеческого коллективного разума видится в ООН, которой не хватает механизмов воли для проведения принимаемых мировым сообществом решений в жизнь²⁵. Так выделяются три основные функции коллективного разума человечества: мировоззренческая, интегративная и управленческая.

Коллективное сознание является одновременно и условием для ноосферного развития, и его результатом. Разум осуществляет деятельность, сознание ее воспринимает, оценивает, принимает дальнейшие решения. Коллективное сознание можно опреде-

лить как общее сознание, объединяющее индивидуальные сознания людей, при условии сохранения ими индивидуального сознания. Сознание, как известно, имеет длительную историю, уходящую в глубь геологических эпох развития биосферы. Тем не менее, можно выделить три основные ступени его развития: это массовое сознание, когда индивид чувствовал себя членом общины или рода, при этом не имея личности как системного свойства, рассмотренного выше²⁶; личностное сознание, когда собственные интересы являются доминирующими; и коллективное сознание, которое синтезирует предыдущие две ступени. После того как человек выделился из животного царства, последовал длительный период постепенного развития, определенными вехами которого являются овладение речью, огнем, изготовление орудий, земледелие, приручение животных и, наконец, развитие городской цивилизации с государством, письменностью, наукой и религией. Человеческую историю можно изобразить гиперболой, в которой постепенное развитие сменилось резко возрастающей кривой, в которой точка перегиба находится в районе VI в. до н. э. Это был достаточно краткий период, в который человеческое мышление изменилось с образного правополушарного и мифического на левополушарное логическое. Произошел переход от Мифа к Логосу. Благодаря развитию логического мышления быстрыми темпами начала развиваться личность, что ранее было невозможно. Человек начал учиться самостоятельно мыслить, принимать решения, самостоятельно проводить их в жизнь, нести ответственность за последствия своих поступков и мыслей. Апофеозом этого процесса стало развитие капитализма, который основан на личном интересе и инициативе, причем часто личные интересы не совпадают или противоположны общественным.

В настоящее время становится очевидной недостаточность только логического мышления. Личное сознание должно быть расширено до коллективного с сохранением индивидуального сознания, а рассудочное мышление дополнено образным. Из истории видно, что почти все талантливые достижения основаны на работе обоих полушарий мозга и, соответственно, на соединенной работе рассудка и разума, логики и воображения. Рассудок обращен к прошлому, к памяти, в то время как воображение способно решать задачи с недостатком информации, то есть обраще-

но к будущему²⁷. Вполне возможно, что воображение и есть та божественная сила, которая предоставлена человеку для соучастия в творческой деятельности. Сегодня человечество стоит у истоков становления коллективного сознания — возвращения якобы к старому на новом уровне.

Коллективное сознание имеет общее поле сознания, которое объединяет индивидуальные сознания. Индивидуальное сознание должно соответствовать определенным требованиям: признавать общее благо более важным, чем благо личное, исходить из принципа благоговения перед жизнью. Это человеческое качество формирует личность, обладающую широким кругозором, планетарным мышлением, признающим экологический и нравственный императивы. Когда коллективное сознание будет достаточно развито и достигнет глобального уровня, то каждый человек сможет пользоваться коллективной памятью и коллективной силой мысли, делая запрос и получая ответ. В результате будет построена совершенно новая — информационно-ноосферная — цивилизация.

О коллективной психической энергии человечества.

Как мы выяснили, сознание в широком смысле слова шире разума и рассудка, оно включает в себя еще и психику человека: поток восприятия, уровень сознания, самосознания, различные состояния сознания (бодрствование, сон, измененные состояния сознания), проявления свободной воли и др. Жизнь человека определяется не столько его физической силой, сколько силой мысли и силой психики.

Психической энергии придается особое значение в книгах Живой Этики (Агни Йоги). «Психическая энергия есть ВСЕ. Психическая энергия есть всеначальная энергия», «так как она будет сочетаться со всеми проявлениями жизни»²⁸. Как всеначальная энергия, она включает в себя все остальные ее виды, в том числе мыслительную, нервную и физические виды энергии. Сознательное использование психической энергии изменяет жизнь самого человека и его окружения. «Уже в глубокой древности люди замечали Премудрость Божью как всенаполняющую энергию»²⁹. Человек находится в особом отношении к этой энергии, которая проявляется в его разуме и выделяет его из всего творения. Благодаря сознанию человек сопричастен творческой

божественной силе, Логосу, мировому разуму, создающему мир, что особо подчеркивает философская антропология³⁰.

Поскольку мы говорим о коллективном разуме и коллективном сознании, то их источник — в коллективной психической энергии человечества. Несомненно, эта энергия определяется видовыми характеристиками, а также связью с космической энергией (разумом). Эти представления находят свое выражение в попытках выработки новых понятий о мире. Так, В. П. Казначеев пишет о пространстве-материи и энергии-времени, соединяя физические представления о пространстве-времени А. Эйнштейна и понимание времени Н. А. Козыревым³¹. Человечество входит в новую космогеобиофизическую эпоху, в «Универсум, в космический неравномерный эфир, в живое космическое пространство»³², оно будет способно воспринимать потоки эфира — психической энергии. На этой основе человечество сможет стать единым коллективным разумом и автотрофным, независимым от других царств природы, и воспроизводить органические механизмы усвоения солнечной и космической энергии³³.

Мы можем сопоставить психическую энергию с качествами интеллигенции и пассионарностью. Ясно, что пассионарии (Л. Н. Гумилев) — это люди с большим запасом или уровнем психической энергии³⁴. Интеллигенция, как представитель идеи общего блага, а также активная передовая часть народа, неизбежно работает с психической энергией высоких уровней. Все выдающиеся люди — ученые, политики, художники, религиозные деятели были не только профессионалами в своих сферах, но обладали большой работоспособностью, высокими моральными и нравственными качествами, чувством долга, целостным мировоззрением и характером — всем тем, что делает человека интеллигентным.

Коллективный разум как концепт ноосферы. Коллективный разум и коллективное сознание занимают в ноосфере свое закономерное место. Согласно системному подходу, любая система имеет три уровня организации: концептуальный (системообразующее свойство), структурный (системообразующее отношение) и субстратный (элементы системы). Как указывает И. В. Дмитревская, основными характеристиками организованности биосферы являются потоки информации, энергии и

вещества³⁵. Главную роль (концептуальную) в биосфере играет энергия. В ноосфере информация и энергия меняются местами: информация направляет потоки энергии, энергия структурирует вещество. Это и есть главный ноосферный закон, он определяет движение, направленное от информации к веществу³⁶. Но есть и другое движение: от вещества к энергии и информации. Это семиотический закон, раскрывающий механизм порождения информации: энергия извлекается из вещества, информация — из энергии³⁷. В этом законе главную роль играет культурная биогеохимическая энергия. Оба закона объединяются в циркуляцию вещества, энергии и информации в ноосфере. Но что направляет этот круговорот? В общем можно сказать, что научная мысль и труд организованного человечества. Как мы видели, именно информация играет в этом открытом круговороте главную роль, с информацией работает коллективный разум человечества. А поскольку информация играет в ноосферной системе концептуальную роль, то и коллективный разум является системообразующим свойством ноосферы. Главным носителем разума выступает интеллигенция, значит, поддерживать и направлять круговорот информации, энергии и вещества в биосфере и ноосфере — одна из главных ее задач. Если человек не будет прикладывать усилия мысли и труда, чтобы поддержать циркуляцию информации, энергии и вещества в заданном направлении, то главным вновь станет поток энергии в биосфере. Движение имеет две составляющие: функционирование и развитие³⁸. Для функционирования биосферы необходима энергия, для развития ноосферы — свободная культурная биогеохимическая энергия, определяемая научной мыслью организованного человечества. К. Мангейм писал, что в трансформационных процессах общества решающим моментом становится способность мыслящих сил так творить знание и волю, чтобы преобразовать историю³⁹. Эти слова прекрасно описывают круговорот энергии и информации. Информация извлекается из энергии, то есть из прошлого опыта, переосмысливается и становится знанием, которое организует новый поток информации для направления энергии. Далее следует новый цикл организованности и опыта, при этом знание выступает и как объективное, и как субъективное. Как объективное оно независимо существует и относится к организации мира. Как субъек-

ективное оно может создаваться и преобразовываться мыслящим человеком. Так ноосферный закон может быть дополнен целевой функцией сознания или духовности, а именно — сознания интеллигенции, главной задачей которой выступает направление круговорота информации, энергии и вещества в биосфере и ноосфере.

Современное ноосферное развитие стоит перед выбором: либо дальнейшее технократическое развитие, либо духовное, творческое развитие личности, индивидуальности, развитие коммуникативности, интеллигентности. В технократическом пути, связанном с глобальной компьютеризацией, информация становится все более доминирующей, то есть ноосферный закон действует — информация управляет энергией и затем производством продуктов. Но современный мир заводит человечество в тупик, так как качество информации — сугубо материалистическое. В этой дилемме проявляется глобальный ноосферный конфликт, который всегда присутствовал в истории человечества, это конфликт между эгоизмом и признанием общего блага. Интеллектуалы в массе своей эгоистичны, интеллигенты исходят из интересов целого. Доминирующим в ноосферном развитии должен стать поток информации, связанный с культурой, духовностью человека, а поток технократической информации должен иметь второстепенное значение. Технократическая информация должна поддерживать стабильное функционирование общества и создавать условия для развития культуры.

Самоорганизация коллективного разума: проблема уровней. Как полагает Н. Н. Моисеев, становление коллективного разума должно считаться третьей планетарной бифуркацией, такой же, как появление жизни и разума⁴⁰. Разум и сознание имеют и коллективную, и индивидуальную формы. Когда появился разум первоначального человечества, индивидуальное сознание имело низкую стадию развития, было смутным и, вероятно, находилось на уровне теперешнего подсознания; человек осознавал себя только в коллективе⁴¹. Сегодня, когда личностное сознание высоко развито, стало возможным провести дальнейший синтез: личностное сознание должно

научиться осознавать общее сознание; а общее сознание развиться до стадии ноосферного самосознания.

Самоорганизация коллективного разума протекает на различных уровнях: глобальном, национально-государственном, региональном и групповом. Закон единения, открытый В. В. Докучаевым на уровне биоценозов и выше, действует также и в человеческом обществе⁴². Коллективный разум и коллективное сознание создаются под действием этого закона. На общечеловеческом уровне необходимость объединения диктуется глобальным экологическим кризисом, а также определенным уровнем развития сознания людей, развитием личности в массовом масштабе, врожденной потребностью к объединению. Объединение народов всего мира стало возможным лишь после достижения определенного уровня мирового развития и после ужасов и страданий двух мировых войн. Создавшуюся Организацию Объединенных Наций Н. Н. Моисеев рассматривает как прообраз коллективного разума человечества. Этот объединенный разум пока находится в стадии развития. Ему не хватает силы принятия решений и проведения этих решений в жизнь. В деятельности мирового сообщества проявился очень важный феномен для работы коллективного разума — консенсус, когда важные решения долго подготавливаются, ищутся формулировки, устраивающие все стороны, и решение принимается без голосования⁴³. На национально-государственном уровне предлагаются формы ноосферных республик, которые будут руководиться группами интеллигенции⁴⁴. Коллективное сознание на групповом уровне создается, когда каждый человек отводит свою личность на задний план, когда благо группы становится определяющим. Тогда возникает резонанс и создается общее поле мысли и сознания. При этом коллективная память, внимание, способность принятия решений и их реализации резко возрастают, они не равны арифметической сумме возможностей членов группы. В человеческой истории проявления коллективного разума насчитывают тысячи лет. Это и коллективно-полевая природа сознания; организация общинной жизни, которая была необходима для выживания людей во враждебной природной среде; это и военные организации, где общее действие достигается за счет дисциплины; решение научных задач крупными коллективами ученых и небольшими группами (мозговой штурм); наконец, это совместный труд, который не просто имеет антиэнтропийную природу⁴⁵, но носит созидательный и объединяющий людей

характер, когда общее поле создает приток энергии к каждому члену сплоченного коллектива.

Сознание состоит из трех основных слагаемых: бессознательного, собственно сознания и сверхсознания. Этим трем составляющим можно поставить в соответствие три вида ума. Это интуиция, рациональный ум с его составляющими — разумом и рассудком и инстинктивный, иррациональный ум. Коллективный разум человечества может быть представлен как имеющий также три составляющие: разум интеллигенции, работающий с потоком идей через интуицию, рациональный разум власти и спонтанный и непосредственный ум народа. Интеллигенция способствует сохранению и развитию человечества как духовного сообщества, власть работает для сохранения независимости страны, нации и социума. Народ, рассмотренный как масса живого разумного вещества, является выражением человечества как вида в его социобиологической эволюции, он поддерживает и сохраняет традиции, постепенно ассимилирует достижения интеллигенции. Сведем вышеперечисленное в таблицу.

Раздел сознания	Коллективный ум	Вид ума	Человечество
сверхсознание	интеллигенция	интуиция	духовная общность
сознание	власть	рациональный	страна, нация, социум
подсознание	народ	иррациональность традиции	народ как часть вида, социобиологическая эволюция

Функции мировой интеллигенции. Как было отмечено выше, человек взаимодействует с природой все более как единое целое, как организм, который объединяется, интегрируется развивающимся коллективным разумом. Коллективный разум создает новое планетарное мировоззрение людей, интегрирует человечество в единое целое, ставит цели и проводит принимаемые решения в жизнь.

Наряду с термином «коллективный разум» целесообразно использовать термин «коллективное сознание». Коллективное сознание и коллективный разум имеют сложную развивающуюся

структуру, состоящую из различных подсистем нескольких уровней, и взаимодополняют друг друга.

Системным свойством коллективного разума является его целевая функция. Целью коллективного разума является соборное объединение человечества, человеческая революция качества сознания, формирование ноосферного сознания, управление коэволюцией человека и биосферы.

Интеллигенция играет решающую роль в процессе перехода биосферы в ноосферу, в существовании человека как духовной общности, в становлении и развитии ноосферы. Мировую интеллигенцию можно рассматривать как становление коллективного разума и сознания. В развивающемся коллективном сознании человечества коллективное сознание интеллигенции занимает сверхсознательную, интуитивную и синтезирующую роль. Интеллигенция является хранителем и транслятором культуры, творчески ее развивает согласно меняющимся историческим условиям, определяет цели развития человечества на перспективу. Еще одна важная функция — разрешение противоречий, неизбежно возникающих в процессах становления Ноосферы и ее важнейшего атрибута — Коллективного Разума⁴⁶. Главным мотивом деятельности интеллигенции является достижение общего блага, создание цивилизованных условий для жизни и развития народных масс, всего человечества. Интеллигенция выступает субъектом, носителем и организатором духовного производства, значение которого по сравнению с материальным производством постоянно растет. Это подтверждается в том числе увеличением доли информационной составляющей в валовом продукте многих стран — и развитых, и развивающихся.

Одной из важнейших задач интеллигенции является гармонизация взаимосвязанных потоков информации, энергии и вещества, которые образуют круговорот в биосфере и ноосфере. В этом круговороте, как было отмечено выше, можно выделить две главные составляющие: одна технократическая, поддерживающая функционирование цивилизации, а другая духовная, поддерживающая развитие человечества. Современное человечество стоит перед выбором технократического или более духовного пути развития, где техника явится лишь базой функционирования цивилизации и будет создавать условия для развития культуры. По-

этому сам круговорот информации, энергии и вещества в ноосфере, являясь относительно самостоятельным, нуждается в управлении, отражающем цели и мотивы человечества. Это задача коллективного сознания человечества или, более точно, — коллективного сознания интеллигенции.

Современный мир находится в состоянии бифуркации. Исход этого периода зависит и определяется процессами становления Коллективного Разума, усилий интеллигенции — коллективных, национальных и планетарных. Интеллигенция является субъектом самоорганизации коллективного разума и коллективного сознания человечества. Их создание, в отличие от двух основных предыдущих бифуркаций (появление жизни и разума), должно протекать полностью сознательно, то есть планироваться, направляться и корректироваться интеллигенцией. Усиление роли интеллигенции во власти (приход интеллигенции к власти) в национальных правительствах и в международном масштабе представляется необходимым шагом в ноосферном развитии.

На основе изложенного перечислим основные функции мировой интеллигенции: мировоззренческая (изменение и развитие коллективного сознания); ценностно-регулятивная (оценка событий и их коррекция); целевая (выработка целей и принятие решений); волевая (проведение решений в жизнь); интегративная, системообразующая (интегрирует коллективный разум человечества); гармонизирующая (разрешение конфликтов, учет интересов различных групп общества). Эти функции являются конкретизацией главной функции интеллигенции — управление процессами интеграции человечества, превращение его в единый живой мыслящий организм для выполнения планетарной миссии по запуску процессов коэволюции человека и биосферы.

Развитие интеллигенции особенно интенсифицируется на границе XX—XXI веков. Образуется мировой «мозг», обладающий огромной эрудицией, использующий весь запас знаний, накопленный культурой за многие тысячелетия. Важнейшим системообразующим свойством интеллигенции всегда считалась мудрость, которая определяется как понимание, любовь и искусное приложение этих качеств к конкретным обстоятельствам. Мировое социальное развитие показывает, что участие интеллигенции в социальном реформировании, обновлении общества способст-

ует эффективной трансформации современного мира. Таким образом, становление мировой интеллигенции, проблемы ее системообразующих функций по отношению к коллективному разуму человечества, ее направляющей роли в человеческой истории являются составной частью философии коллективного разума и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Примечания

- ¹ Циолковский К. Э. Монизм Вселенной // Русский космизм : антология философской мысли / сост. С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой. М., 1993. С. 270—273.
- ² Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Философские мысли натуралиста. М., 1977. Кн. 2. С. 128.
- ³ Там же. С. 84—86.
- ⁴ Платон. Государство // Платон. Филеб; Государство; Тимей; Критий / общ. ред. А. Ф. Loseва, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1999. Гл. VI. 484d. С. 262—263; 489b. С. 268.
- ⁵ Вернадский В. И. Указ. соч. С. 92.
- ⁶ Меметов В. С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 20, 25.
- ⁷ Смирнов Г. С. Интеллигенция и ноосфера : философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007. С. 110.
- ⁸ Вернадский В. И. Указ. соч. С. 62—65.
- ⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 34—48.
- ¹⁰ Кривопалова Н. Ю. Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 34.
- ¹¹ Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1998. С. 315.
- ¹² Там же. С. 318.
- ¹³ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 226.
- ¹⁴ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 340.
- ¹⁵ Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 403.
- ¹⁶ Там же. С. 589—591.
- ¹⁷ Антонов Н. П. Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. М., 1955. Т. 3. С. 30.
- ¹⁹ Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии 19—20 вв. Иваново, 1994. С. 367.

- ²⁰ Широков В. А. Ноосферные измерения информации и знания // Ноосферология: наука, образование, практика / под общ. ред. О. А. Габриеляна. Симферополь, 2008. С. 229—247.
- ²¹ Лосев А. Ф. Форма. Стилль. Выражение / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. М., 1995. С. 22.
- ²² Там же. С. 31.
- ²³ Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001. С. 181.
- ²⁴ Там же. С. 19.
- ²⁵ Там же. С. 17.
- ²⁶ Казначеев В. П., Спириин Е. А. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. Новосибирск, 1991. С. 113—122.
- ²⁷ Белов А. А. Место и роль интеллигенции в формировании и развитии информационного общества // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008. С. 317.
- ²⁸ АУМ // Агни Йога : в 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 339.
- ²⁹ Там же. С. 250.
- ³⁰ Шелер М. Человек и история // Человек и сущность. М., 1991. Вып. 2. С. 133—152.
- ³¹ Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск, 2004. С. 279.
- ³² Там же. С. 281.
- ³³ Там же. С. 278—292.
- ³⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 497.
- ³⁵ Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы (часть 1). Иваново, 2002. С. 27—28.
- ³⁶ Там же. С. 28.
- ³⁷ Смирнов Д. Г. Семисофия ноосферного универсума: ноосфера и семисофера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008. С. 103.
- ³⁸ Киселев А. И. Экология и гуманизм : автореф. ... д-ра филос. наук. СПб., 2005. С. 6.
- ³⁹ Цит. по: Мансуров В. А., Барбакова К. Г. Интеллигенция в структуре власти — миф или реальность? // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 18.
- ⁴⁰ Моисеев Н. Н. Человек и Ноосфера. М., 1990. С. 34.
- ⁴¹ Казначеев В. П., Спириин Е. А. Указ. соч. С. 113—122.
- ⁴² См.: Федоров В. М. Биосфера — земледелие — человечество. М., 1990. С. 189.
- ⁴³ М'Боу А.-М. Время народов : сб. ст. : пер. с фр. М., 1985. С. 321—331.
- ⁴⁴ Адамов А. К. Ноосферная Республика Россия. Саратов, 2001. С. 72—125.

⁴⁵ *Подолнский С. А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии // Слово. 1880. № 4/5. С. 135—211.

⁴⁶ *Смирнов Г. С.* Указ. соч. С. 97.

И. А. Левицкая

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ И ФУНКЦИЙ

О месте и роли интеллигенции в современном мире идет сегодня широкая дискуссия. Само слово «интеллигенция» придумано в России и разошлось по свету. Существует множество интерпретаций этого понятия. В. М. Соколов — доктор философских наук, старший научный сотрудник социологического и социально-психологического центра Российской академии управления, считает, что интеллигенция XIX века выступала в роли интерпретатора и ретранслятора культурных ценностей. Она несла в народ, по его словам, идеи правды, справедливости и высокой морали¹. Членом-корреспондентом РАН, почетным доктором философских наук Института социологии РАН Н. И. Лапиным интеллигенция характеризуется как страта квалифицированных специалистов, которые выполняют совокупность ценностных функций по отношению к обществу как целому². Академик Д. С. Лихачев считал, что «интеллигент — это... человек, обладающий умственной порядочностью... к интеллигенции принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам»³. С точки зрения академика Н. Н. Моисеева, к интеллигенции относится, «прежде всего, та прослойка нашего народа, которая способна выйти за рамки своих личных интересов, думать о судьбах своей страны, особенностях своего государства, искать конструктивные усовершенствования его структуры и деятельности. И это далеко не всегда люди интеллектуального труда»⁴.

Как видно, основой для толкования понятия «интеллигенция» являются место интеллигенции в структуре общества, ее функции и личностные качества.

© Левицкая И. А., 2009

Левицкая Ирина Александровна — магистрант 2-го курса факультета фундаментальной и прикладной химии Ивановского государственно-го химико-технологического университета. Rusachok@list.ru

На переломе веков сущностные черты российской интеллигенции сильно изменились. Российский интеллигент приобрел двойственность характера: свобода духа стала у него скорее чертой индивидуальной, чем социальной. Интеллигента теперь больше волнует личное, индивидуальное видение окружающей обстановки, чем социальное движение народа. У многих интеллигентов в настоящее время просматривается следующая тенденция в поведении: они выдвигают прогрессивные идеи, но у них нет желания и возможностей их реализовать.

Общеизвестно, что социокультурная миссия интеллигенции чрезвычайно сложна и разнообразна. Она охватывает различные сферы культуры: образовательную, просветительскую, художественную, политическую, нравственную.

Р. В. Рывкина, доктор экономических наук, профессор Государственного университета Высшей школы экономики, размышляющая над проблемой интеллигенции в социально-структурном аспекте, считает, что идеологическая функция советской интеллигенции с падением советского строя исчерпала себя: в обществе изменился спрос на духовные ценности, а значит, и на «властителей дум». Действительно, в бурные 1990-е годы часть советской интеллигенции трансформировалась в политическую элиту, бизнес-элигу, часть — пополнила слои малоимущих и бедных. Если в советское время интеллигенция и государственный аппарат представляли собой разные социальные реальности, что позволяло интеллигенции выполнять определенные функции в социально-классовой структуре, то теперь интеллигенция «вошла во власть», слилась с государственным управлением⁵. Действительно, кто такие были Гайдар, Бурбулис, Ястржембский, Якушкин, Березовский, Нечаев, Чубайс, Васильев и многие другие люди из окружения Ельцина? Это — бывшие советские интеллигенты: преподаватели общественных наук, кандидаты и доктора наук, которые после августа 1991 года стали профессиональными политиками. Более того — высшими чиновниками нового российского государства.

В связи с тем, что положение интеллигенции в обществе изменилось, и она явственно разделилась практически на противоположные части, не могли не измениться и нравственные позиции, и функции постсоветской интеллигенции. Между тем, нрав-

ственная миссия, в соответствии с которой интеллигенция воспринимает, сохраняет, распространяет и создает культуру и духовные ценности, является важнейшей. А общественные культурные ценности тесно связаны с грамотностью народа, так как чем выше грамотность, тем выше моральные ценности. Правда, следует отметить, что в современном обществе смысл грамотности изменился: она теперь все меньше связывается с работой над письменным текстом и все больше — с образной информацией. А это сокращает социально дифференцирующее расстояние между высококультурными и малокультурными слоями при доступе к информации, необходимой для жизненной ориентации. Более того, в информационную эру уже нельзя, на наш взгляд, однозначно говорить о сохранении самобытности русской души и индивидуальности личности, ибо через СМИ происходит активное зомбирование молодого поколения и малообразованной части общества. Даже компьютер — основной атрибут информационной эры, — с одной стороны, усиливает возможности глубоко мыслящего, одаренного человека, а с другой стороны, — протезирует большое количество примитивных функций мозга, атрофирует мышление и чувства необразованного человека. Все это чревато пагубными последствиями для общества. И самым опасным, вызывающим тревогу следствием создавшегося положения является, на наш взгляд, разрыв между поколениями.

Студенческие годы обычно совпадают с активной фазой конструирования личностью своего будущего. Но формирование жизненных планов студента не является произвольным и независимым. Как образовательный процесс, так и, в не меньшей степени, экономическое положение семьи, воздействие студенческого сообщества, университетской среды, общественного настроения в стране и других внешних обстоятельств могут существенно корректировать жизненные планы молодых.

В то же время анализ ценностных ориентаций молодежи приводит к выводу, что среди студентов самоидентификации с интеллигенцией практически не обнаруживается, а труд интеллигенции — учителей школ, преподавателей вузов — не рассматривается как престижный и свидетельствующий о жизненном успехе⁶.

Означает ли сказанное выше, что для интеллигенции в современном российском обществе нет места и что эта группа на-

ходится в социальной изоляции? Думается, ответ на этот острый вопрос напрямую связан с проблемой образования и устойчивого развития современного российского общества.

Важной задачей, на наш взгляд, является воспроизводство интеллигенции в новых поколениях. Образование как процесс передачи от старших поколений младшим определенного объема социокультурных знаний и установок предполагает не только институциональные средства такой передачи, т. е. не только наличие соответствующих учреждений, норм, ролей и статусов, но и наличие некоторой устойчивой общности, которая несла бы в себе импульс ретрансляции знаний. В то же время умственный труд, интеллектуальное и художественное творчество в наше время перестают быть уделом группы людей с определенной образовательной подготовкой, основанной на специальном знании и идентификации с определенными культурными образцами. Существенно и то, что для новых поколений россиян, жизненные ориентиры которых формируются после 1991 года, ценности, присущие интеллигенции, и образ жизни интеллигентов не обладают столь большой привлекательностью, как раньше, а жизненный успех понимается в формах, нередко далеких от установок тех, кто сохраняет идентичность с интеллигенцией. В системе высшего образования Российской Федерации изменились мотивации студенчества в сфере труда, и образование как источник жизненного успеха потеряло свою стимулирующую роль.

Напрашивается вывод: в образовательных стратегиях недостаточно обращаться только к идеям, которые желательно передать новым поколениям, и к способам такой передачи (дидактике, методике). Важно внимательно наблюдать за изменением целей, стремлений, достижений в самой молодежной общности, считаться с ее мнениями и вносить в систему образования те коррективы, которые будут помогать молодежи адаптироваться к новым жизненным условиям.

В настоящее время, в разгар социально-экономического кризиса, в период нестабильности общества, особое внимание должно быть уделено связи поколений. Этот аспект должен стать не только заботой интеллигенции, но и государственной заботой. Система образования, как никогда, приобретает сейчас важное значение. Именно в ней заложены механизмы, которые не раз

доказали свою эффективность в укреплении связи поколений. В этой системе остаются люди, которые способны воспитывать молодежь, передавать им знания, системы ценностей и нравственные установки. Они способствуют развитию в молодежи творческого начала, стараются сделать так, чтобы творчество стало основой формирования личности с обостренным чувством ответственности за себя, за своих «ближних и дальних», за свою страну.

Возвращаясь к началу наших рассуждений, повторим, что интеллигент — это, прежде всего, творец и собственный критик. Это человек, величие нравственных качеств которого равняется величию его ума. Критичность служит для него средством преодоления одномерности мышления. Истинный интеллигент, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, остается важнейшей фигурой российской действительности. Он, подобно Дон-Кихоту, не отказывается от своей миссии, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства, он ищет и находит учеников, таких же преданных науке и истине и не ждущих даров от рыночной экономики⁷.

Примечания

- ¹ Соколов В. М. Нравственные коллизии современного российского общества // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 42—51.
- ² Латин Н. И. Общая социология : учеб. пособие для вузов. М., 2008.
- ³ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции : письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2.
- ⁴ Моисеев Н. Н. Вехи — 2000 : заметки о русской интеллигенции кануна нового века // Дружба народов. 1999. № 3.
- ⁵ Рывкина Р. В. Интеллигенция в постсоветской России. Исчерпывание социальной роли // Социологические исследования. 2006. № 6.
- ⁶ Степанова О. К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // Там же. 2008. № 1. С. 46—53.
- ⁷ Кара-Мурза С. Г. Интеллигенция в перестройке: отход от норм рационального мышления // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)64-283.2:72.6

Ю. С. Марфин, С. С. Садина

ОБРАЗ И МЕНТАЛИТЕТ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО УЧЕНОГО¹

Современный мир предъявляет суровые требования к населяющим его людям. Не является исключением и наша страна. Находясь на пути модернизации и строительства нового государства, российское общество испытывает поэтому объективную потребность в максимальном использовании своего интеллектуального и культурного потенциала для решения стоящих перед страной задач. Требуется ясность мысли, быстрота принятия нестандартных решений в постоянно меняющейся ситуации, привнесение новых идей и смыслов, способных сориентировать людей в переходный период; необходим переход от экстенсивной добывающей к интенсивной производящей экономике. Наиболее мощным и доселе в полной мере не востребованным интеллектуальным и культурным ресурсом России, на наш взгляд, являются

© Марфин Ю. С., Садина С. С., 2009

Марфин Юрий Сергеевич — магистрант первого курса Ивановского отделения Высшего химического колледжа Российской Академии наук. marfin@isuct.ru

Садина Светлана Семеновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета. (4932) 30-73-46 доб. 2-12

молодые ученые. Именно молодые люди, глубоко увлеченные наукой, сознательно выбравшие в качестве жизненной цели служение своей Родине, составляют богатство нации. Потенциал этот, возможно, не очевиден, он сжат, подобно пружине, и сконцентрирован, словно «куколка», из которой со временем появится прекрасная бабочка².

Не стоит забывать и о том, что научные кадры требуют постоянного обновления, без которого прервется связь поколений, поддерживающая российскую науку на высочайшем уровне. А основной фактор, определяющий вовлечение молодежи в научную и научно-педагогическую деятельность, — это интерес общества к науке и образованию. К огромному сожалению, последнее десятилетие двадцатого века существенно изменило систему общественных ценностей, и наука, в глазах общества, в значительной степени утратила свое значение и престижность. Без высокого статуса, без четкой перспективы развития практически невозможно мотивировать наиболее талантливых студентов оставаться в сфере образования и науки. И дело не только в уровне заработной платы. В любой стране мира научная деятельность приносит доход меньший, чем профессии, к примеру, связанные с финансами. Однако именно наука в общественном сознании передовых инновационных государств сохраняет некую элитарность. Поэтому многие молодые люди в этих странах предпочитают простому зарабатыванию денег занятие любимым интересным делом — научными исследованиями.

Иная ситуация сложилась в России. Значительная часть талантливых студентов, проявивших уже на младших курсах интерес к науке, почувствовавших вкус и способность к научным изысканиям и понимая масштабность научных задач, готовы встать в ряды ученых-исследователей. Но такие энтузиасты встречают сопротивление со стороны общества, в сознании которого укоренились представления о несостоятельности российской науки и нищенском статусе современных ученых. Именно поэтому сами российские ученые должны приложить максимальные усилия к тому, чтобы сформировать традиционно соответствующий общественной значимости образ ученого, деятельность которого просто необходима для нормального функционирования современного общества³.

В связи с тем, что эта проблема актуальна, важна и интересна, магистранты первого курса Ивановского отделения Высшего химического колледжа Российской Академии наук в рамках курса профессионально ориентированной риторики решили провести дискуссию на тему «Образ и менталитет современного молодого ученого». В разговоре приняли участие не только магистранты, но и сотрудники университета — состоявшиеся преподаватели, ученые. Участвовала в дискуссии и декан колледжа, О. В. Лефедова — человек, руководящий коллективом и, в известной степени, формирующий облик завтрашнего ученого-химика.

Быть может, не случайно проведение дискуссии совпало по времени с открытием в университете мемориальной доски доктору химических наук, профессору К. С. Краснову. Константин Соломонович был и остается для научного сообщества знаковой фигурой, воспитателем целого ряда профессоров и докторов наук. Люди, знавшие и учившиеся у него, вспоминают, что этот человек обладал особой энергетикой: умением заинтересовать, увлечь, организовать и вести за собой научный коллектив...

Теперь иные времена. Изменилась ситуация, современный мир накладывает свой отпечаток и выдвигает новые требования к людям, посвятившим себя науке. Каким же должен быть современный ученый?

Для начала, определимся с понятиями «образ» и «менталитет». *Менталитет* (франц. Mentalite, от позднелат. mentalis — умственный) словари толкуют как образ мышления, мировосприятия, духовной настроенности, присущие индивиду или группе. В российской философии, культурологии и публицистике это понятие обычно употребляется для характеристики национальных особенностей народов и их культур⁴. Внешним способом воплощения менталитета может являться образ. *Образ* — это форма отражения объекта в сознании человека. *Образ* объективен по своему источнику — отражаемому объекту — и идеален по способу (форме) своего существования. *Образ* проявляется в практических действиях, языке, различных знаковых моделях⁵.

В менталитете российского общества идеальный образ ученого сформировался уже давно. Известно, что до начала XX века все изобретения делались энтузиастами, людьми, которые действитель-

но горели жаждой новых знаний и открытий, такими, как Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, М. В. Ломоносов, К. Э. Циолковский.

С развитием общества и высшего образования значительно изменился социокультурный статус ученого за счет перехода понятия «ученый» в ранг профессии. Но и сегодня остается точка зрения о преопределенности человека к данному виду деятельности, его ярко выраженной инаковости по сравнению с остальными. Согласно этой точке зрения, более всего образ ученого характеризуют такие качества, как «энтузиаст», «творец», что ставит его в один ряд с представителями исконно творческих профессий — писателями, художниками, деятелями культуры и искусства. Традиционно считается, что ученым нельзя стать, им можно только родиться, потому что эта профессия требует определенного склада ума, постоянного стремления к познанию нового, ярко выраженного творческого начала. Конечно, тяга к новым знаниям присутствует у любого человека, в каком бы времени он ни жил. Однако еще в период главенствования натурфилософии появились люди, для которых эта тяга стала основным стимулирующим фактором, а познание нового — бессменной парадигмой. Тогда они называли себя философами, сегодня называют учеными, но суть осталась неизменной. Именно внутренний мир такого человека определяет его деятельность, вне зависимости от того, будет она вознаграждена материально или нет. В этой одержимости познанием и открытиями заключен стержень ментальности ученого, вокруг которого и складываются черты характера исследователя, а также его образ — образ одиночки «не от мира сего».

Несомненно, данная точка зрения возвышенна и одухотворена, однако, существует мнение, что наука перестала быть наукой, когда за нее начали платить. Нельзя не принимать во внимание и тот факт, что в последнее время в России намечается переход в массовом сознании от устойчивого восприятия ученых как людей необеспеченных и не поддерживаемых государством, к формированию представления об ученом как о богатом человеке, научная деятельность которого приносит доход. Развитие этой тенденции может быть связано с появлением в нашей стране нового образа субъекта научной деятельности — ученого-предпринимателя (в отличие от научного сотрудника советской и постсоветской формации — социального аутсайдера, вынуждаемого к эмиграции

в поисках лучшей доли или к поиску другой, не связанной с научной деятельностью работы, способной обеспечить ему достойное существование). Примером того, как можно зарабатывать, занимаясь наукой, стала деятельность научно-технических парков, количество которых возрастает в нашей стране. Важно, что на психологическом уровне оценка исследователя как предпринимателя, зарабатывающего на жизнь своим основным делом, уже зафиксирована в общественном сознании. А это значит, что образ современного ученого дополняется новым понятием — «предприниматель», а сам исследователь открывает новые возможности для реализации своего потенциала⁶. Это является отражением тенденции перехода российской науки на западные рельсы, когда во главу угла ставятся гранты, финансируемые проекты и т. д.

Ученый сегодня должен обладать не только обширными знаниями в своей области науки, но и иметь навыки, свойственные скорее бизнесмену, — деловую хватку, расчетливость, способность к саморекламе. Действительно, многие современные российские деятели науки большую часть своего времени вынуждены тратить на поиски финансирования, разрабатывая коммерческие проекты, оформляя заявки на гранты, занимаясь преподавательской деятельностью. Но как бы ни менялись времена, настоящие ученые всегда преследовали одну цель: поиск истины в устройстве мироздания. Именно поэтому важнейшими чертами современного ученого остаются способность и понимание необходимости постоянно учиться, совершенствоваться, углублять свои познания, а также развивать научную интуицию, то есть умение предсказать что-то, опираясь на неполные данные, неполную картину мира. Способность же предполагать, строить гипотезы зиждется, прежде всего, на вере в свои силы и свои идеи. Именно эта вера рождает энтузиазм ученого, отличающий его от всех остальных людей. За счет такого энтузиазма настоящие ученые заражают своими устремлениями и ведут за собой учеников.

Следует учитывать и то, что на менталитет ученого влияет и менталитет народа, к которому этот ученый принадлежит. Русскому человеку всегда была свойственна духовность, созерцательность и даже медлительность. Эти качества в полной мере находят свое отражение и в менталитете современного российского ученого. На взгляд авторов, это одна из причин, по которой

ученому России сегодня так трудно адаптироваться к объективным потребностям мировой науки.

Подводя итог рассуждениям о менталитете и образе современного молодого ученого, мы приходим к выводу: нельзя однозначно нарисовать обобщенный образ современного молодого человека, занимающегося научной деятельностью. Такой образ будет слишком плоским и односторонним, не передающим всего многообразия и глубины личности ученого, а менталитет, ему приписываемый, абсолютно не жизнеспособным. В условиях современной России можно найти как ученых-энтузиастов, так и ученых-бизнесменов, и обе эти категории активно взаимодействуют между собой, сотрудничая и дополняя друг друга как в пределах одного творческого коллектива, так и на всероссийском уровне. При этом задача научной молодежи — сделать осознанный, правильный, соответствующий личным способностям и возможностям выбор. Лишь одно остается неизменным для любого ученого: он — интеллигент и по сути, и по форме — творец, гражданин, гуманист.

Примечания

- ¹ В основе статьи лежат материалы дискуссии, состоявшейся в Ивановском государственном химико-технологическом университете в декабре 2008 года.
- ² *Иванов Д. В.* Молодые ученые как движущая сила российского общества : протокол съезда молодых ученых 20 октября 2005 года. URL: <http://www.gosmu.ru> (дата обращения 15.01.2009).
- ³ *Касаткин С. Е.* Движение молодых ученых в России: значимость и перспективы : протокол пленарного заседания VI республиканской конференции «Наука и инновации в Республике Мордовия». URL: <http://www.gosmu.ru> (дата обращения 15.01.2009).
- ⁴ *Кравченко А. И.* Культурология : словарь. М., 2000. С. 343.
- ⁵ *Философский энциклопедический словарь.* М., 1989. С. 432.
- ⁶ *Резник Н.* Работа за идею вызывает в современном обществе непонимание и осуждение // Независимая газета : информНаука. 2002. 13 нояб.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на диске стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые понятия; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, полное название кафедры (для внешних авторов — учреждения). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Будник Г. А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, комплексный междисциплинарный подход, инструментарий исследования, сущностные и исторические черты интеллигенции.

Анализируется современный научный инструментарий интеллигентоведения, рассматриваются различные методологические подходы к изучению проблем интеллигенции, дается авторское определение интеллигенции, отмечается роль ивановских исследователей в развитии методологии интеллигенции.

«В науке был и остается только один счет — гамбургский» (Интервью **В. П. Ракова** с **В. И. Чередниченко**)

Ключевые понятия: интеллигенция, наука, высшее образование, методологические стратегии филологии, научные знания в условиях глобализации.

Ставятся вопросы, актуальные для научной и педагогической жизни в высшей школе. Предлагаются возможные решения обсуждаемых проблем. Собеседник В. П. Ракова отвечает на вопросы о том, что такое интеллигенция и стоит ли говорить о её исторической миссии и социальном целеполагании.

Золотарев О. В. Советское учительство в 1920-х годах

Ключевые понятия: советское учительство, повседневная жизнь, государственная политика по отношению к учительству, уровень жизни.

Предпринята попытка анализа повседневной жизни советского учительства в 1920-е годы. Рассматриваются вопросы государственной политики по отношению к учительству, её формы и методы, прослеживаются изменения этой политики и вскрываются их причины.

Гусев А. В. Формы производственной деятельности инженерно-технических кадров в системе промысловой кооперации губерний Верхнего Поволжья в 20—30-е годы XX века

Ключевые понятия: инженерно-технические кадры, техническая интеллигенция, промысловая кооперация, артель, рабочая бригада, ударники, промыслы, ремесла, кустарь, изобретательство.

Рассматриваются основные формы производственной деятельности инженерно-технических кадров и их роль в расширении сотрудничества между техническими специалистами и рабочими.

Шмельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я. «Беседы о реальности» в восьми актах: интеллигенция Саратова в «Intellect Game Session»

Ключевые понятия: интеллигенция провинции, индивид, группа, интеллектуальный и духовный рост интеллигенции, философские семинары.

Рассматривается опыт организации и проведения в Саратове серии философских семинаров, объединенных общей темой — «Беседы о реальности». Раскрывается содержание обсуждавшихся проблем, дается краткая аннотация прозвучавших докладов.

Соловьёв А. А. Интеллигенция и Церковь: методология исследования

Ключевые понятия: интеллигенция, Церковь, методология интеллигентоведения, диалог.

Анализируются новые или еще недостаточно исследованные методологические аспекты диалога интеллигенции и Церкви. Наряду с обычными для исторической науки подходами используются достижения из арсенала семиотики, просопографии и постструктурализма.

Усманов С. М. Интеллигенция и будущее России в диалогах С. Н. Булгакова «На пиру богов»

Ключевые понятия: сборник «Из глубины», русская интеллигенция, Церковь, будущее России.

Рассматривается одна из программных работ известного сборника «Из глубины» — диалоги С. Н. Булгакова «На пиру богов». Особое внимание обращается на интерпретацию С. Н. Булгаковым роли интеллигенции и Церкви в революционных событиях того времени и в перспективах России на будущее.

Комиссаров В. В. Футуристические проекты И. А. Ефремова и братьев Стругацких в реалиях начала XXI столетия

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научно-фантастическая литература, нереалистическая проза, футуристические проекты, постиндустриальный переход.

Анализируется творчество И. А. Ефремова и братьев Стругацких, выявляются точки соприкосновения в их произведениях, различия в авторском восприятии будущего, а также рассматриваются истоки футуристических проектов писателей.

Жульков М. В. Коллективный разум интеллигенции и ноосферное развитие

Ключевые понятия: коллективное сознание, коллективный разум, уровни коллективного разума, системность культурной биогеохимической энергии, ноосфера.

Статья посвящена проблеме становления и развития коллективного разума интеллигенции. Выдвигается тезис о необходимости становления коллективного разума человечества для эффективного решения противоречия ноосферного развития между обществом и природой. Интеллигенция рассматривается как системообразующее свойство коллективного разума.

Левицкая И. А. Интеллигенция современной России: трансформация социальной роли и функций

Ключевые понятия: интеллигенция современной России, социальная роль, социальная функция, информационная эра, ценностные ориентации молодежи.

Опираясь на выводы современных исследователей интеллигенции, автор пытается сформулировать направление трансформации социальной роли и функций интеллигенции в современной России.

Марфин Ю. С., Садина С. С. Образ и менталитет современного молодого ученого

Ключевые понятия: образ, менталитет, современный ученый, интеллигент, предприниматель, социокультурный статус.

В основе сообщения лежат материалы дискуссии, состоявшейся в Ивановском государственном химико-технологическом университете в декабре 2008 года. В работе излагаются представления современного студенчества о менталитете и образе молодого ученого.

Budnik G. A. Concept «intelligentsia»: new approaches and discussions

Key notions: intelligentsia, intelligentsia studies, complex interdisciplinary approach, instruments of research, core and historic features of intelligentsia.

The article analyzes modern scientific instruments of intelligentsia studies, deals with different methodological approaches to the study of intelligentsia problems. The author gives his definition of intelligentsia. The author shows the role of Ivanovo scientists in the development of intelligentsia methodology.

«In science there was and is only one reckoning — from Hamburg» (Interview of **V. P. Rakov** with **V. I. Cherednichenko**)

Key notions: intelligentsia, science, higher education, methodological strategies of philology, scientific knowledge in conditions of globalization.

This interview deals with the problems that are actual for scientific and pedagogical life of higher school. The interview shows possible solutions to the given problems. The collocutor of V. P. Rakov answers the questions of what intelligentsia is and whether it is worth speaking of its historical mission and social targeting.

Zolotarjov O. V. Soviet teachers in the 1920s

Key notions: soviet teachers, everyday life, government policy towards the teachers, level of life.

The article shows the attempt of analysis of soviet teachers' everyday life in the 1920s. It deals with problems of government policy towards the teachers, its forms and methods. The changes of this policy and their reasons are analyzed.

Gusev A. V. Forms of production activity of engineering-technical personnel in the system of trade cooperation of provinces of upper towns of the Volga river in the 1920s—1930s

Key notions: engineering-technical personnel, technical intelligentsia, trade cooperation, artel, brigade of workers, shock-workers, trades, handicraft, handicraftsman, inventiveness.

The article deals with main forms of production activity of engineering-technical personnel and their role in the broadening of cooperation between technical specialists and workers.

Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Ya. «Talks about reality» in eight acts: intelligentsia of Saratov in «Intellect Game Session»

Key notions: intelligentsia of province, individual, group, intellectual and spiritual growth of intelligentsia, philosophic seminars.

The article analyzes the experience of organizing and leading the series of philosophic seminars in Saratov with the general subject — «Talks about reality». The author shows the contents of the discussed problems. The brief annotation of the reports is given.

Soloviev A. A. Intelligentsia and church: methodology of research

Key notions: intelligentsia, church, methodology of intelligentsia studies, dialogue.

The article analyzes new or not enough studied methodological aspects of the dialogue between intelligentsia and the church. Alongside the usual for historic science approaches, achievements of semiotics as well as prosopography and post-structuralism are used.

Usmanov S. M. Intelligentsia and the future of Russia in the dialogues of S. N. Bulgakov «On the Gods' Feast»

Key notions: the book «From the Depth», dialogues of S. N. Bulgakov «On the Gods' Feast», Russian intelligentsia, church, the future of Russia.

The author analyzes one of the program articles in the well-known book “From the Depth”, dialogues of S. N. Bulgakov “On the Gods' Feast”. The author draws much attention to the interpretation of the role of intelligentsia and church in the revolutionary events of that epoch and in the perspectives of Russia for the future.

Komissarov V. V. Futuristic projects of I. A. Efremov and Strugatsky brothers in the reality of the beginning of the 21st century

Key notions: soviet intelligentsia, science-fiction literature, non-realistic prose, futuristic projects, post-industrial transition.

The article analyzes the creative work of I. A. Efremov and Strugatsky brothers. It mentions the points of interconnection in their works, the differences in the author's perception of the future; the article shows the sources of the writers' futuristic projects.

Zhulkov M. V. Collective intellect of intelligentsia and noospheric development

Key notions: collective consciousness, collective intellect, levels of collective intellect, system of cultural biogeochemical energy, noosphere.

The article deals with the problem of coming-to-be and the development of intelligentsia collective intellect. The author points out the thesis of necessity of coming-to-be of collective intellect of mankind for effective solution of contradiction of noospheric development between society and nature. Intelligentsia is seen as a system-forming feature of collective intellect.

Levitskaya I. A. Intelligentsia of modern Russia: transformation of social role and functions

Key notions: intelligentsia of modern Russia, social role, social function, informational era, valuable orientations of youth.

According to the conclusions of modern researchers of intelligentsia, the author tries to formulate the direction of transformation of social role and functions of intelligentsia in modern Russia.

Marfin Yu. S., Sadina S. S. Image and mentality of a modern young scientist

Key notions: image, mentality, modern scientist, intellectual, entrepreneur, socio-cultural status.

The work consists of materials of the discussion that took place in Ivanovo State Chemical-Technological University in December, 2008. The work deals with the conception of modern studentship about mentality and image of a young scientist.

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике:

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

Заявки на приобретение Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39. Ивановский госуниверситет, кафедра истории и культуры России. E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб. Книги будут Вам высланы наложенным платежом с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2009 № 3

Подписано в печать 08.09.2009 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru